ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

спецвыпуск

Научно-практическая конференция «Актуальные проблемы осуществления и защиты гражданских прав»

Является приложением к научному журналу «Молодой ученый» № 23 (127.1)

23.1
2016

16+

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Международный научный журнал
Выходит два раза в месяц
№ 23.1 (127.1) / 2016

СПЕЦВЫПУСК
Научно-практическая конференция «Актуальные проблемы осуществления и защиты гражданских прав»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, *кандидат технических наук*
Члены редакционной коллегии:
Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*
Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*
Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*
Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук*
Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*
Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, *доктор философии (PhD) по философским наукам*
Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, *кандидат географических наук*
Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*
Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*
Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*
Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*
Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*
Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*
Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*
Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, *кандидат педагогических наук*
Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, *доктор философии (PhD) по философским наукам*
Кенесов Асхат Алмасович, *кандидат политических наук*
Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*
Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*
Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*
Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам*
Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*
Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*
Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*
Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*
Матвиенко Евгений Владимирович, *кандидат биологических наук*
Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*
Матусевич Марина Степановна, *кандидат педагогических наук*
Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*
Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, *магистр философии*
Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*
Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*
Сенцов Аркадий Эдуардович, *кандидат политических наук*
Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*
Титова Елена Ивановна, *кандидат педагогических наук*
Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, *кандидат химических наук*
Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*
Ячинова Светлана Николаевна, *кандидат педагогических наук*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.
Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.
Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*
Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*
Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*
Ахмеденов Кажмурат Максутович, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор* (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*
Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*
Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*
Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*
Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*
Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*
Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*
Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*
Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*
Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*
Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*
Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*
Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*
Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*
Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*
Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук *(Азербайджан)*
Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*
Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*
Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*
Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*
Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*
Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*
Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна
Ответственный редактор спецвыпуска: Шульга Олеся Анатольевна
Художник: Шишков Евгений Анатольевич
Верстка: Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.
Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».
Основной тираж номера 500 экз., фактический тираж спецвыпуска: 20 экз. Дата выхода в свет: 30.11.2016. Цена свободная.
Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамовский А.
Электронные денежные средства — деньги будущего? 2

Аллес М.-Т.
Основные принципы проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов..... 3

Асанович В.
Актуальные проблемы осуществления (защиты) права беременных женщин на труд..... 6

Базаева И. В.
Защита прав олимпийцев и паралимпийцев в условиях коллективной ответственности..... 8

Белявцева К. Г.
Правовое регулирование специальных инвестиционных контрактов как формы государственно-частного партнерства.....10

Борсиев К. В.
Развитие государственно-частного партнерства: проблемы формирования законодательной базы в регионах 13

Васильева Т. А.
Институт службы судебных приставов и использование информационных ресурсов сети «Интернет» в их работе 15

Волков О. В.
Свидетельский иммунитет в гражданском процессе и его проблематика.....18

Высоцкая Ю. П.
Реализация права на занятие предпринимательской деятельностью на примере оказания услуг в сфере эстетической медицины 20

Гаренко А. И.
Гармонизация процедур внутреннего третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража как способ совершенствования механизма защиты прав инвесторов 22

Грабельных И.
Проблемные аспекты гражданского законодательства по противодействию корпоративному захвату и шантажу 25

Кабанова М.
Особенности формирования национальной платежной системы России.....29

Киселева Е. В.
Электронный документ как доказательство в гражданском процессе 31

Коваль М.
Защита гражданских прав в контексте отношений муниципальной собственности 33

Мустафаева С. Э.
Проблемы заключения инвестиционного договора муниципальным автономным учреждением.....36

Осканова М. О.
Попечительский совет как орган управления образовательной организации на примере Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.....39

Пазич М.
Категория «справедливость» в отечественной философско-правовой традиции XIX–XX веков 43

Пирожниченко И.
Законодательные нововведения по системе закупок для бюджетных и автономных государственных учреждений 45

Русанова Ю. К.
Правовые аспекты контроля за исполнением концессионного соглашения..... 47

Соколов Е.
Самозащита и ее способы в системе защиты гражданских прав.....50

Тельнова Е. Э.
Специфика института контракта с участием государства: правовые аспекты 54

Тушмаков А.
Реализация положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в сфере общественной безопасности 57

Фадеева Е. С., Мусагитова Л.
Проблемы правового регулирования образовательного кредитования в Российской Федерации 61

Филиппов А.А.
Актуальные проблемы судебной защиты права на альтернативную гражданскую службу в России 63

Ходжаев Д. Социально-предпринимательские корпорации Республики Казахстан как правовой механизм защиты интересов гражданского общества. Итоги первого десятилетия 66

На обложке изображен *Павел Петрович Блонский* (1884–1941), известный русский и советский психолог, педагог и философ.

Еще во время обучения во 2-й Киевской гимназии Блонский начал подрабатывать частными уроками. Тогда же он заинтересовался психологией, педагогикой и философией.

С 1902 по 1907 год Павел Петрович Блонский учился в Киевском университете Святого Владимира. Заканчивая обучение в университете, за работу «Проблема реальности у Беркли» Блонский получил золотую медаль. В 1907 году становится вольнослушателем Московского университета, в 1908 году поступает в аспирантуру на кафедру философии и одновременно преподает в нескольких московских гимназиях, с 1913 года является приват-доцентом. В течение семи лет читал собственный курс лекций по педагогической психологии.

П. П. Блонский был активным реорганизатором учебных стандартов и программ, разработчиком новых методик обучения с учетом индивидуальных особенностей мышления, памяти и речи детей. Основной акцент в его разработках был сделан на учитывании возрастных периодов для эффективного и гармоничного развития личности школьника.

Последние годы жизни Блонский работал в московском Институте психологии. В феврале 1941 года он умирает от туберкулеза.

Наиболее значимые труды Павла Петровича Блонского: «Педология» (1934 г.), «Очерки детской сексуальности» (1935 г.), «Память и мышление» (1935 г.).

Людмила Вейса,
ответственный редактор

Юридический институт Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта провел 1 ноября 2016 научно-практическую конференцию студентов и магистрантов «Актуальные проблемы осуществления и защиты гражданских прав».

Формат конференции определил работу по нескольким направлениям с участием приглашенных экспертов, обсуждением докладов, оценкой представленных результатов научной работы обучающихся.

В рамках пленарного заседания состоялось обсуждение актуальных вопросов судебной защиты гражданских прав, проблем реализации и исполнения решений суда.

В ходе секционного заседания охват обсуждаемых проблем был достаточно широк: от использования электронных денежных средств, изменений в законодательстве о государственной регистрации недвижимости до защиты прав олимпийцев и паралимпийцев. Активное участие в дискуссии принял заместитель руководителя Калининградского УФАС России Грибко Виктор Анатольевич, обозначив и проблемы правоприменительной практики, и направления для дальнейшей работы студентов с целью расширения эмпирической базы исследований, усиления приводимой аргументации.

Завершил работу конференции круглый стол по теме «Защита прав инвесторов: правовые механизмы, государственные гарантии, преимущества альтернативных способов урегулирования споров» с участием представителей Министерства экономики Калининградской области, Торгово-промышленной палаты Калининградской области, Третейского суда для разрешения экономических споров при ТПП Калининградской области.

Доктор юридических наук, профессор,
руководитель магистерской программы
юридического института БФУ им. И. Канта
«Юрист в сфере бизнеса и защиты имущественных прав»
О. А. Серова

Электронные денежные средства — деньги будущего?

Абрамовский Андрей, студент
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Только в 2011 году было дано легальное определение электронных денежных средств (ЭДС) [1]. Однако какое положение занимают эти средства в гражданско-правовых отношениях? Гражданский кодекс зафиксировал, что к деньгам относятся только наличные и безналичные средства [2], про электронные деньги не сказано ни слова, несмотря на существующее закрепление в Федеральном законе «О национальной платежной системе». Следовательно, возникает противоречие в законодательстве.

Одни авторы относят электронные денежные средства к денежным обязательствам [7, 32]. Так, например, Колодкина М. В. считает, что «для его возникновения необходимо, во-первых, эмиссия электронных денежных средств, во-вторых — покупка их держателем, а также договоренности между участниками правоотношений о приеме их в качестве средства платежа [6].

Существует также позиция, согласно которой закон «о национальной платежной системе» приравнял их к деньгам, как к объекту права, но лишь с той оговоркой, что на данный момент не существует «эмиссии электронных денежных средств» [5, 97]. Если же исходить из анализа того же закона, можно сделать вывод о том, что электронные денежные средства являются одним из видов безналичного расчета. Об этом нам говорит ст. 7 закона о платежной системе.

Кроме того, есть различные подходы к определению электронных денежных средств. Одни понимают под ними лишь информацию о сумме предварительно предоставленных эмитенту — оператору электронных денежных средств. При осуществлении платежей эта информация эквивалента осуществлению расчетов безналичными денежными средствами. Другие как финансовый продукт, предоставляемый кредитной организацией (ч.1 ст. 12 ФЗ «О национальной платежной системе).

Кроме того, с возникновением ЭДС необходимо ввести в правовую легальную терминологию понятие «электронного кошелька» как неотъемлемую часть технической возможности использования электронных денег. Это также необходимо для того, чтобы не возникало вопросов по поводу законности предпринимательской деятельности в данной сфере. В контексте ФЗ «О национальных платежных системах» электронные кошельки следует рассматривать в качестве электронного средства платежа [4]. При этом Банк России разъяснил, что эти кошельки, доступ к которым может осуществляться с использованием компьютеров, мобильных устройств, в том числе посредством устанавливаемого на этих устройствах специального программного обеспечения, наряду с банковскими предоплаченными картами представляют собой электронные средства платежа, предназначенные для осуществления перевода ЭДС [3].

В связи с техническим устройством (в том числе его веб-интерфейс) данного устройства возникает вопрос: являются ли операции, производимые с кошельками частью платежной системы [1], а только информацией, средством доступа к платежной системе? Во-первых, необходимо установить — могут ли не кредитные организации «выдавать» электронные кошельки. Как отмечает В. Ю. Иванов, [4] на практике электронные кошелки принимают не так, а лишь как обеспечение доступа к нему, а сам кошелек — элементом электронного средства платежа. Таким образом, организации, предлагающие электронные кошельки, такие как «Яндекс. Деньги», QIWI и др., могут избегать излишней заурегулированности своей деятельности или наоборот — это позволяет избегать контроля за своей деятельностью.

Технический прогресс также не стоит на месте. Российские разработчики стали активно внедрять технологию «блокчейн», суть которой заключается в том, что она сохраняет историю операций с электронными денежными средствами, тем самым делая этот процесс более прозрачным, и может способствовать противодействию финансированию экстремизму и отмыванию денег, однако на сегодняшний день данная технология не урегулирована в правовом поле, но потребность и заинтересованность со стороны государства — есть. То есть платежи электронными деньгами будет прозрачней любых других расчетов.

Помимо всего вышесказанного Банк России к одному из направлений развития финансового рынка на 2016–2018 года планирует дальнейшее развитие электронных средств платежа, электронных технологий в практике продаж и предоставления финансовых продуктов и услуг. ЦБ планирует мероприятия, в том числе на развитие информационной осведомленности граждан об электронных средствах платежа [8].

Таким образом, на сегодняшний день существует неоднозначность относительно того, что же понимать под электронными денежными средствами, возможно, это связано с быстрым развитием информационных технологий и коммуникаций, но ясно одно — что уже в ближайшем будущем электронные деньги станут основным средством платежа.

Литература:

1. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ // «Российская газета», № 139, 30.06.2011
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // «Российская газета», № 238–239, 08.12.1994.
3. Письмо Банка России от 20 декабря 2013 г. № 249-Т «О предоставлении клиентам — физическим лицам информации об особенностях оказания услуг по переводу электронных денежных средств» // Вестник Банка России. 2014. № 2.
4. Иванов В. Ю. Юридические особенности понятия «электронный кошелек» на сайте оператора платежной услуги // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения. 20.10.2016
5. Иванов. В. Ю. Понятие электронных денежных средств в законодательстве России. // Хозяйство и право. № 8. 2012.
6. Колодкина. М. В. электронные денежные средства как способ исполнения обязательств // Пробелы в российском законодательстве № 4. 2011.
7. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве http://civil.consultant.ru/elib/books/13/
8. Банк России. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов [Эл. ресурс]: http:/www.cbr.ru/finmarkets/files/development/onrfr_2016–18.pdf. Дата обращения: 10.11. 2016.

Основные принципы проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов

Аллес Михаэль-Томас, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Антикоррупционная экспертиза является не только средством выявления коррупциогенных факторов, сопряженных с технологией правового мониторинга, она должна выступать в качестве дополнительного инструмента, который способствует повышению качества и большей эффективности принимаемых нормативно-правовых актов. При разработке ведомственных нормативных правовых актов, необходимо опираться на методические основы антикоррупционной экспертизы [1, с. 8].

Основной задачей антикоррупционной экспертизы является выявление на стадиях законотворчества или на начальном этапе действия вновь принятого закона коррупционных факторов, которые представляют потенциальную возможность таким субъектам как: должностным лицам, государственным и муниципальным служащим, руководителям коммерческих и некоммерческих организаций создать коррупционные схемы и осуществить коррупционные действия.

Важную роль при проведении антикоррупционной экспертизы играют принципы ее проведения, определенные Федеральным законом от 17.07.2009 N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [2]. Статья 2 данного закона закрепляет следующие принципы организации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов: 1) обязательность проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов; 2) оценка нормативного правового акта во взаимосвязи с другими нормативными правовыми актами; 3) обоснованность, объективность и проверяемость результатов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов); 4) компетентность лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов); 5) сотрудничество федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц (далее — органы, организации, их должностные лица) с институтами гражданского общества при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов).

Остановимся на них более подробно. Первый принцип — принцип обязательности проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов. Прежде всего, следует понимать, что законодатель в данном случае не имеет в виду обязательную антикоррупционную экспертизу в отношении действующих

нормативных правовых актов. Хотя, ст. 1 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» прямо указывает на объект проверки, включающий помимо проектов действующие нормативные правовые акты, что соответствует превентивной функции экспертизы, но по смыслу п. 3, 4 ст. 3 данного Закона, антикоррупционная экспертиза действующих правовых актов обязательно проводится при мониторинге их применения. В свою очередь, мониторинг применения вступивших в законную силу правовых актов — это неотъемлемая часть правотворческой деятельности и обязанность любого правотворческого органа. Мониторинг правоприменительной практики, который обязаны проводить органы местного самоуправления, другие органы, организации, наделенные федеральным законом публичными полномочиями, не реже одного раза в квартал, по результатам вступивших в законную силу решений судов, арбитражных судов о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) указанных органов, организаций и их должностных лиц в целях выработки и принятия мер по предупреждению и устранению причин выявленных нарушений, так же относится к мерам по профилактике коррупции [3].

В тоже время необходимо отметить следующее — поскольку выводы, которые сделали субъекты антикоррупционной экспертизы, имеют рекомендательный характер, органы и лица, разработавшие нормативно-правовые акты не связаны жестко с мнением субъектов антикоррупционной экспертизы, т. е. они обязаны их рассмотреть эти выводы, но не обязаны их учитывать. На наш взгляд, — это серьезный пробел в законодательстве, отсутствие обязательного характера результатов антикоррупционной экспертизы, может привести к принятию коррупциогенных нормативных актов. На эту проблему обратил внимание директор департамента по вопросам административной реформы Центра стратегических разработок В. Н. Южаков. В частности, он указывает, что закон в том виде, в котором он принят в настоящее время, не гарантирует устранения из действующих ранее принятых нормативных правовых актов коррупционных норм, поскольку законом не требуется их обязательного устранения. Кроме того, устранение выявленных в ходе антикоррупционной экспертизы коррупционных факторов не является обязательным [4, с. 14]. Необходимо скорректировать норму закона и сделать обязательным для законодателя внесение изменений в проект нормативно-правового акта в соответствии с рекомендациями эксперта. Так же необходимо сделать обязательной антикоррупционную экспертизу действующих ранее принятых нормативных правовых актов.

Для выводов, содержащихся в требованиях органа прокуратуры РФ об устранениях коррупциогенных факторов, действует иной порядок, поскольку, они являются актом (средством) прокурорского реагирования, обладающим властно-распорядительным характером, они подлежат обязательному исполнению органом, разработавшим и принявшим нормативно-правовой акт, а в случае отсутствия согласия с позицией высказанной прокуратурой, может быть обжаловано в суде. Другие субъекты антикоррупционной экспертизы не обладают таким правом. В этом заключается основное отличие юридических последствий в отношении выводов, которые содержатся в заключение, от выводов, содержащихся в требовании прокуратуры.

Вторым указанным в законе принципом является оценка нормативного правового акта во взаимосвязи с другими нормативными правовыми актами.

Думается, что указывая этот принцип, законодатель исходил из того, что существующая система нормативно-правовых актов представляет собой логически выстроенный и взаимосвязанный массив правовых норм, которые дополняют и конкретизируют. В этой связи любой нормативный правовой акт является частью этой системы и его всесторонняя антикоррупционная оценка возможна только при учете и многостороннем анализе всех правовых норм, которые регулируют однородные правоотношения, в различных нормативных правовых актах. Эксперт должен предложить эффективные меры, направленные на ликвидацию коррупциогенных факторов при их обнаружении. В этой связи Родионова О. Н. считает необходимым при проведении экспертизы проектов о внесении изменений в нормативные правовые акты одновременно проводить и экспертизу изменяемых актов [5, с. 160].

Для выявления коррупциогенных факторов, которые могут содержаться в действующем нормативном правовом акте, следует проводить оценку практики его правоприменения, особенно тех индивидуальных правовых актов, которые были приняты на его основе и в его исполнение. Поскольку, именно анализ результатов реализации прав конкретных граждан или организаций, дает возможность сделать выводы о системном характере допускаемых правонарушений и об имеющихся в нормативном правовом акте коррупционных рисках.

Третьим принципом антикоррупционной экспертизы названы обоснованность, объективность и проверяемость результатов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Под обоснованностью выводов антикоррупционной экспертизы, прежде всего, следует понимать мотивированность тех выводов, которые содержатся в экспертном заключении. Должна быть понятна логика рассуждений автора или авторов экспертного заключения, причины, которые привели его к тем или иным выводам. Все утверждения экспертов должны быть обоснованы, выводы о наличии или отсутствии в нормативном правовом акте коррупциогенных составляющих, должны основываться на многостороннем анализе нормативно-правовой информации.

Под объективностью результатов антикоррупционной экспертизы, прежде всего, следует понимать то, что в своей деятельности эксперт должен опираться на имеющийся у него опыт в сфере проведения антикоррупционных экс-

пертиз и руководствоваться только нормами действующего законодательства. Влияние всех субъективных факторов на выводы эксперта должно быть сведено к минимуму. В случае возникновения конфликта интересов при проведении антикоррупционной экспертизы эксперт не должен принимать в ней участия.

Проверяемость результатов антикоррупционной экспертизы, означает, что имеется возможность провести сравнительный анализ выводов, которые содержаться в экспертном заключении с определенными критериями и стандартами ее проведения. Результаты антикоррупционной экспертизы должны быть обязательно представлены в письменном виде. Для того чтобы данный принцип был реализован в полном объеме, необходимо применение единой методики проведения антикоррупционной экспертизы и утверждение единых критериев для выявления и оценки коррупционных рисков, которые содержатся в нормативно-правовом акте или его проекте. Только при соблюдении всех этих положений, можно считать экспертное заключение обоснованным и объективным.

Э. В. Талапина и В. Н. Южаков считают, что при проведении экспертизы проектов нормативных правовых актов на коррупциогенность, для обеспечения соблюдения принципа системности, достоверности и проверяемости результатов, необходимо следовать определенным правилам:

1. Единообразное проведение и изложение результатов экспертизы коррупциогенности каждой нормы нормативного правового акта в составе и последовательности типичных коррупционных факторов и проявлений коррупциогенности.

2. На наличие или отсутствие типичного коррупционного фактора должна быть проверена каждая норма нормативного правового акта.

3. Типичные коррупционные факторы и проявления коррупциогенности выявляются и указываются независимо от причин их включения в нормативный правовой акт (умышленно или непреднамеренно).

4. Выявленные в ходе экспертизы типичные коррупционные факторы должны быть устранены из нормативного правового акта.

5. Нетипичные положения, могущие способствовать коррупции, выявленные в ходе анализа, должны быть указаны в заключении по результатам экспертизы коррупциогенности нормативного правового акта и подлежат устранению в том же порядке, что и коррупционные факторы и проявления коррупциогенности, признанные типичными [6].

Важнейшим принципом организации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов является принцип профессиональной компетентности лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов.

Указанный принцип означает, что антикоррупционная экспертиза проводится специалистом в области применения анализируемого законодательного акта, квалификация которого заключается в том, что он на основе общетеоретических и специальных познаний, в том числе знаний практики применения законодательства способен понять действительную возможность использования соответствующих особенностей нормативно-правовых формул в коррупционных целях [7, с. 27].

Требования к профессиональным навыкам и знаниям эксперта сформулированы и закреплены в Правилах проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условия для проявления коррупции [8]. А также, настоящие требования закреплены в Положении об аккредитации юридических и физических лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупциогенность [9]. Лица, проводящие антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов, должны иметь высшее или послевузовское профессиональное юридическое образование и не менее пяти лет стажа работы по специальности, связанная с юридической правоприменительной или правотворческой деятельностью.

Уровень знаний эксперта — важнейший составляющий элемент антикоррупционной экспертизы, от него напрямую зависит ее результат, несоответствие уровня компетентности эксперта, степени сложности проводимой экспертизы может привести к ошибочному заключению. Именно, для исключения подобного результата, и был введен принцип компетентности. Кроме этого, принцип компетентности напрямую связан с принципом объективности, который требует применение научно обоснованных методов получения и интерпретации результатов исследования.

Пятый принцип: сотрудничество федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц (далее — органы, организации, их должностные лица) с институтами гражданского общества при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). Его суть заключается возможности институтов гражданского общества и граждан, которые аккредитованы в качестве независимых экспертов и уполномочены на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупциогенность, получать необходимые материалы для производства антикоррупционной экспертизы. В соответствии с Правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрацией указанные органы обязаны публиковать на своем официальном сайте проекты нормативных правовых актов для проведения их независимой антикоррупционной экспертизы [10]. Эта норма закона дает возможность институтам гражданского общества принять непосредственное участие в проведении антикоррупционной

экспертизы принимаемых нормативно-правовых актов и направить предложения об их исправлении, если сочтут, что в акте наличествует коррупционная составляющая. Это позволяет не только учитывать мнение граждан при разработке и принятии новых нормативных правовых актов, но и реализовать принципы открытости и публичности. Государственные и муниципальные органы должны отражать объективные потребности граждан в системе правового регулировании, но выявить их возможно только при участии самих граждан и различных институтов гражданского общества. В этой связи очевидно единство общественной и правовой природы антикоррупционной экспертизы.

Литература:

1. Хабриева Т. Я. Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 5–14.
2. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Российская газета. 2009. № 133.
3. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» с изменениями в ред. Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ // Российская газета. № 266. 30.12.2008.
4. Южаков В. Н. Антикоррупционная экспертиза: Шанс на очищение // Ведомости. 2009. № 118. С. 14.
5. Родионова О. Н. Антикоррупционная экспертиза // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 159–162.
6. Талапина Э. В., Южаков В. Н. Примерная методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Государственный Совет Республики Татарстан. URL: http://www.gossov.tatarstan.ru (дата обращения: 3.10.2016).
7. Матковский С. В. Правовая природа антикоррупционной экспертизы // Российский следователь. 2008. № 24. С. 18–30.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 марта 2009 г. № 195. Об утверждении Правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 10. Ст. 1240.
9. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 31 марта 2009 г. № 92. Об аккредитации юридических и физических лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупциогенность // Российская газета. 2009. 24 апреля.
10. Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 33. Ст. 3895

Актуальные проблемы осуществления (защиты) права беременных женщин на труд

Асанович Виктория, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

По естественным причинам в определенный жизненный период, а именно период беременности или период после рождения ребенка, женщина не в состоянии работать наравне с работниками мужчинами, в связи с чем работодатель часто избегает возникновения трудовых отношений с данной категорией граждан, отказывая в заключении трудового договора или путем увольнения на основании беременности или наличия детей возрастом до 3-х лет.

Право граждан Российской Федерации на труд закреплено в 37 статье Конституции Российской Федерации [1], в которой нет пунктов исключающих беременных женщин, как не обладающих этим правом. В свою очередь, статья 38 Конституции РФ наделяет беременных женщин особым статусом, подчеркивая, что материнство находится под защитой государства. Подтверждение этому, можно увидеть в Трудовом кодексе Российской Федерации [2], где в главе 41 представлены статьи, содержащие различные механизмы предоставления щадящих условий труда беременным женщинам, например, перевод женщин на условия «облегченного труда» (ст. 254 ТК РФ) или иную должность, предусматривающую меньшие затраты сил на осуществление обязанностей; предоставление наиболее комфортных условий труда; оплата дополнительных перерывов на работе для кормления ребенка (ст. 258 ТК РФ). Также

ТК РФ содержит статьи юридической ответственности работодателя в виде смещения с должности, в случае нарушения прав работников (ст. 195 ТК РФ). Статья 145 Уголовного кодекса Российской Федерации [3] также прямое свидетельство защиты прав беременных женщин, ведь в соответствии с законом беременную женщину или женщину с детьми до трех лет нельзя уволить или отказать ей в принятии на работу по причине беременности или наличия детей до трех лет. А высокие санкции при нарушении данной нормы, именно, штраф в размере до 200 тысяч рублей или исправительные работы до 360 часов, говорят о важности для законодателя защитить права беременных женщин. Таким образом, данная норма имеет специальный характер, целью которой является, поддержание равноправия в обществе, которое закреплено в 19 статье Конституции РФ. КоАП РФ [4] закрепляет меры наказания в виде штрафа или отстранения от должности временное или полное к нарушившим права работников работодателям (ст. 5.27, ст. 5.27.1 КоАП РФ).

Существует рациональное объяснение нежелания работодателя нанимать или держать на работе беременную женщину или женщину, имеющую детей до 3 лет, нежелание есть следствие обязанности работодателя выплачивать различные льготы [5] такой категории работникам, связанных с рождением и воспитанием ребенка, поэтому труд женщин и является менее выгодным. Федеральный закон от 19.05.1995 N 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», является прямым свидетельством осуществления статьи 39 Конституции РФ о гарантии социального обеспечения для воспитания детей. Другая причина нежелания работодателя заключать трудовой договор с беременной женщиной связана с нехваткой средств или нежеланием нести большие издержки для найма дополнительного числа работников, которые бы возместили недостаток эффективности труда беременной женщины, выходит, для работодателя решение не заключать трудовой договор является рациональным и обоснованным. Поэтому со стороны работодателя в некоторых случаях невольно происходит дискриминация беременных женщин, а в свою очередь статья 3 ТК РФ прямо запрещает дискриминацию в трудовой сфере, и статья 64 ТК РФ запрещает отказывать в приеме на работу на основании беременности или наличии детей возраста до 3 лет. В случае нарушения прав на основании беременности или наличия детей до трех лет женщина имеет право обратиться в суд, с требованиями возмещения материального (ст. 234, 236 ТК РФ) или морального ущерба (ст. 237 ТК РФ), а также восстановления ее в должности, в случае увольнения. Однако следует учесть, что у работодателя есть несколько оснований не принять на работу беременную женщину, во-первых, если ее деловые качества не соответствуют требованиям работодателя, во-вторых, если замещение должности связано с выполнением работ запрещенных ТК РФ для осуществления данной категорией женщин (ст. 259, ст. 298 ТК РФ), а именно, если должность предусматривает: командировки, сверхурочные работы, работы в ночное время, выходные и праздничные нерабочие дни, работу вахтовым методом, тяжелый физический труд. Для защиты в судебном порядке своих прав, следует потребовать от работодателя письменное разъяснение о мотивах отказа в заключении трудового договора или увольнении. Причины, предусмотренные ТК РФ представлены в статье 261 являются законным основание, иные считаются необоснованными, а значит и не законными. Одна из причин обоснованного расторжения трудового договора, является окончание срока действия трудового договора. В период беременности законодатель защищает женщину, обязывая работодателя продлить трудовой договор на срок беременности, в то тоже время, после окончания беременности законодатель дает право работодателю расторгнуть договор, но в связи с отсутствием условий этого расторжения, появляются вопросы связанные с процедурой расторжения.

В судебной практике часто встречаются обращения женщин, которые были уволены или не приняты на работу по причине беременности. Кроме этого, многие женщины не обращались в суд, в связи, с чем статистические показатели, подтверждающие систематичность подобных правонарушений, могут быть лишь приблизительными, хотя возможно предположить, что они на самом деле выше. Рассмотрев дела последних лет Калининградского областного суда, выяснилось, что из 30 дел о незаконном увольнении работников в 15 делах истцами были мужчины и в 15 женщины, из содержания дел, где истцами были женщины — 3 обращения были на основании ущемления прав беременных женщин, 2 — в связи с невыплатой денежных средств по уходу за ребенком и 1 — в связи с увольнением во время беременности гражданки) [6].

Два иска из трех были удовлетворены полностью, а один частично, из чего следует позиция суда, о восстановлении в праве беременных и женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет. А также на основании статистических данных можно сделать вывод, что 20% увольнений женщин происходит на основе предвзятости работодателя к факту беременности. Если рассматривать ситуацию в масштабах всей территории Российской Федерации, то за последние 5 лет было рассмотрено 29238 дел [7] по вопросу о незаконном увольнении, и 1889 дел [8], где увольнение связанно с беременностью женщины, данная цифра составляет 6,4% от всех рассмотренных дел.

На основании изложенной статистики можно сделать вывод о систематичности правонарушений работодателем в отношении беременных женщин, а также о наличии развитого правосознания граждан, которые защищают свои права через судебные органы.

Выделение и особые меры защиты такой категории работников, как беременные женщины и женщины, имеющие детей до 3 лет, считаем справедливым и обоснованным ввиду защиты материнства и детства Конституцией РФ.

За нарушение права человека на труд работодатель несет различные виды ответственности: дисциплинарную,

материальную, гражданско-правовую, административную, уголовную. В связи с выявлением нарушений прав беременных женщин и женщин, имеющих детей до 3-х лет, считаем, что законодателем должны быть расширены и ужесточены меры наказания для работодателей, не соблюдающих данные нормы.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. СПС КонсультантПлюс. (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СПС КонсультантПлюс.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС КонсультантПлюс.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. СПС КонсультантПлюс.
5. Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».// Принят ГД СФ 04.05.1995 г. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/ (дата обращения 26.10.2016 г).
6. Калининградский областной суд. Гражданские дела. URL: oblsud.kln.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=5 (дата посещения:26.10.2016 г).
7. Судебная практика ст. 77 ТК РФ. СПС КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=query&REFDOC=200979&REFBASE=LAW&REFPAGE=0&REFTYPE=CDLT_CHILDLESS_CONTENTS_ITEM_MAIN_BACKREFS&ts=2418114775194723261 6&lst=0&REFDST=100557#0 (дата обращения 26.10.2016 г.).
8. Судебная практика ст. 261 ТК РФ. СПС КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=query&REFDOC=200979&REFBASE=LAW&REFPAGE=0&REFTYPE=CDLT_CHILDLESS_CONTENTS_ITEM_MAIN_BACKREFS&ts=2795114775177732133 1&lst=0&REFDST=1817#0 (дата обращения: 26.10.2016 г.).
9. Вакулин Ю. В. Некоторые проблемы совершенствования уголовно-правовых норм, используемых при привлечении к ответственности за преступления в сфере трудовых отношений // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 3.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 21.10.1994 № 51-ФЗ.// Собрание законодательства Российской Федерации.1996.
11. Ефименко Е. Н. Ответственность за несоблюдение трудового законодательства.// Вестник Челябинского государственного университета 2015. № 1. С. 53—55.
12. Пшизова Е. Н. Юридическая ответственность работодателей за нарушение трудового законодательства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 4. С. 150—156.
13. Репетева О. Е. Уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу, необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 5. С. 93—97.

Защита прав олимпийцев и паралимпийцев в условиях коллективной ответственности

Базаева Илона Владимировна, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Актуальность выбранной проблемы определяется высокой заинтересованностью граждан в её обсуждении, её остротой в связи с последними событиями.

Как мы знаем, Летние Олимпийские игры в 2016-м году проходили с 5 по 21 августа Рио-де-Жанейро, Бразилия. Россия на летних Олимпийских играх 2016 года выступила в 23 из 28 видов спорта. Первоначально Олимпийский комитет России намеревался направить на Игры в общей сложности 387 спортсменов. Однако, состав команды подвергается существенным сокращениям из-за допингового скандала.

Согласно текущей практике антидопингового контроля и спортивных федераций, спортсмены несут коллективную ответственность и никогда не могут доказать свою чест-

ность. Наши Олимпийцы стали заложниками коллективной ответственности за допинговый скандал в 2016 году.

Что это такое — «коллективная ответственность»? И главное — попадают ли наши спортсмены под понятие коллективной ответственности?

Коллективная ответственность — форма ответственности, когда за деяния, совершаемые одним или несколькими членами группы, несёт ответственность вся эта группа целиком.

Всемирное антидопинговое агентство ВАДА на основе доклада независимого эксперта Ричарда Макларена, в котором на основе информации бывшего главы московской антидопинговой лаборатории Григория Родченкова, содержатся обвинения в адрес российских властей в целенаправленном создании государственной системы допинга, включавшей сокрытие и подмену положительных допинг-проб, а также ряд национальных антидопинговых агентств подписали обращение к МОК с требованием полного отстранения России от участия в Олимпиаде и создании специальной комиссии, которая определит список российских спортсменов, допущенных к играм под нейтральным флагом.

Из доклада Ричард Макларена, независимого лица по расследованию в Сочи, от 18 июля 2016 года: «Было установлено, что метод сокрытия положительных проб использовался в период по крайней мере с конца 2011 г. по август 2015 г.» [7, с. 30].

Также Глава американского антидопингового агентства Трэвис Тайгарт отправил письмо с соответствующим обращением на имя президента Международного олимпийского комитета (МОК) Томаса Баха, в котором автор просит МОК не позднее 26 июля принять меры и подтвердить, что Россия, её Олимпийский и Паралимпийский комитеты и все российские спортивные федерации не примут участия в Олимпийских играх в Рио-де-Жанейро.

Большей частью обвинения основаны на показаниях экс-главы Московской антидопинговой лаборатории Григория Родченкова, который находится под следствием и заявлял, что сам организовывал всю преступную схему.

Это недопустимые доказательства, а других прямых доказательств нет.

Согласно высказываниям Дмитрия Пескова, пресс-секретаря президента РФ, эти заявления выглядят как абсолютно голословные, они не основываются на сколько бы то ни было заслуживающих доверия данных, не подкреплены какой-то аргументацией. Это просто выглядит как, скажем так, клевета перебежчика. Он высказал мнение, что не стал бы доверять таким голословным заявлениям.

Также мы полностью согласны с высказыванием В. В. Путина на встрече с членами олимпийской сборной России в Кремле: «Целенаправленная кампания, целью которой стали наши атлеты, включала и пресловутые так называемые «двойные стандарты», и несовместимый со спортом — да и вообще со справедливостью и элементарными нормами права — принцип коллективной ответственности и — «отмена презумпции невиновности»».

МОК применил форму коллективного наказания. То, что некоторые наши спортсмены не смогли принять участие в Олимпиаде, это новое правило, фактически введённое в МОК, которое не оговорено никакими законами.

В подтверждение наших слов обратимся к словам Председателя Комиссии по спортивному праву Ассоциации юристов России Сергею Алексееву: «С точки зрения международного права это совершенно неправильное решение. Оно отменяет презумпцию невиновности «чистых» спортсменов, которая провозглашена в основополагающих конвенциях, подкрепляющих права человека. Это устав ООН, который вступил в силу 24 октября 1945 года; Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года; конвенция о защите прав и свобод, вступивший в силу 3 сентября 1953 года и другие документы. Их нормы не вправе отменять даже международные соглашения, не говоря уже о внутринациональной общественной организации, такой, как спортивный арбитражный суд (CAS)» [8].

Выходит, что на сегодняшний день верховенство Международного права под вопросом?

Бесспорно, права человека стоят выше, чем спортивное право. И здесь налицо прямое нарушение права на труд, деловой репутации. Почему спортсмены несут ответственность, не имея никакой вины? Здесь есть и политическая дискриминация, которую запрещают не только международные конвенции, но и сама Олимпийская хартия, принятая в Лозанне и действующая с 2 августа 2015 г. Так звучит один из основополагающих принципов Олимпийской хартии: «Занятия спортом — одно из прав человека. Каждый должен иметь возможность заниматься спортом, не подвергаясь дискриминации, в духе Олимпизма, что подразумевает взаимопонимание в духе дружбы, солидарности и честной игры».

Налицо, как мы видим, несоответствия решений Международной ассоциации легкоатлетических федераций и спортивного арбитражного суда международным общепринятым конвенциям. Идет угроза дискредитации самих принципов равенства, справедливости, взаимного уважения, прав так называемых «чистых» спортсменов.

Министр спорта Виталий Мутко так прокомментировал обвинения в допинге в адрес российских спортсменов: «Это огромная статья, ее нужно перевести, сделать выводы с точки зрения правовой оценки. Фамилии спортсменов? Я верю этим ребятам, это выдающиеся спортсмены, обвинения абсурдны. Они были под контролем до, во время и после Олимпиады. Это лидеры! Обвинения в их адрес абсолютно беспочвенны. Я в этих спортсменах уверен» [9].

Гораздо логичнее было бы наказать спортсменов, у которых были положительные допинг-пробы. А коллективная ответственность в данном случае была неуместна. Спортсмены в индивидуальных видах спорта тем более не должны нести ответственность за лиц, нарушающих правила.

Что же касается паралимпийцев, то в данном случае вся сборная была отстранена от участия в Паралимпийских играх.

«Мы достаточно много времени провели над изучением доклада Макларена, выслушали российскую сторону, но она не смогла доказать свою правоту», — заявил президент Международного паралимпийского комитета (МПК) Филипп Крейвен и объявил о приостановке членства Паралимпийского комитета России [10]. Он также заявил, что антидопинговая система в России сломана, коррумпирована и полностью скомпрометирована. По словам Крейвена, у них не было другого решения, кроме отстранения Паралимпийского комитета России.

Так что мы имеем в итоге?

Коллективная ответственность — это стиль политического управления США на мировой арене. Но никак нельзя связывать политику и спорт. Сейчас мы наблюдаем опасный рецидив вмешательства политики в спорт. Формы изменились, но суть прежняя: сделать спорт инструментом геополитического давления, формирования негативного образа стран и народов.

На сегодняшний день политика доминирует над нормами Международного права. Как же мы можем защитить права человека, пока интересы политики на первом месте? Почему для одних стран действуют нормы Международного права, а для других нет? Всё перевернулось с ног на голову. Нужно вернуть тот механизм первенства норм международного права над политическими амбициями определенных стран.

Литература:

1. Бойцова В. В. Службы защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт / В. В. Бойцова. М.: БЕК, 1998. 407 с.
2. Карташкин В. А. Международная защита прав человека. М.: Норма-Инфра,1998. 410 с.
3. Мазов В. А. Ответственность в международном праве. М.: Юридическая литература, 1979. 348 с.
4. Карташкин В. А. Международная защита прав человека. М.: Норма: ИНФРА-М, 1998. 51 с.
5. В. А. Карташкин Международные акты о правах человека: сборник документов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2000. 233 с.
6. Лукашева Е. А. Права человека: учебное пособие для вузов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2000. 560 с.
7. Ричард Х. Макларен Расследование Вада Обвинений Российских Участников Олимпиады В Сочи В Употреблении Допинга: доклад / Ричард Х. Макларен. 2016. 30 с.
8. Решение CAS нарушает принципы Олимпийской хартии // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/: электр. переодич. — изд. (дата обращения: 29.10.2016).
9. Мутко ответил на заявления о допинге на Олимпиаде в Сочи // РБК Калининград. URL: http://www.rbc.ru/: инф. агентство «РБК» (дата обращения: 28.10.2016).
10. Сборная России не выступит на Паралимпийских играх в Бразилии // Информационное агентство ТАС. URL: http://special.tass.ru (дата обращения: 6.11.2016).

Правовое регулирование специальных инвестиционных контрактов как формы государственно-частного партнерства

Белявцева Кристина Геннадьевна, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

В июне 2015 года вступил в силу новый Федеральный закон «О промышленной политике в РФ» [2] (далее — Закон), который, помимо всего прочего, ввел в практику хозяйствования еще один способ привлечения инвестиций — специальный инвестиционный контракт (далее — СПИК), являющийся новой формой государственно-частного партнерства.

Согласно статье 16 Закона СПИК направлен на привлечение инвестиций и взаимодействие частного предпринимательского сектора и государства для развития промышленности в Российской Федерации и для получения прибыли на взаимовыгодных условиях с использованием специальных льгот и преференций, выделенных государством РФ для инвесторов, а также предоставление гарантий обеспечения стабильных условий ведения бизнеса для инвесторов.

Основной целью заключения СПИК является стимулирование инвестиций в создание и модернизацию промышленного производства на территории Российской Федерации. При этом локализация производства должна быть на территории РФ, континентальном шельфе РФ или на исключительной экономической зоне Российской Федерации.

Помимо вышеназванного Закона, СПИК регулируется также иными нормативно-правовыми документами.

Общее регулирование СПИК осуществляется Гражданским кодексом РФ [1]; специальное регулирование производится с использованием таких нормативных актов, как ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [3], Постановление Правительства РФ от 16.07.2015 № 708 [5]. Меры стимулирования СПИК регулируются Налоговым кодексом РФ и иными специальными нормативными правовыми актами, а также нормативными правовыми актами субъектов РФ, органов местного самоуправления. Более того, на региональном уровне может осуществляться дополнительное регулирование СПИК.

Как известно, различные формы государственно-частного партнерства существовали и до введения специального инвестиционного контракта [6, 7], однако, с точки зрения некоторых специалистов, этот механизм действовал недостаточно полно [8, 9], поэтому новая форма дает еще больше шансов в развитии своей инвестиционной деятельности представителям совершенно разных отраслей — от легкой промышленности и машиностроения до химической промышленности и металлургии, а для государства — возможность поднять экономику и производственный потенциал страны.

Стоит также отметить, что в зарубежных странах механизм СПИК действует уже довольно давно и доказал свою эффективность на практике. Например, согласно данным Минпромторга России, Венгрия за 10 лет существования СПИК поднялась на первое место среди стран Центральной и Восточной Европы по объему инвестиций на душу населения. Другой пример уже на азиатском рынке — Китай, где объем фактически вложенных прямых инвестиций в девяностые годы увеличился более чем в 10 раз [10].

Что же касается России, то СПИК заключается на срок до десяти лет в порядке, который установило Правительство Российской Федерации, и по типовым формам, утвержденным Правительством РФ для отдельных отраслей промышленности.

Законодательством о налогах и сборах предусматриваются на срок действия СПИК гарантии неповышения величины совокупной налоговой нагрузки на доходы инвестора, являющегося стороной специального инвестиционного контракта, и (или) иных указанных в специальном инвестиционном контракте лиц.

В СПИК должны быть указаны срок действия контракта, характеристики планируемой к производству продукции, перечень мероприятий, направленных на создание, модернизацию или освоение производства, объем инвестиций, перечень мер стимулирования деятельности инвестора, порядок представления отчетности об исполнении обязательств, а также иные условия, обеспечивающие выполнение СПИК.

Специальный инвестиционный контракт заключается от имени Российской Федерации уполномоченным органом или иным федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации на заключение специальных инвестиционных контрактов в отраслях промышленности.

Решение возможности или невозможности заключения специального инвестиционного контракта на предложенных инвестором условиях принимает специальная комиссия, в состав которой входят представители Минпромторга России, Минэкономразвития России, Минфина России, Минэнерго России, а также представители промышленных, кредитных, общественных и научных организаций.

Однако, как известно и вполне естественно в силу многих обстоятельств, не каждый инвестиционный проект способен на успех, бывают провалы и неудачи, и тогда предпринимателю приходится закрывать свой бизнес. Но как быть второй стороне специального инвестиционного контракта — государству? Ведь оно благодаря льготам, предоставленным инвесторам, потеряло часть возможных финансовых средств в бюджет страны от налоговых сборов. Для таких случаев государство создало механизм предохранения от неуспешных контрактов — расторжение инвестиционного контракта.

В случае расторжения СПИК в связи с невыполнением или ненадлежащим выполнением инвестором (или инвесторами) принятых обязательств, инвестор обязан возместить ущерб, причиненный Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям, а также компенсировать суммы не уплаченных налогов и сборов в результате применения налоговых льгот, установленных для инвестора как для участника СПИК законодательством о налогах и сборах, с уплатой пеней. Кроме того, иные последствия невыполнения или ненадлежащего выполнения сторонами принятых на себя обязательств устанавливаются специальным инвестиционным контрактом дополнительно. Поэтому инвестору следует хорошо оценить свои возможности, все риски, внешние и внутренние угрозы, составить качественный бизнес план и действовать обдуманно.

Также в качестве негативного эффекта, который оказывают законодательно установленные условия, стоит отметить минимальный размер инвестиций — это 750 миллионов рублей [5]. Очевидно, для многих региональных масштабов производств это довольно большая сумма, что делает применение СПИК просто невозможным. Так, например, в специфических условиях Калининградской области, где до определенного времени действовали особые льготные условия хозяйствования по Федеральному закону «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» [4], вопрос о привлечении инвестиций в местное производство стоит довольно остро. Более того, эксклавное положение региона также может создать определённые трудности в использовании СПИК на общих условиях. Поэтому, возможно, необходимо рассмотреть дополнительные преференции участникам СПИКс учетом специфики отдельных регионов страны.

Итак, что же в итоге получают стороны специального инвестиционного контракта?

Государству в первую очередь обеспечивается рост приоритетного производства промышленной продукции, которая производится на территории РФ. Преимуществом этого фактора является также то, что продукция не имеет аналогов в стране, что в свою очередь приводит к социально-экономическому развитию страны. Более того, специальный инвестиционный контракт способен обеспечить привлечение наилучших доступных технологий, в том числе иностранных, в производство промышленной продукции на территории Российской Федерации, благодаря чему происходит локализация высокотехнологичного производства и создание объектов промышленной инфраструктуры в РФ.

Второй субъект контракта — инвестор, в свою очередь, получает льготы по налогам, сборам и льготы по уплате таможенных платежей. Кроме того, он также вправе получить льготы по уплате арендной платы за пользование государственным и муниципальным имуществом, в том числе земельными участками, что значительно снижает издержки производства. Законодательством также установлены иные льготы и преференции, такие, как гарантии от неблагоприятных изменений действующего законодательства в течение всего срока действия инвестиционного контракта и неповышение налоговых платежей.

Как можно заметить, СПИК дает значительные преимущества и возможности для всех его сторон. Можно сказать, что это более усовершенствованная форма государственных закупок. И если государству удастся обеспечить прозрачность СПИК, а экспертиза проектов будет доброкачественной, то специальные инвестиционные контракты покажут себя с положительной стороны, станут эффективным способом привлечения инвестиций и окажут содействие в раскрытии новых возможностей в инвестировании, что обеспечит рост отечественного промышленного производства, поспособствует импортозамещению. Особенное значение имеет то, что вся продукция, которая производится в рамках СПИК, официально считается российской, при этом государство берет на себя обязанность регулярно приобретать ее по государственному заказу. Локализация производства на территории Российской Федерации необходима не только для того, чтобы изготавливать товары для внутреннего рынка, но и для того, чтобы бизнесмены могли производить конкурентоспособный товар и поставлять его на внешний рынок.

СПИК обещает стать довольно эффективным механизмом для развития промышленного производства на территории РФ и вывести страну на новый уровень экономического развития.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
2. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. 03.07.2016) «О промышленной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
3. Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. N 39-ФЗ (ред. 03.07.2016) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
4. Федеральный закон от 10.01.2006 N 16-ФЗ (ред. 11.03.2016) «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
5. Постановление Правительства РФ от 16.07.2015 № 708 «О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
6. Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А., Гнездилова О. А. Мировой опыт реализации концессионных проектов: правовые аспекты // Научный обозреватель. 2015. № 7. С. 21—24.
7. Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А. Институт концессионных соглашений и актуальные проблемы его правового регулирования в Российской Федерации // Научная перспектива. 2015. № 10. С. 37—38.
8. Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А., Серебрякова А. А., Серова О. А. Актуальные проблемы правового регулирования государственного — частного партнерства в РФ // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 4. С. 147—152.
9. Аксёнова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А. Новеллы концессионного законодательства Российской Федерации // Закон и право. 2015. № 12. С. 56—62.
10. Специальный инвестиционный контракт как новый инструмент промышленной политики. Статья. 2015. [Электронный ресурс] // Минпромторг России [сайт]. — Режим доступа: http://minpromtorg.gov.ru (дата обращения 20.10.2016).

Развитие государственно-частного партнерства: проблемы формирования законодательной базы в регионах

Борсиев Константин Валерьевич, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Государственно-частное партнерство (далее — ГЧП) — один из способов развития общественной инфраструктуры, основанный на долгосрочном взаимодействии государства и бизнеса, при котором частная сторона (бизнес) участвует не только в создании (проектировании, финансировании, строительстве/реконструкции) объекта инфраструктуры, но и в его последующей эксплуатации и/или техническом обслуживании в интересах публичной стороны [8, с. 4].

В Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ГЧП) дается следующее определение государственно-частного партнерства: юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера с одной стороны и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о ГЧП, заключенного в соответствии с настоящим федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества [1].

Государственно-частное партнерство становится в России все более заметной формой сотрудничества государства и частного бизнеса. Уже осуществляются партнерские проекты в энергетике, транспортной инфраструктуре, водоснабжении и других отраслях. В научной литературе сформировалось мнение, что ГЧП — это перспективный инструмент решения многих экономических проблем, позволяющий использовать ресурсы как государственного, так и частного секторов, и применение ГЧП следует расширять [6].

Развитие государственно-частного партнерства в России с принятием Закона о ГЧП, по мнению экспертов, будет дополнительным толчком развития для инвесторов. По мнению Председателя Правительства РФ Д. А. Медведева Закон о ГЧП открывает новые возможности для взаимодействия бизнеса и власти. А также станет эффективным инструментом для формирования благоприятной инвестиционной среды. Доступ частных компаний в государственный сектор позволит сэкономить бюджетные средства, послужит модернизации федеральной и региональной инфраструктуры, повышению качества услуг в сфере ЖКХ, транспорта и энергетики.

Предусмотренная Законом о ГЧП новелла — возможность возникновения частной собственности на публичную инфраструктуру — позволяет использовать новые, эффективные и сбалансированные модели ГЧП в российской правоприменительной практике, учитывающие, с одной стороны, государственный интерес, с другой — потребность бизнеса в различных механизмах государственной поддержки. В целях обеспечения практической реализации закона о ГЧП введено достаточно четкое регламентирование процессов инициирования, разработки, оценки, принятия решения о реализации, определения частного партнера для реализации проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства. Определен перечень публичной инфраструктуры, которая может являться объектом соглашения о государственно-частном партнерстве. Данный перечень охватывает практически все отрасли: от социальной, коммунальной и транспортной инфраструктуры до энергетики и мелиоративных систем. При этом предусмотрено, что инвестор сможет подать заявку на создание объекта по собственной инициативе, не дожидаясь предложения со стороны публичного партнера.

Также, Законом о ГЧП предусмотрена возможность софинансирования проектов из бюджетных источников. Более того, законодателем гарантирована неизменность правил игры на весь период действия соглашения и предусмотрена возможность пересмотра условий соглашения в случае изменения макроэкономических условий и законодательства, напрямую затрагивающих проект (налоги, льготы и т. д.). Таким образом, федеральный закон призван стать не просто рамочным документом, определяющим понятийную базу и общие правила, а инструментом решения инфраструктурных проблем России и в первую очередь ее регионов.

До 1 июля 2016 года, субъектам РФ, было рекомендовано привести нормативно-правовую базу в соответствии с Законом о ГЧП. В настоящее время большинство регионов утвердило соответствующими нормативно-правовыми актами уполномоченный орган в сфере государственно-частного партнерства. В ряде регионов приняты изменения, а в некоторых, как например, в Самарской области, принято Постановление Правительства Самарской области, которое регламентирует порядок определения формы реализации инвестиционных проектов, основные требования к использованию различных правовых механизмов инвестиционной деятельности [2]. Таким образом, правовые механизмы ГЧП «встраиваются» в уже существующие на территории субъектов РФ отношения по определению приоритетов инвестиционной деятельности, наблюдается тенденция основных положений региональной политики в данной сфере [5, с. 271—272]. До разработки существующего Закона о ГЧП, понятие государственно-частное партнерство рассматривалось в широком смысле

и под него подпадали различные формы инвестиционных соглашений, в т. ч. коммерческая концессия, а в настоящее время государственно-частное партнерство определяется в узком смысле, согласно определению, указанном в Законе о ГЧП.

В целом, ситуация с реализацией соглашений ГЧП неоднородна. В некоторых субъектах РФ для развития экономики широко используют ГЧП. Основная проблема не использования данного инструмента — это отсутствующее или не адаптированное законодательство. Вторая проблема — острая нехватка опыта.

Острая нехватка опыта, компетенций и базы успешных практик, а также недостаток специалистов в сфере ГЧП не только на региональном, но и на муниципальном уровнях не позволяют всецело охватить данное направление для его дальнейшего развития [7, с. 99]. Решение данных проблем видится в организации курсов повышения квалификации, создании банка успешных типовых проектов и организации методической базы.

Также, одной из основных проблем является проблема с финансированием проектов и отсутствием понимания механизмов реализации соглашений ГЧП как для органов государственной власти, так и для предпринимателей. Создание регионального центра ГЧП по подготовке запуску и управлению проектами ГЧП поможет преодолеть вышеуказанные проблемы.

В рамках законодательного регулирования государственно-частного партнерства на территории Калининградской области в настоящее время признан утратившим силу с 1 января 2016 года Закон Калининградской области от 30 декабря 2010 г. № 536 «Об участии Калининградской области в проектах государственно-частного партнерства» [3], который по факту, имел декларативный характер, и не было установлено конкретных правовых механизмов, процедуры реализации.

При этом в рейтинге регионов по уровню развития ГЧП в 2015—2016 годах [9, с. 36], составленным Центром развития ГЧП, Калининградская область занимает 38 место со следующими показателями:

— Опыт реализации проектов 2,42;
— Нормативно-правовая база 1,50;
— Институциональная среда 3,90.

В настоящее время Правительством Калининградской области определен уполномоченный орган [4], которым является Министерство экономики Калининградской области.

В рамках реализации проектов ГЧП на региональном уровне не заключено ни одного соглашения. При этом заключено 8 концессионных соглашений, 7 из которых в коммунальной сфере и 1 в социальной сфере. Уровень реализации данных проектов — муниципальный.

В сентябре 2016 года утверждена дорожная карта Калининградской области по внедрению лучших практик Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, в которое отдельное место занимает оценка механизма государственно-частного партнерства. Во исполнение требований Закона о ГЧП принято решение о развитии механизма государственно-частного партнерства в Калининградской области за счет реализации комплекса мероприятий:

- проведение анализа законодательства Калининградской области на предмет соответствия федеральному законодательству, приведение законодательства Калининградской области в соответствие с Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ;
- определение уполномоченных органов в сфере ГЧП в соответствии с ч. 2 ст. 17 и ч. 4 ст. 3 Федерального закона от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ;
- разработка нормативно-правового акта, регламентирующего межведомственное взаимодействие органов власти на различных этапах рассмотрения и реализации проектов ГЧП;
- разработка нормативно-правового акта, регулирующего порядок рассмотрения инвестиционных предложений при реализации различных моделей государственно-частного партнерства;
- координация органов местного самоуправления Калининградской области по определению уполномоченных органов в сфере государственно-частного партнерства и приведению муниципальных правовых актов в соответствие с Федеральным законом от 13 июля 2015 года;
- подготовка плана мероприятий (дорожной карты) по развитию институциональной среды ГЧП в Калининградской области;
- привлечение бизнес — сообщества и потенциальных инвесторов к подготовке плана мероприятий (дорожной карты) по развитию институциональной среды ГЧП в Калининградской области;
- ведение реестра заключенных соглашений о государственно-частном партнерстве, в том числе в форме концессионных соглашений.

Ряд мероприятий из вышеперечисленных уже выполнен, а все незавершенные планируется реализовать до конца 2016 года.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно говорить о том, что в настоящее время Закон о ГЧП имеет отдельные недостатки, которые показывают, что требуется определенная доработка и корректировка. В июле 2016 года Федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесен ряд изменений в Закон о ГЧП, что говорит о понимании государства в необходимости совершенствования федерального законодательства в рамках государственно-частного партнерства.

В разрезе реализации механизмов государственно-частного партнерства на территории Калининградской области можно увидеть, что ведется активная работа по приведению нормативно-правовой базы в соответствии с Законом о ГЧП, а также созданию работающей системы государственно-частного партнерства на региональном уровне.

Литература:

1. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 20.07.2015).
2. Постановление Правительства Самарской области от 24 марта 2016 г. № 131 «Об утверждении порядка определения формы реализации проектов с использованием механизмов государственно-частного партнерства, концессионных соглашений и иных форм государственно-частного взаимодействия, планируемых к реализации на территории Самарской области, и мониторинга их реализации» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 20.10.2016)
3. О признании утратившим силу Закона Калининградской области «Об участии Калининградской области в проектах государственно-частного партнерства» и о внесении изменений в отдельные законы Калининградской области: Закон Калининградской области от 23 декабря 2015 г. № 505 ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 20.10.2016).
4. Постановление Правительства Калининградской области от 7 июня 2016 г. № 281 «Об уполномоченных органах исполнительной власти Калининградской области в сфере государственно-частного партнерства, о внесении дополнения и изменений в постановление Правительства Калининградской области от 13 марта 2015 года № 112» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 20.10.2016).
5. Барков А. В., Серова О. А. Государственно-частное партнерство на рынке социальных услуг в свете развития социального предпринимательства: проблемы гармонизации правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. № 3. С. 269—280.
6. Муравьев Н. В. Внутренние и внешние факторы развития государственно-частного партнерства в России // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. № 1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennie-i-vneshnie-faktory-razvitiya-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-v-rossii (дата обращения 23.10.2016).
7. Савченко И. И., Сидорова Н. Г., Кочева Е. В., Матев Н. А. Государственно-частное партнерство в России: современное состояние и проблемы развития // Вестник ТГЭУ. 2015. № 1 (73). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-v-rossii-sovremennoe-sostoyanie-i-problemy-razvitiya (дата обращения 20.10.2016).
8. Закон о государственно-частном партнерстве: руководство по применению / «Ассоциация «Центр развития ГЧП». 2015 // URL: http://pppcenter.ru/assets/ docs/Zakon-Block_28—09—2015_v01.pdf (дата обращения 20.07.2015).
9. Исследование «Развитие государственно-частного партнерства в России в 2015—2016 годах. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП» // Ассоциация «Центр развития ГЧП», Министерство экономического развития Российской Федерации. — М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016 (дата обращения 20.10.2016).

Институт службы судебных приставов и использование информационных ресурсов сети «Интернет» в их работе

Васильева Татьяна Александровна, студент
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Информационные технологии заняли прочные позиции в современном обществе. Несомненно, достижения в этой области открывают большие возможности для поиска и размещения информации, совершенствования управленческих процессов, повышения эффективности в разных сферах человеческой деятельности. Государство не может игнорировать развитие информационных технологий, ведь оно занимается организацией жизнедеятельности общества, следовательно, должно отвечать современному этапу развития общества.

Федеральная служба судебных приставов (далее — ФССП России) является федеральным органом исполнительной власти, который осуществляет функции по исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц. Непосредственно данные функции реализуют судебные приставы-исполнители, и в этом им способствуют раз-

личные информационные ресурсы сети «Интернет», в частности официальный сайт ФССП России.

1 апреля 2014 года был утвержден план развития официального сайта ФССП России [1]. Данный документ содержит в себе список мероприятий, направленных на реализацию принципов информационной открытости ФССП России и срок их проведения.

Развитие данного сайта — это важное направление совершенствования деятельности судебных приставов. Сайт активно используется для размещения информации о деятельности судебных приставов, о должниках, об арестованном имуществе и др. Официальные порталы территориальных органов ФССП России предоставляют возможность подать обращение специалистам, записаться на личный прием через электронную очередь, оплатить задолженность через электронные платежные системы.

Например, жители нашего региона имеют возможность обратиться в Управление ФССП по Калининградской области с вопросами, касающимися исполнительного производства и деятельности судебных приставов через «Интернет приемную» на официальном сайте [2].

ФССП России создает и ведет банк данных исполнительных производств в электронном виде, что предусмотрено статьей 6.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [3]. Поиск по банку данных на интернет- сайте позволяет обнаружить задолженности и оплатить их в режиме онлайн через электронные платежные системы: КИВИ (без комиссии), ОПЛАТАГОСУСЛУГ.РУ, Вэбмани, Яндекс.Деньги, ПЭЙМО и др.

Не только проверить свою долговую историю, но и подписаться на постоянное получение сведений о наличии или отсутствии задолженности по исполнительным производствам, оплатить задолженности и скачать квитанции можно через приложение в социальных сетях «Вконтакте» и «Одноклассники» [4]. Как сообщает Пресс-служба ФССП России, за 10 месяцев 2015 года через приложение было отправлено более 279 тыс. запросов.

Такого рода возможности упрощают должникам выполнение их обязанностей и способствуют исполнительному производству, поэтому важно, чтобы люди были проинформированы об их существовании.

В исполнительном производстве Интернет-ресурсы в основном применяются в отношениях, возникающих между судебными приставами, должниками и взыскателями. Но не следует ограничиваться только этим. В качестве одной из сфер применения электронных ресурсов в деятельности ФССП России можно рассматривать «процессы оперативно взаимодействия с органами и организациями в рамках обеспечения исполнительного производства» [5, с. 31].

Например, судебные приставы-исполнители занимаются принудительным исполнением постановлений Пенсионного фонда РФ (далее — ПФ РФ) о взыскании страховых взносов и иных платежей, с того момента, когда сотрудники фонда исчерпали другие средства взыскания. В связи с этим между ФССП РФ и ПФ РФ заключено соглашение о взаимодействии [6]. Данное соглашение предполагает электронный обмен информацией между данными субъектами.

Электронный документооборот не уменьшит объем документов, с которым приходится работать сотрудникам ФССП России, но он может ускорить доставку документов, облегчить процесс их обработки.

Большинство должников уклоняются от уплаты задолженности. Различные формы и методы розыска используются судебными приставами — исполнителями. Наряду с обычными способами поиска приставы применяют и инновационные. В связи с этим были разработаны методические рекомендации по использованию сети «Интернет» в целях поиска информации о должниках и их имуществе. В соответствии с ними первоначальный поиск сведений о должниках следует осуществлять в поисковых системах, блогах, базах данных адресов и телефонов, на электронных досках объявлений о покупке/продаже имущества, на сайтах новостей [7].

Например, в Твери скрывающийся должник по алиментным обязательствам попытался продать арестованный автомобиль через сайт объявлений, с помощью которого был обнаружен. Сотрудники УФССП России по Тверской области нашли на популярном сайте объявление о продаже похожего автомобиля, позвонили под видом потенциальных покупателей и договорились о встрече. В итоге арестованный автомобиль изъят и передан на ответственное хранение для последующей оценки и реализации. Полученные денежные средства перечислены взыскателям в счет погашения задолженности [8].

Если приставы ориентировочно (или точно) знают место проживания должника, то предполагаемое место нахождения автомобиля может быть обнаружено через интернет — сервис спутниковых карт «Яндекс» или «Гугл» [9, с.3].

Анализ контактов, фотографий, представленных должниками-гражданами на Интернет-страницах, предоставляет возможность получить информацию о местонахождении этих лиц и имущества в условиях практически полного отсутствия первоначальных сведений, а также вовлечь в розыск третьих лиц и использовать имеющиеся у них сведения.

В Архангельской области приставы нашли на странице должника в социальной сети «ВКонтакте» фотографию автомобиля в автосервисе на фоне других автомобилей, у одного из которых просматривался государственный номер. По данному номеру была установлена владелица транспортного средства. Связавшись с ней, сотрудники выяснили местонахождение данного автосервиса, где и был обнаружен разыскиваемый должник [10].

В. Е. Закаречкин считает, что самый эффективный для приставов инструмент получения сведений о должнике и его имуществе — направление запросов Интернет — провайдерам [11, с.2]. Каждому компьютеру, имеющему доступ в «Интернет», присваивается уникальный IP-адрес,

через который можно установить месторасположение компьютера. Именно этим способом и воспользовался сотрудник Управления ФССП России по Омской области. Обнаружив активное общение должника сразу в нескольких социальных сетях, пристав сделал запрос провайдеру и установил фактическое местонахождение интересующего компьютера [12].

Подводя итог можно сказать, что применение Интернет-ресурсов вошло в повседневную практику приставов — исполнителей. Главными направлениями в этой области являются совершенствование существующих и создание новых информационных систем; обеспечение ФССП России специалистами, которые будут следить за работой официального сайта, обменом информацией, регулярным обновлением данных; унификация процедуры фиксации и оформления информации, полученной инновационными способами.

Установление местонахождения должника, его имущества — это гарантия исполнения исполнительного документа, следовательно, и гарантия осуществления правосудия. Исходя из рассмотренных данных Пресс-службы ФССП России, передовые формы и методы розыска действительно эффективны, значит, они могут выступать в качестве одной из гарантий правосудия.

Использование ресурсов сети «Интернет» не заменяет стандартные способы работы ФССП России, но уже в настоящее время данные ресурсы становятся полезным инструментом в руках судебного пристава-исполнителя.

Литература:

1. Стратегический (концептуальный) план развития официального интернет-сайта Федеральной службы судебных приставов по реализации принципов информационной открытости Федеральной службы судебных приставов на 2014 год и на период до 2018 года» (утв. ФССП России 01.04.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
2. Пресс-служба Управления ФССП России по Калининградской области «Жители Калининградской области могут обращаться к приставам через Интернет — приемную», дата создания документа 11.08.2015 (с изменениями от 17.09.2015) URL: http://r39.fssprus.ru/news/document23018350 (дата обращения 28.10.2016).
3. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 09.03.2016, с изм. от 10.03.2016) «Об исполнительном производстве» [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
4. Пресс-служба Управления ФССП России по Калининградской области «Узнавать о долгах стало легче, оплачивать — быстрее», дата создания документа 17.11.2015 (с изменениями от 17.12.2015). URL: http://r39.fssprus.ru/news/document23255974 (дата обращения 28.10.2016).
5. Шамков Н. С. Потенциал информационных технологий в решении задач по повышению эффективности Федеральной службы судебных приставов // Правовая информатика. 2014. № 1.
6. Соглашение о взаимодействии Пенсионного фонда Российской Федерации и Федеральной службы судебных приставов, их территориальных органов при принудительном исполнении Постановлений Пенсионного фонда Российской Федерации и иных исполнительных документов от 21 января 2011 г. № АД-30—33/01сог/12/01—1. [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
7. Методические рекомендации по использованию сети Интернет в целях поиска информации о должниках и их имуществе» (утв. ФССП РФ 30.11.2010 N 02—7) (ред. от 16.03.2011) [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
8. Пресс-служба Управления ФССП Россиипо Тверской области «Розыску в помощь», дата создания документа 17.02.2016. URL: http://fssprus.ru/news/document23516920 (дата обращения 28.10.2016).
9. Ерохин И. В. Использование передовых форм и методов работы с должниками- гарантия осуществления правосудия// Практика исполнительного производства. 2015. № 1. [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
10. Пресс-служба Управления ФССП России по Архангельской области «Не спрятаться, не скрыться — долги тебя настигнут», дата создания документа 29.01.2016. URL: http://fssprus.ru/news/document23456998 (дата обращения 28.10.2016).
11. Закаречкин В. Е. Приставы в виртуальном поиске // Практическая бухгалтерия. 2011. № 4.
12. Пресс-служба Управления ФССП России по Омской области «О розыске должников с помощью Интернета», дата создания документа 22.01.2010. URL: http://fssprus.ru/news/document21008186 (дата обращения 28.10.2016).

Свидетельский иммунитет в гражданском процессе и его проблематика

Волков Олег Владимирович, студент
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Перед судом в любом правовом демократическом государстве ставится задача охраны прав, свобод, законных интересов граждан, утверждения подлинной законности, а также обеспечения надежного механизма защищенности данных правоотношений.

При осуществлении такого вида доказательств как свидетельские показания необходимо учитывать некоторые особенности, которые присущи данному виду. Как известно, достоверность свидетельских показаний зависит от точности восприятия, сохранения в памяти и правильности передачи свидетелем сведений о фактах, которые он наблюдал. Однако при определенных обстоятельствах осуществление данного вида доказывания может привести к нарушению выше перечисленных условий, а также таких принципов судопроизводства как охрана и защита прав и интересов личности, которые, кроме того, являются воплощением принципа гуманизма — одного из важнейших принципов, который лежит в основе функционирования и деятельности государства и общества.

Для обеспечения уважительного отношения к личности, охране ее личной жизни и процессуальной значимости был введен свидетельский иммунитет, который стал средством для расширения процессуальных прав свидетеля, совершенствования его правового статуса, предупреждения лжесвидетельства и укрепления нравственных основ гражданского судопроизводства.

Свидетельский иммунитет означает предоставляемое право свидетелю отказаться от дачи показаний в силу родственных отношений или служебных обязанностей. Одной из особенностей иммунитета является его неоднородность от свидетельства.

В зависимости от характера волеизъявления выделяют абсолютный и относительный иммунитет. Первый использует сочетание права полного отказа от дачи показаний по существу дела с законодательным запретом его допроса в качестве свидетеля (например, ч.2 п.1 ст. 61 ГПК) [1]. Второй же означает право отказа свидетеля от дачи показаний в предусмотренном законом порядке (иммунитет близких родственников, ч.4 ст. 69 ГПК).

В зависимости от объема показаний иммунитет можно подразделить на полный и частичный. Полное право отказа выражается в том, что свидетель может полностью отказаться от дачи показаний по существу дела (например, иммунитет родственников). Частичный же иммунитет подразумевает освобождение свидетеля от дачи показаний лишь при отдельных вопросах или случаях (например, по вопросам, составляющим тайну).

Основаниями иммунитета является родство и служебное положение гражданина.

Одной из главных проблем свидетельского института в гражданском судопроизводстве считается такое действие в гражданском процессе как выявление определенного круга лиц, которые обладают такой привилегией.

Согласно ст. 51 Конституции РФ [2] и ч.4 ст. 69 ГПК РФ: «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга, своих родственников, круг которых определяется Федеральным законом. Данная норма даже не запрещает, а всего лишь освобождает от обязанности лицо, попавшее под данную форму, от дачи показаний. В данном случае существуют определенные сомнения, касающиеся реализации родственного иммунитета, а точнее реализация иммунитета той категории лиц, которые входят под критерии «родственники».

В соответствии с ч.3 ст. 69 ГПК РФ под действие родственного иммунитета попадают супруги, дети, в том числе усыновленные, родители, усыновители, братья, сестры, дедушка, бабушка, внуки [2]. Однако в настоящее время очень часто происходит так, что люди не спешат заключать брак, но при этом проживая вместе достаточно долгое количество времени, ведя вместе хозяйство и фактически являясь семьей. При этом институт сожительства законодательно не закреплен, и поэтому свидетельский иммунитет на данных лиц не распространяется. Иными словами, если один супруг освобождается от дачи показаний против другого, то один сожитель не будет освобожден от свидетельствования против другого. При таких особенностях сам характер взаимоотношений у названных категорий может быть практически одинаков, разница будет состоять лишь в официальной регистрации.

Также не только в рамках родственного иммунитета остаются не разрешенные вопросы. К примеру, освобождение священнослужителей от дачи показаний при обстоятельствах, которые стали им известны после исповеди. Несмотря на то, что светское государство подразумевает отсутствие влияния какой — либо религии на дела государства, подобное ограничение представляется обоснованным, так как исповедь является неотъемлемой частью ряда религий и нарушение ее тайны являлось бы посягательством на свободу вероисповедания и неприкосновенность частной жизни.

Кроме того, иммунитет распространяется лишь на тех священнослужителей, которые прошли государственную регистрацию [3, с. 5].

Некоторые ученые выделяют отдельно вопрос обладания свидетельским иммунитетом медиатора [4, с. 7]. С одной точки зрения, согласно п.1 ч.3 ст. 69 ГПК и ч.5.1. ст. 56 АПК закреплено, что медиатор не может быть допрошен об обстоятельствах, которые ему стали известны

в связи с исполнением обязанности медиатора [5]. При этом положения п. п.1, 2, 4 ст. 5 ФЗ «О медиации» утверждают, что свидетельский иммунитет медиатора зависит от волеизъявления сторон спорного отношения, так как они могут договориться о его несоблюдении [6]. Но при этом возникает закономерный вопрос о том, как стороны своим волеизъявлением могут изменить императивное положение действующего процессуального законодательства? Существует предположение, что ситуация объясняется тем, что медиация является добровольной процедурой, и, кроме того, именно правоохранительные органы вынуждают медиатора давать показания, а не стороны, включая при этом и суд. Таким образом, можно сделать предположение, что данная норма о свидетельском иммунитете существует именно для них. Но с другой стороны, для самого медиатора эта норма является одной из гарантий независимости и беспристрастности.

Благодаря данному исследованию можно сделать определенные выводы по исследованной проблематике, а также предложить несколько возможных способов ее решения. Прежде всего, стоит учитывать, что такое важное и, безусловно, необходимое явление российского процессуального права на сегодняшний день урегулировано законом недостаточно полно и единообразно. В первую очередь, следует более четко определить действие свидетельского иммунитета в отношении медиатора. Целесообразным также будет выглядеть некоторое расширение субъектов, наделенных данной привилегией. Основой этих действий должны стать принципы гуманизма, уважение личности и ее интересов, а также фактические межличностные связи особого характера.

И самым главным фактором является обстоятельство, на основе которого и должны происходить будущие изменения при разрешении проблематики института свидетельского иммунитета в гражданском процессе. Смысл обстоятельства заключается в том, что субъектом этих правоотношений в доказательственном процессе является человек. Его показания в корне отличаются от иных видов доказательств. У него свои эмоции, свои чувства, приоритеты и отношения. Все эти факторы должны учитываться судом, а в особых случаях необходимо и вовсе исключить всякое принуждение к даче показаний. Но, несмотря на все перечисленные способы, самой большой проблемой при данных действиях останется именно определение этих особых случаев, при которых было бы возможно разрешение указанных выше проблем.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532. Доступ из справочно-правовой системы: «КонсультантПлюс».
2. Конституция Российской Федерации Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание Законодательства РФ. 2014. № 31. Доступ из справочно-правовой системы: «КонсультантПлюс».
3. Молчанов В. В. «Служебный» свидетельский иммунитет в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2006. № 4. С. 10—17.
4. Зайцев А. И. Проблемы регламентации посредничества (медиации) в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 8. С. 8—13.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // Собрание Законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

Реализация права на занятие предпринимательской деятельностью на примере оказания услуг в сфере эстетической медицины

Высоцкая Юлия Павловна, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Закреплённое в Конституции Российской Федерации право граждан на распоряжение своими способностям к труду, выборе профессии, рода деятельности, в совокупности с конституционным принципом экономической свободы, находят своё воплощение, в том числе, и при занятии гражданами предпринимательской деятельностью в сфере здравоохранения [1].

Разгосударствление системы здравоохранения стало значительным толчком для увеличения доли рынка платных медицинских услуг и активного развития предпринимательства в этой сфере. В качестве частного случая предлагается рассмотреть предпринимательскую деятельность в сфере эстетической медицины.

Лицензирование медицинской деятельности является не только элементом системы обеспечения качества и безопасности медицинской помощи, оказываемой пациентам (клиентам) [2], но и способствует реализации права граждан на осуществление предпринимательской деятельности по оказанию медицинских услуг соответствующего профиля.

Порядок лицензирования медицинской деятельности, а также закрытый перечень работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, осуществляемую на территории Российской Федерации, регламентируется Постановлением Правительства РФ от 16.04.2012 N 291 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)» [3].

Лицензионные требования определяются как совокупность требований, которые установлены положениями о лицензировании конкретных видов деятельности, основаны на соответствующих требованиях законодательства Российской Федерации и направлены на обеспечение достижения целей лицензирования [3]. Нарушение установленных лицензионных требований влечет за собой негативные последствия для медицинской организации. Так, грубым нарушением лицензионных требований при осуществлении медицинской деятельности является невыполнение лицензиатом таких требований, как наличие зданий, строений, помещений, необходимых для выполнения заявленных работ, и отвечающих установленным требованиям; нарушение установленных порядков оказания медицинской помощи, порядка осуществления внутреннего качества и безопасности медицинской деятельности. Кроме того, к таким нарушениям лицензионных требований могут относиться нарушения, повлекшие за собой: возникновение угрозы причинения вреда жизни, здоровью граждан, а также уже произошедшие человеческие жертвы или причинение тяжкого вреда здоровью граждан, причинение средней тяжести вреда здоровью двух и более граждан [3].

Рассмотрим данные нарушения на примере постановления Седьмого арбитражного апелляционного суда от 25.11.2014 г. по делу N А45–17280/2014 [4]. Косметологические инъекции медицинского препарата проводились медицинской сестрой — работником организации в противоречии с инструкцией по применению используемого лекарственного препарата. Медицинская сестра имела среднее профессиональное образование по специальности «Сестринское дело» и сертификат специалиста по специальности «Сестринское дело в косметологии», тогда как такую процедуру должен был выполнять квалифицированный врач, имеющий высшее медицинское образование, прошедший курс специальной подготовки и получивший разрешение фирмы-производителя. В соответствии с Приказом Минздравсоцразвития РФ от 23.07.2010 № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих» [5], раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения», медицинская сестра имела право лишь помогать врачу при выполнении процедуры, но не проводить ее самостоятельно. Кроме того, у медицинской организации отсутствовала лицензия на оказание услуг по сестринскому делу в косметологии и привлечению к оказанию таких услуг медицинской сестры. Из этих фактов был сделан вывод о нарушении пп. «и» п.4 Положения о лицензировании медицинской деятельности, которое выразилось в фактическом отсутствии внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности в медицинской организации. Судом первой инстанции медицинская организация была привлечена к административной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности с нарушением требований и условий, предусмотренных лицензией. Не согласившись с решением суда первой инстанции, медицинская организация обратилась с апелляционной жалобой, но не предоставила документов, подтверждающих осуществление внутреннего контроля, не привела доказательств устранения допущенных нарушений и настаивала на своем праве оказывать косметологические услуги по сестринскому делу в косметологии без получения на это лицензии и привлечению к рассматриваемой деятельности лица, не имеющего надлежащей квалификации. В результате апелляционная жалоба медицинской организации была оставлена без удовлетворения, наказание назначено с учетом отягчающих обстоятельств; нарушения, допущенные медицинской организацией, признаны судом гру-

быми. Описанная ситуация является примером необходимости неукоснительного соблюдения предпринимателем лицензионных требований в процессе осуществления медицинской помощи.

Лицо, осуществляющее медицинскую деятельность без разрешительных документов, может быть привлечено и к уголовной ответственности. Так, в ст. 235 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (далее — УК РФ) указано, что незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности, т. е. осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности лицом, не имеющим лицензии на данный вид деятельности, при условии, что такая лицензия обязательна, если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека, — наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок [6]. Также, осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству, либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере — наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо арестом на срок до шести месяцев [6].

Как видно из содержания нормативных правовых актов и судебной практики, осуществление предпринимательской деятельности в сфере эстетической медицины невозможно без получения специальной лицензии.

Требование законодателя о наличии у предпринимателя лицензии для осуществления медицинской деятельности в первую очередь связано с безопасностью пациентов [7]. Предприниматель при оказании медицинских услуг в сфере эстетической медицины должен использовать только качественные, безопасные лекарственные препараты и медицинские изделия [8]. При использовании фальсификатов лекарственных средств может возникнуть нежелательная, негативная реакция организма пациента (клиента), что повлечет за собой внеплановую проверку Росздравнадзором и поставит под угрозу действие лицензии на осуществление медицинской деятельности. Кроме того, учитывая риск заражения различными инфекционными заболеваниями, в том числе, ВИЧ — инфекцией, в процессе проведения медицинских манипуляций в сфере эстетической медицины, медицинскими работниками, осуществляющие услуги в сфере эстетической медицины, должны предприниматься все необходимые медико-правовые меры по противодействию распространения ВИЧ. Данные меры должны быть направлены не только на профилактику заболевания самого медицинского работника, но и на безопасность пациента (клиента) [9, 10].

Соблюдение лицензионных требований в сфере эстетической медицины способствует реализации права на занятие предпринимательской деятельностью. Наличие лицензии способствует получению прибыли, удовлетворению потребностей пациента (клиента) в данном виде услуг, а также открывает дополнительные возможности для развития бизнеса. Недавно одобренный Советом Федерации законопроект [11], утверждающий порядок прямого финансирования высокотехнологичной медицинской помощи (ВМП), которую оказывают федеральные клиники, предусматривает возможность частным медицинским центрам подключиться к этому приносящему высокую прибыль процессу. Неукоснительное соблюдение установленных лицензионных требований будет способствовать соблюдению критериев для включения таких частных клиник в перечень организаций, оказывающих ВМП, что значительно увеличит их финансирование.

В условиях активно развивающегося рынка услуг в сфере эстетической медицины, требования по лицензированию медицинской деятельности несомненно служат важным ориентиром в деятельности частных медицинских организаций. Для реализации права на занятие предпринимательской деятельностью законодатель устанавливает четкие критерии деятельности медицинских организаций, регулируя организационные, кадровые, административные вопросы, тем самым способствуя обеспечению качества и безопасности медицинских услуг, предоставляемых предпринимателем. Благодаря этому предпринимательской деятельностью в сфере эстетической медицины может заниматься не только профессиональный врач, но и лицо с любой другой специальностью, без ограничений по профессиональному признаку, что способствует наиболее полной реализации права на занятие предпринимательской деятельностью.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы»КонсультантПлюс».
2. Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А. К вопросу об обеспечении безопасности информации о пациентах // Научный обозреватель. 2015. № 3. С. 15—17.

3. Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 (ред. от 23.09.2016) «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы»КонсультантПлюс».
4. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 25.11.2014 по делу № А45–17280/2014 о привлечении к ответственности по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ за осуществление медицинской деятельности с грубым нарушением условий, предусмотренных лицензией. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы»КонсультантПлюс».
5. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 23.07.2010 № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы»КонсультантПлюс».
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.06.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Гильмуллина А. Р., Круглик С. В., Круглик Е. В. К вопросу об эстетической медицинской услуге // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 4. С. 157–160.
8. Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Новиков В. Е., Пожилова Е. В., Барановская Е. А., Климкина Е. И. Фармацевтические и юридические аспекты фальсификации лекарственных средств // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2016. Т. 15. № 2. С. 102–111.
9. Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А. Правовое регулирование оказания медицинской помощи ВИЧ — инфицированным. Учебное пособие для студентов юридических и медицинских вузов. Москва, 2016. Сер. Теория и история государства и права. 176 с.
10. Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А. Правовые аспекты создания системы противодействия распространению заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 2–1 (63). С. 174–177.
11. Законопроект, упрощающий финансирование вмп, принят в первом чтении. URL: www.vademec.ru/news/2016/05/20/v-pervom-chtenii-prinyat-zakonoproekt-uproshchayushchiy-finansirovanie-vmp/ (дата обращения 01.11.2016).

Гармонизация процедур внутреннего третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража как способ совершенствования механизма защиты прав инвесторов

Гаренко Алексей Игоревич, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Как известно, с 1 сентября 2016 года в Российской Федерации начало действовать принципиально новое законодательство, регулирующее общие начала третейского разбирательства. На смену прежнему Федеральному закону «О Третейских судах в Российской Федерации» [7] (далее — Закон о ТС) пришел Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» [8] (далее — Закон об арбитраже, новый закон), призванный стать главным результатом третейской реформы. Одной из важнейших тенденций вышеупомянутого реформирования видится гармонизация процедур внутреннего третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража (далее — МКА). Как отмечено многими исследователями, процесс гармонизации процедур внутреннего третейского разбирательства и разбирательства в МКА полностью соответствует опыту ведущих зарубежных юрисдикций [2]. В данном контексте гармонизацию следует понимать, как приведение двух процедур в соответствие, их максимальную унификацию. В существовавшем ранее законодательстве эти процедуры были достаточно четко разграничены, что не позволяло говорить о каком бы то ни было единообразии. Оправдывалось это, прежде всего, тем, что МКА, в отличие от внутреннего, основывается главным образом на общепринятых в большинстве стран принципах международного частного права, а третейское разбирательство, напротив, на национальных. Это подтверждал так же и тот факт, что прообразом для Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» (далее — Закон о МКА) [9] являлся модельный или типовой закон ЮНСИТРАЛ «О международном торговом арбитраже» [10] (далее — модельный закон), на котором в меньшей степени основывался прежний Закон о ТС.

В результате гармонизация и сближение процедур внутреннего третейского разбирательства и МКА в российском законодательстве поспособствовали тому, что новый Закон об арбитраже перенял большинство положений международного модельного закона. Теперь требования нового закона распространяются на все арбитражные учреждения, как те, что рассматривают внутренние споры, так и рассматривающие в соответствии с Законом о МКА споры, осложненные иностранным элементом, если место такого учреждения находится в РФ.

Вообще гармонизация и сближение двух законов выразилась по-разному. К примеру, в статье 2 Закона об арбитраже определение понятий «третейский суд» и «суд» полностью заимствовано из Закона о МКА, который, в свою очередь, когда-то позаимствовал их из модельного закона. Однако, заимствованием лишь терминологической основы все не ограничилось.

Произошла гармонизация и многих процедурных моментов. Так, в статье 4 Закона об арбитраже воспроизводится норма, регламентирующая правило, которое не содержалось в Законе о ТС, зато с успехом использовалось в процедуре разбирательства в МКА. Данная норма касается отказа от права на возражения стороны, которая зная, что определенное положение применяемого закона, от которого можно отступать, или определенное требование, предусмотренное арбитражным соглашением, не были соблюдены, тем не менее, продолжает участвовать в разбирательстве, не заявляя при этом никаких возражений, то такую сторону следует считать отказавшей от своего права на возражение. То же самое касается и статьи 5 нового закона, «Пределы вмешательства суда», в которой, с несущественными терминологическими изменениями, фактически излагается норма статьи 5 Закона о МКА. С незначительными изменениями заимствуется и большое количество других норм и правил. Само по себе заимствование некоторых норм, очевидно, обусловлено тем, что указанные положения подтвердили свою состоятельность и эффективность не только в рамках применения Закона о МКА, но и в сложившейся международной практике. В статье 6 «Органы для выполнения определенных функций содействия и контроля в отношении арбитража», также приводятся формулировки, присутствовавшие до этого в Законе о МКА. Однако тут все, скорее, наоборот — в аналогичную статью 6 Закона о МКА новым законом вводятся изменения, и она излагается в новой редакции. В связи принятием нового законодательства об арбитраже в новой редакции излагается и ряд других норм Закона о МКА, что свидетельствует о том, что гармонизация выразилась не только в приведении в соответствие норм нового закона с нормами Закона о МКА, но и в обратном процессе. При этом, в процессе рассмотрении всех сходств, различий, исследовании внесенных изменении наблюдается определенная тенденция: при гармонизации двух процедур и законов соблюдается не только единая терминологическая основа, заложенная, как правило, еще модельным законом, но и совпадают порядковый номер тех или иных статей, что является несомненным плюсом для иностранных субъектов, знакомых с международным законодательством.

Одним из главных новшеств реформированного третейского законодательства является существенное расширение компетенции МКА. В частности, теперь он правомочен рассматривать споры, которые возникают в связи с иностранными инвестициями на территории России, а также российскими инвестициями в других странах, что также максимально соответствует формулировкам модельного закона. Это во многом объясняется тем, что само по себе понятие инвестиционных споров не ограничивается исключительно рамками национальной системы права. Институт разрешения инвестиционных споров в арбитраже возник достаточно давно. В отечественное правовой литературе понятие инвестиционного спора определяется как «правовой спор между государством и иностранным инвестором, связанный с инвестициями последнего на территории первого» [1, с. 263]. Появление института инвестиционных споров неотъемлемо связано с заключением международных соглашений о защите иностранных инвестиций, в которых была предусмотрена обязанность государства передать на рассмотрение арбитража любой спор с любым инвестором по поводу нарушения его прав, указанных в договоре. Необходимость такого ограничения возникла потому, что одной из сторон инвестиционного соглашения является государство, а в национальном суде, как в учреждении, представляющем то или иное государство, нередко можно было столкнуться с необъективным разрешением инвестиционного спора по причинам, порой непосредственно не связанными с самим спором (например, политическими и иными). Данная проблема проявилась в процессе развития инвестиционных отношений и в качестве возможного решения представлялось разрешение инвестиционного спора в некоем учреждении, стоящем «над государством» [3, с. 143], в связи с чем и пользовалось особой популярностью обращение к третейскому арбитражу. Как следствие, в 1965 году был создан специализированный инвестиционный арбитраж, именуемый Международный центр урегулирования инвестиционных споров или МЦУИС. Создание МЦУИС по сути было предопределено необходимость некоторой унификации судебной практики по разрешению инвестиционных споров [4].

Впрочем, международным соглашениям не всегда уделялось должное внимание, порой они и вовсе не рассматривались государствами как эффективная форма защиты инвестиций. Так, например, Вашингтонская конвенция «О порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами» [11] (далее — конвенция), в соответствии с которой МЦУИС непосредственно и был создан, была подписана Россией в 1992 году, однако так и не была ратифицирована. По сути, это лишает российских инвесторов права на обращения в МЦУИС. Однако подобную проблему на практике решает дополнительный протокол от 1979 года, по-

зволяющий МЦУИС разрешить спор и в том случае, если одна из сторон инвестиционного спора — государство или представитель государства, которое не является участником конвенции.

Если говорить в общем об определенных формах защиты прав инвесторов, то следует отметить наличие юрисдикционных и неюрисдикционных форм защиты. Так, в статье 10 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [12] установлено, что «спор иностранного инвестора, возникший в связи с осуществлением инвестиций и предпринимательской деятельности на территории РФ, разрешается в соответствии с международными договорами и федеральными законами в суде или арбитражном суде либо в международном арбитраже (третейском суде)». Подобная же формулировка содержится и в статье 22 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции» [13]. Интересно, что в российском инвестиционном законодательстве не содержится четкого упоминания о возможности рассмотрения инвестиционных споров в МЦУИС или, например, в Арбитражном институте Торговой палаты г. Стокгольма, арбитраже adhoc, что, по нашему мнению, является существенным упущением российского законодательства.

Как видно, юрисдикционные формы защиты реализуются в арбитражных судах, либо в судах общей юрисдикции. При этом специалисты выделяют следующие виды споров: между государством и иностранными инвесторами и между частными организациями, одна из которых является иностранным инвестором [5, с. 111]. Неюрисдикционная форма защиты как и раз и предполагает защиту прав в третейском разбирательстве. Но разрешение инвестиционного спора как в третейском суде, так и в МКА и инвестиционном арбитраже возможно только при наличии в договоре арбитражной оговорки, то есть по сути письменного согласия сторон на рассмотрение спора в третейском учреждении.

Подводя итог, следует отметить, что гармонизации процедур внутреннего третейского разбирательства и МКА в России сопутствует также и унификация отечественного законодательства о третейском разбирательстве с международным. Можно с уверенностью утверждать, что максимальное соответствие внутренних нормативно-правовых актов общепринятым в международном сообществе очень важно для инвесторов, защищающих свои права в российских арбитражных учреждениях, по следующим причинам: во-первых, это делает национальное законодательство более понятным для иностранных субъектов, во-вторых, создает привлекательные условия для разрешения различных споров, осложненных иностранным элементом, на территории России, в-третьих, существенно облегчает процедуру исполнения решений российских третейских судов в иностранных государствах. В этой связи нельзя не согласиться с теми специалистами, которые отмечают, что именно национальное законодательство способно обеспечить наиболее эффективную защиту прав инвесторов, а международное существует скорее просто для осуществления межгосударственного сотрудничества [6].

Кроме того, считаем, что иностранный инвестор, как сторона осуществляющая деятельность в чужом государстве, вправе рассчитывать на «особое отношение» — приобретение особого статуса, позволяющего ему успешно защищать свои права за рубежом. Как для субъекта, осуществляющего вложение своих личных средств, для него важно понимание наличия эффективных средств правовой защиты в нашем государстве. Однако, при этом не стоит идти на крайности, предоставляя иностранным частным лицам излишние права. Как справедливо отмечено премьер-министром РФ Дмитрием Медведевым на заседании юридического форума в Санкт-Петербурге, «... такая защита не должна подрывать конституционные устои государства». Следует отметить, что на международном уровне определенный баланс в инвестиционных отношениях все же достигнут, о чем свидетельствует тот факт, что, например, споры в инвестиционном арбитраже, в соответствии с официальной статистикой, как правило, разрешаются приблизительно в равной степени как в пользу частных инвесторов, так и в пользу государств.

Литература:

1. Звеков В. П. Международное частное право: учебник для вузов. М., 2004. С. 263–264.
2. Борисов А. Н., Диденко В. В. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный). М.: Деловой двор, 2016.
3. Бородкин С. В. Законодательство об иностранных инвестициях и практика разрешения инвестиционных споров // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 142–150.
4. Касаткина А. А., Касаткина А. С. Международная практика разрешения инвестиционных споров // Законодательство и экономика. 2015. № 10 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
5. Москаленко И. В., Зимин А. Е. О защите прав инвесторов и иных субъектов экономической деятельности // Образование и право. 2016. № 3. С. 110–114.
6. Лисица В. Н. Об инвестиционных спорах с участием Российской Федерации и их подсудности международному центру по урегулированию инвестиционных споров // Закон. 2013. № 3 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru

7. Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (в ред. от 29.12.2015) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
8. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (в ред. от 29.12.2015) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
9. Закон РФ от от 7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже» (в ред. от 29.12.2015) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
10. Типовой закон ЮНСИТРАЛ «О международном торговом арбитраже» от 21.06.1985 г. (с изм. от 04.12.2006) [Электронный ресурс] //Режим доступа: http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-arb/07–87000_Ebook.pdf
11. Вашингтонская Конвенция 1965 года «О порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами» [Электронный ресурс] //Режим доступа: http://www.sccinstitute.com/media/69150/icsid_convention_ru.pdf
12. Федеральный закон от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2013) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
13. Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» (в ред. от 05.04.2016) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru

Проблемные аспекты гражданского законодательства по противодействию корпоративному захвату и шантажу

Грабельных Иван, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Несмотря на многообразие правовых исследований, законодательная база по противодействию корпоративному захвату и шантажу находится только на стадии своего формирования. Это объясняется тем, что корпоративные отношения затрагивают многие отрасли законодательства и внутриорганизационные нормы юридических лиц. Для осуществления своих деяний рейдеры используют действующие гражданско-правовые нормы, регулирующие предпринимательскую деятельность. На мой взгляд, устранение выявленных противоречий и пробелов законодательства позволит существенно снизить количество корпоративных захватов, затруднит возможность осуществления корпоративного шантажа и сделает процесс осуществления корпоративной деятельности более защищенным.

Понятие и виды корпоративного захвата

В настоящее время в Российской Федерации нет легального определения корпоративного захвата или «рейдерства». Более того, в юридической литературе нет единого мнения ученых по толкованию и определению такого понятия. Безусловно, это создает определенные трудности в понимании совершаемых деяний и их разграничении. В частности, многие авторы трактуют корпоративный захват только как преступное деяние. К примеру, согласно Памятке гражданину от 2006 года Общественной палаты РФ «Если вам угрожает рейдерство», «рейдерством» является недружественный, вне пределов гражданского законодательства, направленный против воли собственника, захват чужого имущества в пользу другого лица, установление над имуществом полного контроля нового собственника в юридическом и физическом смысле с использованием коррумпированности чиновников и с применением силы [1]. Данное определение характеризует корпоративный захват только как противозаконные действия, но враждебное поглощение компании можно совершить и без нарушения закона. Это будет абсолютно законная сделка, которая, все же, не соответствует интересам собственников поглощаемого бизнеса. Достаточно часто корпоративный захват и враждебное поглощение рассматриваются как идентичные понятия, что также неверно. Согласно Кодексу корпоративного поведения, утвержденного Письмом Банка России, поглощением является легальное приобретение более 30% голосующих акций общества [2]. В качестве враждебного или недружественного поглощения можно выделить такое поглощение, посредством которого отдельные акционеры утрачивают свою возможность по управлению обществом.

На основании вышесказанного, на мой взгляд, корректнее определять «рейдерство» или корпоративный захват как деятельность, направленную на установление фактического контроля над юридическим лицом вопреки воле его учредителей. Причем установить, законна такая деятельность или нет невозможно, в силу большого количества способов и видов корпоративного захвата.

Анализ юридической литературы, а также судебной практики позволяет выделить следующие виды корпоративного захвата:

1. Черное «рейдерство»

Оно, как правило, является самым опасным не только для владельцев компании, но и для экономики государства и общества в целом, поскольку совершается с нарушением уголовного законодательства. Более того, нередко черными рейдерами используется силовой захват компании, осуществляемый с помощью бандитизма, применения физической силы, коррупции. В Уголовном Кодексе РФ предусмотрены следующие виды преступлений, с помощью которых осуществляются захваты: неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185.6 УК РФ), принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (179 УК РФ) и многое другое.

2. Серое «рейдерство»

К наименее опасному, серому «рейдерству», можно отнести механизмы и способы, нарушающие гражданское законодательство, в частности ГК РФ, ФЗ «О регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», ФЗ «Об акционерных обществах», ФЗ «об обществах с ограниченной ответственностью» и так далее. Данный вид характеризуется сочетанием незаконных и квазизаконных мер. Одним из самых распространенных способов серого «рейдерства» выступает проведение незаконного собрания акционеров, при котором акционеры, способные повлиять на принятие решений, либо не допускаются к голосованию, либо вовсе не оповещаются о проведении общего собрания.

3. Белое «рейдерство»

Данный вид корпоративного захвата осуществляется полностью в рамках закона. Более того, существует отдельный рынок — Mergers and Acquisitions (M&A) (в переводе с английского — слияния и поглощения), в котором наряду с дружественными слияниями, существуют и недружественные поглощения. Считается, что такой способ захвата положительно сказывается на экономике, поскольку устраняет неэффективное руководство у жизнеспособных субъектов рынка [3]. Необходимо указать, что широкое распространение такой вид «рейдерства» получил в США, в России же он признан нерентабельным.

Понятие корпоративного шантажа

Корпоративный шантаж или «greenmail», что в переводе с английского «зеленое письмо», представляет собой деятельность, направленную на получение сверхприбыли за счет спекуляций акционеров или злоупотребления ими своими правами по отношению к акционерному обществу [4]. Легальное определение корпоративного шантажа также отсутствует, но стоит указать, что в судебной практике суды часто квалифицируют те или иные действия в качестве корпоративного шантажа. Так, определением Арбитражного суда Свердловской области от 2 июня 2014 года по делу о корпоративном споре было указано: «Основной целью истца является корпоративный шантаж, что в свою очередь противоречит основам гражданского законодательства».

Проблемные аспекты гражданского законодательства по противодействию корпоративному захвату и шантажу

Российское гражданское законодательство в настоящее время существенно осложняет способы проведения корпоративных захватов и корпоративного шантажа: введение норм о восстановлении корпоративного контроля, устранение «карманных» третейских судов, реализация нотариального контроля при осуществлении деятельности в ООО. Но это лишь малая часть должного правового регулирования. На мой взгляд, законодателю необходимо не только вводить новые правовые нормы, регламентирующие корпоративные отношения между участниками, но и устранять те противоречивые моменты, которые затрудняют восстановление своих утерянных прав, препятствуют восстановлению корпоративного контроля.

Одной из наиболее дискуссионных норм является часть 3 статьи 65.2 Гражданского Кодекса РФ: «Если иное не установлено настоящим Кодексом, участник коммерческой корпорации, утративший помимо своей воли в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц права участия в ней, вправе требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам, с выплатой им справедливой компенсации, определяемой судом, а также возмещения убытков за счет лиц, виновных в утрате доли. Суд может отказать в возвращении доли участия, если это приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия. В этом случае лицу, утратившему помимо своей воли права участия в корпорации, лицами, виновными в утрате доли участия, выплачивается справедливая компенсация, определяемая судом» [5]. Следует указать, что в настоящее время отсутствует судебная практика по восстановлению корпоративных прав со ссылкой на указанную норму. Прежде всего, это связано с противоречивостью и неопределенностью ее положений.

На мой взгляд, указанная норма требует конкретизации. Исходя из ее содержания, возвращение доли участия в организации, утраченной в результате неправомерных действий со стороны ответчика, предполагается с выплатой истцом компенсации ответчику. Это условие нарушает принцип справедливости, поскольку правомерный собственник обязан выплатить возмещение понесенных расходов недобросовестному приобретателю. Может быть, законодатель имел в виду компенсацию именно добросо-

вестному приобретателю, который не знал и не мог знать, что данная доля выбыла из рук собственника незаконно, однако как такую норму будет толковать суд неясно.

Довольно неоднозначным является положение, где указано, что суд может отказать в возвращении доли участия, если это повлечет негативные социальные и другие публично значимые последствия. В первую очередь неизбежно встает вопрос о том, последствия какого характера должны наступить, чтобы владение недобросовестных приобретателей и третьих лиц фактически было приоритетным перед правами титульных владельцев.

Хотелось бы отметить, что восстановление доли участия одного участника неизбежно влечет последствия и для других. Однако в статье не сказано, будет ли суд учитывать требования и интересы других участников общества, а также самостоятельно определять возможность рассмотрения не только спора о праве, но и предотвращении негативных последствий для других лиц.

Законодательное урегулирование института восстановления корпоративного контроля и защиты корпоративных прав является обязательным элементом по противодействию корпоративному захвату. Для повышения эффективности такой нормы представляется необходимым внести следующие коррективы:

1. Конкретизировать каким лицам истец выплачивает компенсацию при возвращении доли. Наиболее корректным, на мой взгляд, является установить компенсацию только для добросовестных приобретателей.

2. Внести ясность в понятие «справедливая компенсация». Размер «справедливой компенсации» никак в законе и судебной практике не определен. Исходя из этого, можно предположить, что наиболее верным будет установить размер такой компенсации как величина действительной стоимости доли, размер стоимости такой доли при ее приобретении или же определенного процента от ее стоимости.

3. Требуется уточнить характер крайне негативных социальных и иных публично значимых последствий. Возможно, с помощью судебного толкования.

4. Регламентировать возможность участия в судебном заседании о возращении доли участия заинтересованных членов корпорации для предотвращения возможных негативных последствий для таких лиц.

Одними из наиболее старых пробелов в законодательстве, которые помогают рейдерам осуществлять свою деятельность, являются положения Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Согласно указанному федеральному закону, налоговые органы, при регистрации изменений, вносимых в учредительные документы юридических лиц, не проверяют достоверность поступающих сведений. В результате, осуществление захвата происходит посредством регистрации любых вносимых изменений, касающихся корпоративного управления и перепродаже долей в уставном капитале общества. Те протоколы общего собрания, которые вносятся на регистрацию, как правило, являются поддельными, причем, иногда заметить подделку подписи довольно просто. Однако регистрирующий орган может отказать только при наличии определенных формальных обстоятельств.

Проблематика касательно указанного закона поднималась еще в 2009 году. Согласно Докладу Совета Федерации Федерального Собрания РФ 2009 года: «Основанием для осуществления государственной регистрации юридических лиц является предоставление заявителем соответствующих документов, по которым регистрирующий орган не вправе проводить правовую экспертизу на предмет их достоверности и соответствия законодательству. Это приводит к тому, что при отсутствии формальных оснований для отказа в государственной регистрации регистрирующий орган обязан произвести такую регистрацию независимо от того, соответствуют ли представленные документы законодательству. Данное положение позволяет недобросовестным заявителям представлять для государственной регистрации недостоверные и подложные документы, что способствует мошенническому хищению имущества, в том числе в рамках так называемых корпоративных захватов (рейдерства). Кроме того, государственный реестр юридических лиц в значительной степени теряет свое значение, поскольку не обеспечивает достоверность содержащихся в нем сведений, притом, что в отношении ряда сведений, реестр имеет правоустанавливающее значение» [6].

На основании вышесказанного, на мой взгляд, наиболее эффективной мерой для противодействия корпоративному захвату будет установление обязательного нотариального удостоверения решений общего собрания акционеров в акционерных обществах идентично тому, как такая мера осуществлена в ООО. Это позволит регистрирующему органу быть уверенным в том, что решение подлинно и что никаких фальсификаций произведено не было. Все же стоит отметить, что многими авторами юридической литературы также предлагаются следующие изменения в указанный закон, с актуальностью которых нельзя не согласиться:

1. Регламентировать обязательное уведомление исполнительного органа юридического лица и мажоритарных участников (акционеров) при регистрации изменений, связанных с корпоративным управлением;

2. В случае обнаружения признаков фальсификации налоговая служба должна будет немедленно направить материалы в органы внутренних дел;

3. Требуется введение нормы об обязательном удостоверении вносимых изменений подписью участника, доля которого уменьшается, вносимыми изменениями;

4. Утвердить дополнительное удостоверение подписью одного из участников акционерного общества, уполномоченного компетентным органом управления самого общества, заявления о регистрации изменений по смене руководителя [7].

Многие авторы, в частности И. С. Шиткина, выделяют в качестве самого простого способа корпоративного шан-

тажа злоупотребление акционером или участником общества с ограниченной ответственностью правом на информацию. Так, лица, обладающие достаточно небольшим количеством акций, начинают требовать от эмитента предоставление огромного количества копий протоколов общего собрания акционеров и других документов за несколько лет. В целях исключения такого способа корпоративного шантажа, существует необходимость введения положения в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», запрещающего акционерам либо участникам общества истребовать документы общества, которые были приняты не ранее 3 лет до того, как само лицо приобрело долю либо акции этого общества. Указанное изменение позволит сократить основания для осуществления деструктивной деятельности профессиональным шантажистам и недобросовестным миноритариям.

Достаточно спорным положением российского законодательства является договор, предусмотренный пунктом 9 статьи 67.2 Гражданского кодекса РФ. По своему содержанию и правилам регулирования он является корпоративным договором, с тем лишь отличием, что одной его стороной являются участники хозяйственного общества, а другой кредиторы такого общества или третьи лица. Исходя их вышесказанного, можно прийти к выводу, что раз такой договор является корпоративным и направлен на осуществление одной стороной своих корпоративных прав, то фактически он позволяет третьим лицам и кредиторам получить контроль над обществом, выражать те или иные свои интересы, получать доход и при этом не нести никакой ответственности за свои действия. Вся ответственность лежит на самом обществе. Иными словами, рейдер может подписать такой договор с большинством участников общества и без труда им манипулировать. При этом нужно добавить, что раскрывать положения такого договора перед другими участниками общества не требуется, более того, его положения являются охраняемой законом тайной. На мой взгляд, такой договор можно считать законодательно установленным способом совершения корпоративного захвата. Необходимо законодательно установить, чтобы такой договор мог заключаться только в соответствии с нормами устава. Если основные правила корпоративного управления будут предусмотрены уставом, то это позволит учредителям компании оградить себя от захвата посредством введения в устав норм об ограничении корпоративного договора. Например, нормы о запрете акционерам голосовать на общем собрании определенным образом, если вопросы в повестке дня направлены на отчуждение имущества либо акций. Такой способ регулирования корпоративного договора успешно применяется в Германии [8].

Литература:

1. Дронова М. И., Афоничева А. А., Вершинина В. М., Дикусара В. М., Захаркина В. А., Панферова А. Н., Пржездомский А. С., Фадеева Н. П., Четверикова В. В., Шугаева С. Ю. Памятка гражданину из серии «Библиотечка антикоррупционера» Если вам угрожает рейдерство // 2006. URL: http://www.gov.karelia.ru/Leader/Reform/raider.pdf/ (дата обращения 21.12.2015).
2. О Кодексе корпоративного управления: письмо Банка России от 10.04.2014 № 06–52/2463 // Вестник Банка России. 2014. № 40.
3. Корпоративное право: учебник / Е. Г. Афанасьева, В. Ю. Бакшинскас, Е. П. Губин и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М: КНОРУС, 2015. 1080 с.
4. Оськина И., Лупу А. Нет корпоративному шантажу! // ЭЖ-Юрист. 2011. № 43. С. 1, 8.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. О состоянии законодательства в Российской Федерации. Мониторинг правового обеспечения основных направлений внутренней и внешней политики: доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2009 года. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы»КонсультантПлюс».
7. Федоров А. Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия). Монография. М.: Волтерс Клувер, 2010.
8. Рыбина О. Корпоративный договор // Консультант. 2014. № 13. С. 64–69.
9. Об акционерных обществах: федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.
10. Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.
11. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. От 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.

Особенности формирования национальной платежной системы России

Кабанова Марина, магистрант
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Частное право не сможет эффективно функционировать без соблюдения публичных интересов в частноправовой сфере общественных отношений. Наличие в частноправовой сфере публично-правовых элементов отражает потребности существующих экономических отношений, сочетающих саморегуляцию российского рынка и государственное управление экономическими процессами [1; с. 65]. Это положение еще раз было подтверждено в случае создания национальной платежной системы.

Актуальность создания национальной системы пластиковых карт (НСПК) на государственном уровне возникла вновь, уже в 2014 году, в связи с приостановлением банковских операций по картам некоторых банков платежными системами Visa и MasterCard. В связи с этим, в марте 2014 года по инициативе Центрального Банка РФ были собраны участники рынка электронных платежей и карт, а также представители Министерства финансов РФ, чтобы обсудить будущее и возможные пути развития национальной платежной системы.

По результатам обсуждения были оглашены предварительные варианты дальнейшего хода событий. Так на первом этапе предлагается определить статус оператора НСПК как некоммерческой организации, расходы на создание распределить между Центральным Банком и участниками проекта, функцию расчетного центра Банк России возлагает на себя. Среди действующих платежных систем эмитентами платежных карт выступают — УЭК, Union Card и Золотая корона, но наиболее широкой инфраструктурой обладает платежная система УЭК. Поэтому одно из основных предложений в рамках проведенного обсуждения было задействовать платежное приложение УЭК — ПРО 100. Автор отмечает, что ПРО 100 это совместный проект ОАО «УЭК» и ОАО «Сбербанк России». Далее, чтобы национальная платежная система эффективно развивалась, Центральным Банком РФ предлагается перевести расчеты по заработным платам работников бюджетных учреждений, военнослужащих, госслужащих, государственных корпораций, а также и Банка России на карты НСПК. Таким образом, планируется, что через НСПК ежегодно будут проходить сотни миллиардов рублей.

Принятый нормативный акт направлен на решение проблемы бесперебойного обращения денежных средств на территории РФ, им создается национальная платежная система при участии Банка России, предусматривается создание расчетно-клирингового центра (оператора) НПС в форме ОАО, 100% акций которого принадлежат Центральному банку РФ, с момента госрегистрации оператора, единственным его акционером в течение 2 лет, будет ЦБРФ. Некоторыми экспертами были выдвинуты опасения что: во-первых, вводя собственную систему платежей Россия исключает себя «из цивилизованного мира», и во-вторых данная система не «позволит обслуживать переводы за рубеж». Президент России В. В. Путин справедливо указал критикам на то, что: «В таких странах как Япония и Китай, эти системы работают, работают очень успешно. Они изначально начинались исключительно как национальные, замкнутые на свой рынок, на свою территорию, на свое население, а сейчас приобретают все большую популярность» [2].

Глава Центрального Банка РФ Э. Набиуллина подчеркнула, что, хотя новая система и будет опираться на российские разработки и технологии, «она будет совмещаться с «Visa» и «MasterCard», никто не говорит о том, что они будут каким-то образом запрещены для хождения в России, ни в коем случае. Мы предполагаем, что они останутся, но для внутренних расчетов будем создавать свою платежную систему» [2]. Зампредседателя комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам Н. Журавлев подчеркнул важность создания национальной платежной системы и указал, что ее основной задачей является обеспечение бесперебойного перевода денежных средств, а так же эффективность доступность данного вида услуг. По его мнению: «принятый закон направлен на обеспечение финансового суверенитета России» [3].

В настоящий момент создана национальная платежная система «Мир», первые карты, которой выпущены в декабре 2015 г. На сегодняшний день участниками платежной системы «Мир» являются 140 банков, часть из них приступили к выпуску карт «Мир» и подключению своих устройств (банкоматов и терминалов) к их приему. Оператором платежной системы «Мир» является акционерное общество «Национальная система платежных карт» (НСПК). Задачи НСПК — обеспечение бесперебойности операций по картам международных платежных систем на территории России, построение и развитие российской системы платежных карт.

Внесенные в ФЗ № 112 «О национальной платежной системе» изменения касаются вопросов создания НПС и ужесточают требования к иностранным платежным системам, работающим в России. Оператор Национальной системы платежных карт [далее: НСПК] имеет организационную форму ОАО, акции которого принадлежат в полном объеме Банку России. Долю в уставном капитале компании банк сможет продать только по истечении 2 лет с момента ее регистрации. В соответствии с нормами федерального закона операторы и участники НПС, расчетные центры и операторы услуг платежной инфраструктуры в одностороннем порядке не могут принимать решения о прекращении оказания услуг, которые необходимы для осуществления денежных переводов и работы банковских карт [4].

Новый закон серьезно ужесточает требования к работе тех платежных систем, которые пользуются зарубежными расчетно-клиринговыми центрами. Теперь, по новым правилам, начиная с1 июля 2014 года, они обязаны вносить на специальный счет Банка России каждый квартал обеспечительные взносы, размер которых должен составлять четверти среднедневного оборота.

Еще одним новшеством, стала возложенная на кредитные организации обязанность оповещать клиентов обо всех проведенных по их пластиковым картам операциях. Планируется создание базе НСПК появится центр по борьбе с киберугрозами, в задачи которого будет входить противодействие киберугрозам в сфере финансов, а так же обеспечение безопасности платежей, осуществляемых с использованием пластиковых карт. Все платежные системы, работающие на территории России (включая Visa и MasterCard), были обязаны Правительством РФ перевести свои внутренние расчеты в операционные и клиринговые центры НПС до 31 марта 2015 года, не сделавшие этого организации были вынуждены открыть в Банке России крупный гарантийный депозит. Согласно планам правительства к 2019 году Национальная платежная система выпустит 120 миллионов карт, которые обеспечат всех экономически активных россиян. Карты НСПК будут выдаваться всем россиянам, которые получают по безналичному расчету пенсии, социальные пособия, стипендии и другие бюджетные выплаты. Также банки будут оформлять карты НСПК людям, которым зарплата начисляется из бюджетных и внебюджетных фондов. Всего таких клиентов в российских банках около шестидесяти миллионов человек [5].

Планируется, что карта «Мир» получит максимальное распространение в России, также предусматривается выход карты за рубеж за счет ко-бейджинговых программ с международными платежными системами. Уже выпущены карты «Мир» — Maestro и «Мир» — JCB, подписано соглашение о выпуске ко-бейджинговых карт «Мир» — AmEx. Так, 4 Сентября 2016, в Шанхае было подписано соглашение о сотрудничестве между АО «Национальная система платежных карт» (АО «НСПК»), оператором платежной системы «Мир», и UnionPay International Co. Ltd, в результате этого соглашения был решен вопрос о выпуске российскими банками ко-бейджинговых карт. Генеральный директор АО «НСПК» Владимир Комлев, особо подчеркнул, что: «Партнерство с UnionPay International, одним из мировых лидеров карточного банковского бизнеса, открывает россиянам широкие перспективы использования карт «Мир» за рубежом во всей сети приема UnionPay. Данное сотрудничество позволит обеим платежным системам сформировать собственные компетенции в сфере управления масштабными национальными проектами и существенно расширит держателям карт «Мир» текущие возможности карт «Мир» без географических ограничений. В дальнейшем, мы планируем непрерывно продолжать сотрудничество с UnionPay, расширять масштабы эмиссии, совместно стимулировать развитие бизнеса в сфере безналичных платежей» [6].

Крупнейший российский банк «Сбербанк» завершил работы по интеграции с национальной платежной системой «Мир» и приступил к обслуживанию карт «Мир» в банкоматах и торгово-сервисной сети. «Мы успешно завершили все технические мероприятия по обеспечению возможности приема карт «Мир» в эквайринговой сети Сбербанка, количество pos-терминалов, принимающих карты «Мир» в торгово-сервисных предприятиях, составляет на текущий момент более 80 тыс. и увеличивается с каждым днем» [6]. К массовой выдаче карт «Мир» Сбербанк приступил в октябре 2016 года.

Все приведенное выше, лишний раз подчеркивает необходимость наличия единой национальной российской системы платежных карт, основной направленностью которой должно быть развитие внутреннего потенциала страны и экономики в целом, ликвидация оттока денежных средств за рубеж, на защиту национальных интересов. Для успешной конкуренции с международными платежными системами на равных, необходимо объединение всех российских участников платежного рынка. Объединение участников даст возможность повысить доходность бизнеса платежных карт в России счет роста валового объема комиссионных от роста транзакций, и за счет отказа от их распределения с международными платежными системами.

Таким образом, вновь созданная единая национальная система платежных карт, дает возможность выпуска платежных карт, необходимых российскому рынку и российскому держателю. Теперь правила, процедуры и тарифы межбанковской платежной системы России определяются ее потребностями самостоятельно, без внешнего вмешательства.

В настоящий момент идет процесс развития российской платежной системы. Действия Центрального Банка России как ее основного регулятора должны привести в итоге к созданию конкурентоспособной и эффективной национальной и международной платежной системы. В настоящий момент есть целый ряд факторов, который замедляет ее развитие. Это и несовершенство законодательной базы, так как принятый недавно 161 Федеральный закон требует определенной доработки в терминологии, необходима проработка юридических действий в их связи с технологическим развитием платежных систем. Внесение изменений в законодательство требует как времени так и наличия определенного опыта, для выявления существующих проблем и юридических «пробелов». Частично эта проблема может быть решена путем обращения к международному опыту в этой области.

Литература:

1. Ломаев А. Ю., Финогентова О. Е Проблемы реализации публичного интереса в нормах гражданского права // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2 (16). С. 65—70.
2. Информационное агентство «Итар-тасс». [Электронный ресурс]. Дата обращения 01.10.2016.: http://itar-tass.eom/ekonomika/l 167125.
3. Народный общественно-политический интернет-журнал «PolitRussia». [Электронный ресурс]. Дата обращения 01.10.2016. http://politrassia.
4. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] дата обращения 04.10. 2016. ГАРАНТ.РУ.
5. Обзор банковского сектора Российской Федерации // Центральный банк Российской Федерации, сентябрь 2014 г.
6. Национальная платежная система «Мир» [Электронный ресурс]. Дата обращения 01.10.2016. http://www.nspk.ru/about/press/press_releases/natsionalnaya-sistema-platezhnykh-kart-i-unionpay-international-vypustyat-kobeydzhingovye-debetovye.

Электронный документ как доказательство в гражданском процессе

Киселева Елизавета Владимировна, студент
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

После прихода сети «Интернет» в повседневную жизнь и коммерческую деятельность порядок гражданского оборота претерпел существенные изменения. В сознании как бизнес-сообщества, так и органов правоприменения сложилось понимание того, что договоры, заключенные по средствам всемирной паутины есть нормальная форма ведения коммерческой деятельности [1, с. 1]. Сеть «Интернет» стала рассматриваться как способ получения письменного доказательства в гражданско-правовых спорах.

Совершение сделок в электронной форме имеет ряд преимуществ. Снижаются затраты предпринимателей на реализацию своей деятельности, уменьшаются издержки на переговоры и заключение электронных договоров, сокращается время на их совершение. Ввиду этого применение электронных документов и сообщений все активнее применяется в коммерческом обороте.

В соответствии с частью 1 статьи 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации документы, полученные с помощью электронной связи, относятся к письменным доказательствам [2]. Однако они имеют свою специфику, которая не позволяет их автоматически приравнивать к традиционным письменным доказательствам на бумажном носителе. Существенный недостаток электронного оборота документов в интернете, также как и электронного документа — легкость внесения в него изменений. В связи с этим возникают определенные трудности в проверке его достоверности.

Все документы, полученные посредством электронной связи и представляемые в судопроизводстве, делят на две группы: электронные документы и электронные сообщения [3, с. 4].

Рассмотрим первую группу электронных доказательств. Согласно статье 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронный документ — документированная информация, представленная в электронной форме, т. е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [4].

По общим требованиям, электронный документ должен быть доступен восприятию человека, то есть читаемым, а также обладать обязательным реквизитом — электронной подписью, являющаяся аналогом собственноручной подписи. Согласно федеральному закону от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» электронная подпись — информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию. Она служит для защиты электронного документа от подделки, позволяет идентифицировать владельца, а также установить отсутствие искажения содержащейся в нем информации [5].

Кроме того, данный закон уравнял правовой режим электронных документов и форм их употребления и оборота с режимом употребления традиционных документов на бумажном носителе во всех сферах коммерческой деятельности.

Говоря о второй группе электронных доказательств, стоит отметить, что в практике в целях экономии времени и финансовых средств широко распространена электронная

переписка между контрагентами по различным вопросам: согласованию условий будущих взаимоотношений, при пересылке различных документов и т. д. Формально отличается она от электронного документа тем, что не содержит электронную подпись. В договоре стороны могут предусмотреть, что все приложения, протоколы согласования цен и иные документы будут являться неотъемлемой частью такого договора и иметь юридическую силу.

Чаще всего переписка ведется посредством электронной почты. Однако она не принимается в качестве доказательства по делу в случае, если не была предусмотрена договором, в договоре нет указания на электронные адреса сторон, а другая сторона оспаривает существование такой переписки [6, с. 47].

Эти две группы доказательств формируют свою практику их представления в суде, их дальнейшей оценки юридической силы сторонами и судом.

Форма фиксации электронного доказательства имеет свои особенности. Ввиду отсутствия возможности его обозрения без специальной техники, стороны, как правило представляют такое доказательство суду в распечатанном виде на бумажном носителе. Но как проверить достоверность таких копий? Судебная практика переполнена спорами, где одна из сторон заявляет о недостоверности предоставляемого оппонентом электронного доказательства.

Существуют следующие способы оформления электронных доказательств для придания им свойства допустимости: экспертиза, осмотр нотариусом.

Порой для разрешения конкретного юридического спора может потребоваться проведение экспертизы. В сфере электронного оборота помощь компетентного лица в области цифровых технологий может понадобиться при исследовании протоколов связи или иных результатов передачи данных по электронным каналам связи в рамках дел, где необходимо подтвердить факт направления одной стороне в адрес другой информации или документов в электронном виде; при проведении сравнительного анализа программного обеспечения на предмет соответствия его спецификации заказчика; при проверке подлинности электронной цифровой подписи и иных случаях [7, с. 24].

Для производства экспертизы привлекаются государственные или негосударственные экспертные организации или лица, обладающие соответствующими специальными знаниями. Заключение эксперта используется судом при разрешении спора для подтверждения тех или иных обстоятельств дела. Ее проведение возможно в любой стадии процесса до вынесения судом решения.

Рассматривая второй способ оформления электронных доказательств, стоит отметить, что обеспечение доказательств в Интернете в течение последнего времени становится все более востребованным нотариальным действием. По этому вопросу к нотариусу обращаются и граждане, и юридические лица. Наиболее часто нотариальные протоколы осмотра интернет-сайтов фигурируют в качестве доказательства при рассмотрении споров о защите авторских прав, прав на товарные знаки, прав на доменные имена, прав акционеров, защите чести, достоинства и деловой репутации, признании права собственности, в связи с неисполнением обязательств по договорам, нарушением коммерческой тайны и т. д.

Целью обеспечения доказательств является исключение возможности их утраты, уничтожения, непредставления, без чего нельзя будет установить истину и правильно разрешить дело. Задача данного нотариального действия состоит в том, чтобы оперативно и квалифицированно оказать помощь физическим и юридическим лицам в фиксировании доказательств, из которых суд и административные органы смогли бы сделать выводы о правах и обязанностях лиц, участвующих в деле [8, с. 15].

Удаление информации, являющейся предметом спора, с интернет-ресурса нарушителю уже не поможет, так как обеспечение доказательств нотариусом уже произведено, а, значит, эти доказательства будут иметь юридическую силу и могут стать основой для привлечения виновного к гражданско-правовой, административной и даже уголовной ответственности.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и часть 2 статьи 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате не допускают возможности обеспечения нотариусом доказательств по делам, находящимся в производстве суда. Однако в силу части 1 статьи 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате до возбуждения гражданского дела в суде нотариусом могут быть обеспечены необходимые для дела доказательства, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным [9].

Данная процедура происходит следующим образом: лицо, заинтересованное в заверении существующей информации, составляет на имя нотариуса запрос, в котором просит удостоверить факт нахождения такой информации по определенному адресу в сети «Интернет». При этом в запросе указываются: цель обеспечения доказательств, адрес Интернет-страницы, реквизиты документа. Нотариус находит Интернет-страницу по указанному адресу, распечатывает ее, убеждается в наличии материала с указанными реквизитами. На распечатке в автоматическом режиме отражаются дата печати и адрес файла, в той форме, в какой Интернет-страница предстает перед посетителем сайта.

Протокол осмотра интернет-ресурса подписывается, участвующими в осмотре лицами, нотариусом и скрепляется печатью нотариуса. Оформленный, таким образом, протокол, является процессуальным документом, подтверждающим обстоятельства в обоснование требований заявителя Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» подтвердил действенность нотариальной процедуры обеспечения доказательств, а судебная практика доказала эффективность данного ин-

ститута защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц [10].

Таким образом, в связи с развитием информационных технологий электронные доказательства используются все чаще. Закон уравнял правовой режим электронных документов и форм их употребления и оборота с режимом употребления традиционных документов на бумажном носителе.

Сформировались следующие требования к принятию электронных документов в качестве письменных доказательств: доступность восприятию человека; надежность способа, с помощью которого подготавливалось, хранилось или передавалось электронное сообщение; надежность способа, при помощи которого идентифицировался его составитель; правильность способа фиксации информации [11, с. 43].

Экспертиза и осмотр нотариусом позволяют выполнить данные требования и признаются в гражданском процессе надлежащими способами оформления электронных доказательств.

Литература:

1. Попов В. А. Особенности исследования электронных документов и их применению в качестве доказательств в гражданском и арбитражном процессе// Армия и общество. 2013. № 5 (37). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-issledovaniya-elektronnyh-dokumentov-i-ih-primeneniyu-v-kachestve-dokazatelstv-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsesse (дата обращения 28.09.2016).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
3. Жижина М. В. Документы, полученные посредством электронной связи: практика использования в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Юрист. 2013. № 16.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
5. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об электронной подписи» [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
6. Жижина М. В. Электронная переписка между контрагентами. Как придать ей доказательную силу // Арбитражная практика.2012. № 12. С. 46—51.
7. Кириллов Д. С. Цифровые доказательства: как превратить файлы и электронную почту в весомый аргумент// Арбитражная практика.2012. № 5. С. 22—29.
8. Орлов В. Б. Обеспечение доказательств в сети Интернет эффективный механизм защиты нарушенных прав в гражданском процессе// Мониторинг правоприменения. 2014. № 2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-dokazatelstv-v-seti-internet-effektivnyy-mehanizm-zaschity-narushennyh-prav-v-grazhdanskom-protsesse (дата обращения: 28.09.2016).
9. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462—1) (ред. от 03.07.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс»;
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс»;
11. Нахова Е. А. Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-elektronnyh-dokazatelstv-v-tsivilisticheskom-protsesse (дата обращения: 28.09.2016).

Защита гражданских прав в контексте отношений муниципальной собственности

Коваль Мария, магистрант
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Муниципальная собственность является одной из составляющих экономической основы местного самоуправления. Вопросы формирования, эффективного управления и распоряжения муниципальной собственностью, защиты прав субъектов отношений муниципальной собственности имеют свою специфику и являются актуальными в нынешних экономических условиях.

Сущность гражданских прав и способы их защиты закреплены нормами гражданского законодательства. Основополагающим документом является Гражданский Ко-

декс Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) [2]. Субъектами гражданских правоотношений выступают не только физические лица, но и юридические лица, и публично-правовые образования, такие как органы государственной и муниципальной власти, а также общественные объединения. Гражданским Кодексом закреплено, что «граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права» (ст. 9, п. 1), при этом злоупотребление правом не допускается (ст. 10, п. 1). Злоупотребление правом подразумевает, прежде всего, нарушение права другого субъекта гражданских правоотношений, и именно поэтому законодательно закрепляются основные способы защиты гражданских прав. Нарушение гражданских прав рассматривается в большинстве случаев как посягательство на субъективное гражданское право управомоченного лица либо противодействие управомоченному лицу в осуществлении принадлежащих ему прав. Нарушение прав может осуществляться как путем совершения действия (т. е. активная форма: например, незаконное владение чужой вещью, нарушение договорных обязательств и т. д.), так и посредством бездействия (т. е. пассивная форма: в частности, нарушение договорных обязательств в большинстве случаев состоит в неисполнении принятой обязанности) [5, с. 76].

Финогентова О. Е. отмечает, что публично-правовые ограничения прав участников частноправовой сферы общественных отношений в виде запрета совершать действия, ущемляющие права и законные интересы других лиц, государства и общества, могут устанавливаться как в одном с ограничиваемыми частными правами нормативном акте, так и в специальном. Например, в гл. 2 ГК РФ, посвященной возникновению гражданских прав и обязанностей, осуществлению и защите гражданских прав, последовательно закрепляются частноправовые (управомочивающие) нормы, устанавливающие свободу осуществления гражданских прав, и публично-правовые нормы-запреты, ограничивающие их осуществление (ст. ст. 9, 10) [6, с. 67].

Гражданским кодексом РФ возведена в ранг основных принципов, на которых основывается гражданское законодательство, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав и их судебной защиты. Действующее законодательство предоставляет российским гражданам широкие права в сфере имущественных и личных неимущественных отношений и для обеспечения их защиты от нарушений со стороны других лиц.

Перечень универсальных способов защиты гражданских прав дается в ст. 12 ГК РФ. Под способами защиты прав следует понимать меры, прямо предусмотренные законом в целях пресечения оспаривания либо нарушения субъективных гражданских прав и (или) устранения последствий такого нарушения [5, с. 92].

Согласно ст. 12 ГК РФ защита гражданских прав осуществляется путем:

— признания права;
— восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
— признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки;
— признания недействительным решения собрания;
— признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления;
— самозащиты права;
— присуждения к исполнению обязанности в натуре;
— возмещения убытков;
— взыскания неустойки;
— компенсации морального вреда;
— прекращения или изменения правоотношения;
— неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону;
— иными способами, предусмотренными законом.

Таким образом, можно выделить две группы способов защиты гражданских прав — юрисдикционную и неюрисдикционную. Юрисдикционная форма подразумевает, прежде всего, судебную защиту прав, которые Верховным Судом Российской Федерации (далее по тексту — ВС РФ) определяются как субъективные гражданские права конкретного лица (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности») [4].

Перейдем к контексту защиты гражданских прав в отношении муниципальной собственности. Первоначально необходимо определить, какие именно гражданские права имеют субъекты данных отношений, какова особенность отношений муниципальной собственности, и какие проблемы могут возникать в ходе их реализации.

Основной целью деятельности органов местного самоуправления является непосредственное обеспечение жизнедеятельности населения муниципального образования (т. е. решение вопросов местного значения). В распоряжение муниципальных образований передаются финансовые и материальные ресурсы, за счет которых местные органы власти организуют на территории муниципальных образований предоставление населению коммунальных, социальных, образовательных, медицинских и иных услуг [7, с. 3]. Эти ресурсы являются муниципальной собственностью. По определению А. Н. Суетова она включает в себя «широкую сеть объектов как хозяйственного, так и социально-бытового назначения, локализованную в рамках муниципального образования и являющуюся основой территориальной воспроизводственной системы» [10, с. 3].

Муниципальная собственность является по своему характеру публичной. Несмотря на то, что статья 8 Конституции РФ закрепляет равенство всех форм собственности [1], отношения публичной (государственной и муници-

пальной) собственности имеют свою специфику, обусловленную, прежде всего, субъектами такой собственности и ее назначением. Таким образом, важно определиться с составом объектов муниципальной собственности, а также сторонами отношений в сфере муниципальной собственности, то есть субъектами.

А. Б. Ярощук и В. В. Каштанов выделяют три группы отношений муниципальной собственности: имущественные, земельные и финансово-бюджетные отношения [12, с. 100]. Важнейший критерий включения активов (имущества) в муниципальную собственность — это отнесение их к системе местного хозяйства. Выход за его рамки при определении объектов муниципальной формы собственности является неэффективным мероприятием с экономической точки зрения.

Объекты муниципальной формы собственности можно классифицировать по назначению на объекты универсальные и специальные. Большой удельный вес в структуре муниципальной собственности занимают основные фонды непроизводственного назначения, к которым можно отнести: жилой фонд, нежилой фонд (здания административного назначения, образовательные учреждения, учреждения охраны здоровья, учреждения культуры); объекты инженерной инфраструктуры, которые относятся к элементам жилищно-коммунального хозяйства (теплосети, водопроводные и канализационные коммуникации, электроснабжение, газоснабжение, объекты внешнего благоустройства, санитарного контроля; транспортные системы (сеть дорог на территории, подконтрольной местным органом, земельные участки, земельные участки в черте города — скверы, парки, сады).

Субъектами отношений муниципальной собственности являются орган муниципальной власти, с одной стороны, и муниципальное сообщество, с другой. Если с первой стороной исследуемых отношений все достаточно ясно, то в отношении муниципального сообщества могут возникнуть правовые споры. ГК РФ определяет в ст. 215 «Право муниципальной собственности» в п. 2 положение, согласно которому права собственника от имени муниципального образования осуществляют как органы местного самоуправления, так и лица, указанные в ст. 125 ГК РФ, то есть государственные органы, юридические лица и граждане (п. 4 ст. 125 ГК РФ).

Таким образом, муниципальное имущество может быть использовано для выполнения муниципальных функций как органом муниципальной власти, так и другими лицами — участниками гражданских правоотношений. При этом существует несколько форм взаимодействия муниципальной власти и муниципального сообщества:

— полная передача муниципального имущества во владение другим лицам (приватизация);
— предоставление услуг на основе заключенного контракта органа местного самоуправления с частной организацией (муниципально-частное партнерство) [8, с. 58].

И в том, и другом случае могут возникнуть ситуации, когда права одной из сторон нарушаются. Разрешение спора между двумя сторонами отношений муниципальной собственности может быть выполнено исключительно юрисдикционным путем, то есть путем обращения в суд. Споры между органами муниципальной власти и юридическими лицами рассматриваются Арбитражным Судом.

Изучение судебной практики Арбитражного Суда Калининградской области свидетельствует о том, что наиболее часто рассматриваются споры, связанные с арендой муниципального имущества [9]. Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что споры, возникающие в связи с арендой муниципального имущества весьма разнообразны: споры, связанные с заключением, изменением и расторжением договоров аренды муниципального имущества; споры, связанные со взысканием арендной платы (в том числе изменение размера арендной платы, применение методики расчета арендной платы, применение нового показателя кадастровой стоимости земельного участка), договорной неустойки; споры, связанные с преимущественным правом выкупа арендуемого муниципального имущества и другие.

Правовой базой для разрешения споров данной категории являются нормы Гражданского кодекса РФ, Земельного кодекса РФ, Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Федерального закона от 21.07.1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», Федерального закона от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», Федерального закона от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», Постановления Правительства Российской Федерации от 16.07.2009 г. № 582 «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации», других нормативно-правовых актов, регулирующих арендные отношения.

Также при вынесении решения Арбитражный Суд может опираться на рекомендации и разъяснения по указанным вопросам, содержащимся в Постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в Определениях Верховного Суда Российской Федерации, а также на нормативные акты соответствующих органов местного самоуправления, действующие в спорный период.

Основными противоречиями, возникающими в сфере формирования и управления муниципальной собственностью, являются на сегодняшний день:

— недостаточное правовое урегулирование отношений собственности;
— неэффективное управление муниципальным имуществом;
— проблемы разграничения предметов ведения и полномочий между муниципальными образованиями

и другими субъектами отношений муниципальной собственности [7, с. 13];

— противоречие между непосредственным и опосредованным присвоением экономических благ населением муниципального образования;

— между формальным равенством местного населения по отношению к средствам производства и фактическим неравенством в распределении и потреблении экономических благ [12, с. 102].

Разрешение указанных выше противоречий позволит урегулировать отношения муниципальной собственности и снизить количество спорных ситуаций между субъектами правоотношений в сфере управления муниципальным имуществом.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. № 31. 2014. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1—5 // под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с.
6. Финогентова О. Е, Ломаев А. Ю. Проблемы реализации публичного интереса в нормах гражданского права // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2 (16). С. 65—70.
7. Олиференко Н. П. Полномочия органов местного самоуправления в сфере имущественных отношений: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Олиференко Наталия Петровна. М., 2009. 23 с.
8. Печенкина В. В., Лялина Е. Е. Управление объектами муниципальной собственности на основе отношений муниципально-частного партнерства // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 1. С. 57—66.
9. Проблемы (аспекты) рассмотрения дел по спорам, связанным с арендой муниципального имущества [Электронный ресурс] // Официальный сайт Арбитражного Суда Калининградской области. Режим доступа: http://kaliningrad.arbitr.ru/welcome/show/633200041/366.
10. Суетов А. Н. Развитие отношений муниципальной собственности в России: Дис... канд. экон. наук: 08.00.01. Саратов, 2000. 135 с.
11. Сулейманова С. А. Правоспособность граждан (физических лиц) по российскому гражданскому праву: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2002. 31 с.
12. Ярощук А. Б., Каштанов В. В. Особенности развития предпринимательской деятельности в муниципальном образовании в современных условиях // Вестник Университета Российской академии образования. 2012. № 3 (61). С. 99—106.

Проблемы заключения инвестиционного договора муниципальным автономным учреждением

Мустафаева Сабина Элмановна, студент
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Одним из важнейших направлений политики нашего государства является улучшение инвестиционного климата, увеличение объема инвестиций не менее, чем до 27 %к 2018 г. [5].

Для того, чтобы привлекать инвестиции, необходимо обеспечить гарантии и защиту прав инвесторов, а также надлежащее правовое регулирование в порядке заключения инвестиционных договоров и выявление пробелов в самом инвестиционном законодательстве.

Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [3] определяет правовые и экономические основы инвестиционной деятельности, устанавливает гарантии равной защиты прав,

интересов и имущества субъектов инвестиционной деятельности независимо от форм собственности. Согласно № 39-ФЗ инвестиционной деятельностью является вложение инвестиций, и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта. Объектом капитальных вложений может выступать имущество, находящееся в муниципальной собственности. Глава 20 указанного закона предусматривает, что органы местного самоуправления самостоятельны в регулировании инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений.

Автономным учреждением признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти, полномочий органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, средств массовой информации, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах в случаях, установленных федеральными законами [4]. Наряду с бюджетными и казенными учреждениями, автономные учреждения имеют наиболее привлекательный правовой статус. Они наделены правосубъектностью юридического лица в гражданском праве, а также сохраняют для себя гарантии бюджетного финансирования.

Доходы автономного учреждения, в отличие от казенного, поступают в его самостоятельное распоряжение и используются им для достижения целей, ради которых оно создано, если иное не предусмотрено законом. Причем собственник имущества автономного учреждения не имеет права на получение доходов от осуществления автономным учреждением деятельности и использования закрепленного за автономным учреждением имущества (п. п. 8, 9 ст. 2 Закона № 174-ФЗ), что также определяет его особый правовой режим [1].

При проведенной реформе правового статуса государственных и муниципальных учреждений, форма автономных учреждений задумывалась как тип учреждений, обладающий достаточной степенью самостоятельности и возможности для увеличения дохода от разрешенной экономической деятельности. Однако, как правило, данные возможности связаны с необходимостью предварительного вложения в материальную базу самого учреждения. Следует отметить, что автономные учреждения обладают достаточной свободой в привлечении бюджетных и иных средств за счет деятельности, не выходящей за рамки специальной правоспособности, а также в распоряжении указанными средствами.

Так, например, для привлечения туристов, в рамках подготовки городских объектов Калининграда к предстоящему Чемпионата мира по футболу в 2018 году, увеличения посещаемости зоопарка в течение всего года, увеличения времени пребывания родителей с детьми, организованных детских групп, а также школьников и подростков, необходима реконструкция объекта муниципального нежилого фонда в муниципальном автономном учреждении г. Калининграда «Зоопарк» — нежилое здание стационарного кафе, общей площадью 52,3 кв. м. В настоящее время данное здание свободно от прав третьих лиц и не используется учреждением в соответствии с целями уставной деятельности. В здании есть холодное водоснабжение, канализация, электроэнергия, но оно не отапливается, что не дает возможности работать кафе в холодное время года, а учитывая климатические условия Калининградской области, постоянно работающее теплое кафе необходимо на территории зоопарка. Руководством учреждения достигнута договоренность с частным инвестором. Увеличится площадь кафе, появится современная интерактивная площадка для осмотра животных. Но, несмотря на то, что основная роль в привлечении инвестора связана с руководителем автономного учреждения, решение о заключении инвестиционного соглашения он не принимает. В этой связи справедливо было отмечено профессором О. А. Серовой, что «при сравнительном анализе норм, регламентирующих совершение сделок бюджетными и автономными учреждениями, также обозначалась проблема выбора органа, согласие которого необходимо для одобрения сделки. Был сделан вывод, что это зависит от закрепления в учредительных документах (уставе) бюджетного или автономного учреждения того или иного органа государственной власти или местного самоуправления в качестве лица, осуществляющего полномочия учредителя. Если в уставе указаны два органа — отраслевой и по управлению имуществом, то для придания сделке легитимности следует получить согласие на ее совершение от обоих органов» [2]. В нашем случае, для заключения инвестиционного соглашения — требуется согласие учредителя в лице Комитета по социальной политике и собственника имущества, то есть Комитета муниципального имущества и земельных ресурсов Администрации городского округа «Город Калининград».

Существует решение от 15 июня 2011 г. № 224 Окружного Совета депутатов [8], где был утвержден порядок заключения инвестиционных договоров в отношении объектов недвижимого имущества, находящихся в муниципальной собственности городского округа «Город Калининград». В приложении № 2 к Постановлению администрации городского округа «Город Калининград» от 19 декабря 2011 г. № 2253 «Об утверждении порядков взаимодействия структурных подразделений администрации и инвесторов при заключении, изменении, расторжении и реализации инвестиционных договоров» [9] есть типовая форма инвестиционного договора, согласно которой заказчиком может выступать только Администрация городского округа «Город Калининград».

Таким образом, можно сделать вывод, что никакими нормативными правовыми актами не урегулирован порядок заключения инвестиционных договоров по поводу муниципального недвижимого имущества, где заказчиком будет

выступать муниципальное учреждение. Соответственно, возникают вопросы, кто будет инициировать сам процесс заключения инвестиционного соглашения, кто будет выступать заказчиком.

Действующими правовыми актами автономные учреждения не наделены статусом самостоятельных субъектов инвестиционной деятельности. Они не имеют договорной самостоятельности в отношении муниципального недвижимого имущества. Несмотря на планируемое в ходе реформы предоставление им самостоятельности, фактической коммерциализации, возможности выступать на конкурентных началах с коммерческими организациями и НКО, собственниками своего имущества, по факту автономные учреждения стали заложниками права оперативного управления. Также следует отметить заинтересованность получения прибыли автономными учреждениями в целях расчетов с кредиторами, так как государство как собственник имущества автономного учреждения не несет субсидиарной ответственности по обязательствам учреждения: автономное учреждение отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением недвижимого и особо ценного движимого имущества [1].

Существует и проблема отсутствия четкого нормативного регулирования порядка участия автономных учреждений в инвестиционных процесса. Согласно Порядку заключения инвестиционных договоров в отношении объектов, находящихся в муниципальной собственности городского округа «Город Калининград» [10] предусмотрено заключение инвестиционных договоров по результатам проведения торгов, но самого порядка проведения торгов на право заключения инвестиционных договоров в отношении муниципального имущества нет. Существует только Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 6.03.2008 г. № 62 «Об утверждении порядка организации и проведения аукционов на право заключения инвестиционных договоров в отношении находящихся в федеральной собственности объектов недвижимого имущества» [6], который нельзя использовать по аналогии для регулирования описываемой ситуации.

Считаем, что необходимо руководствоваться Приказом ФАС России от 10.02.2010 № 67 (ред. от 24.12.2013) «О порядке проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества, и перечне видов имущества, в отношении которого заключение указанных договоров может осуществляться путем проведения торгов в форме конкурса» [7]. В соответствии с п.4 данных Правил организатором торгов является уполномоченный обладатель права хозяйственного ведения или оперативного управления или иное лицо, обладающее правами владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества.

Таким образом, для решения вышеизложенной проблемы необходимо:

— утвердить порядок проведения торгов на право заключения инвестиционного договора в отношении муниципального недвижимого имущества;

— предусмотреть возможность заключения инвестиционного договора, где заказчиком будет выступать само муниципальное автономное учреждение.

Литература:

1. Полотовская Е. Автономное учреждение = коммерческая организация? // ЭЖ-Юрист. 2011. № 47. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
2. Серова О. А. Согласие на совершение сделки как форма контроля публично-правовых образований за созданными юридическими лицами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 1. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
3. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
4. Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «Об автономных учреждениях» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт].Режим доступа: http://www.consultant.ru
5. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
6. Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 6.03.2008 г. № 62 «Об утверждении порядка организации и проведения аукционов на право заключения инвестиционных договоров в отношении находящихся в федеральной собственности объектов недвижимого имущества» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
7. Приказом ФАС России от 10.02.2010 № 67 (ред. от 24.12.2013) «О порядке проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества, и перечне видов имущества, в отношении которого заключение указанных

договоров может осуществляться путем проведения торгов в форме конкурса» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
8. Решение от 15 июня 2011 г. № 224 Окружного Совета депутатов [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
9. Приложение № 2 к Постановлению администрации городского округа «Город Калининград» от 19 декабря 2011 г. № 2253 «Об утверждении порядков взаимодействия структурных подразделений администрации и инвесторов при заключении, изменении, расторжении и реализации инвестиционных договоров» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru
10. Порядок заключения инвестиционных договоров в отношении объектов, находящихся в муниципальной собственности городского округа «Город Калининград» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru

Попечительский совет как орган управления образовательной организации на примере Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта

Осканова Мария Ованезовна, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Основное назначение любой образовательной организации — осуществление образовательной деятельности путем реализации образовательного процесса по одной или нескольким образовательным программам.

Образовательный процесс не ограничивается процессом передачи знаний от преподавателей студентам. Оказание образовательных услуг затрагивает множество иных аспектов, поэтому крайне важно обеспечить открытость и прозрачность деятельности образовательной организации. С этой целью актами некоторых образовательных организаций предусмотрено наличие особых органов управления, предполагающих общественный контроль со стороны независимых, не подчиненных организации лиц.

Управление федеральным университетом как государственным автономным учреждением осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, нормативными актами учредителя, Министерства образования и науки Российской Федерации и Уставом БФУ имени И. Канта. В частности, образовательной организации необходимо руководствоваться Федеральным законом (далее — ФЗ) от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании), ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.10.2016 г.) «О некоммерческих организациях», а также ФЗ от 03.11.2006 № 174-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «Об автономных учреждениях», если она относится к категории автономных.

Согласно статье 26 Закона об образовании, в управлении образовательной организацией сочетаются принципы единоначалия и коллегиальности [1]. В связи с этим в систему органов управления образовательной организации входят единоличный исполнительный орган и коллегиальные органы.

Представителем образовательной организации является ее руководитель. Он осуществляет текущее руководство и координацию между структурными подразделениями. В такой ситуации обоснована необходимость обезопасить образовательную организацию и лиц, вступающих с ней в правоотношения, от возможного злоупотребления руководителем своими полномочиями. С этой целью, наряду с единоличным исполнительным, образуются коллегиальные органы управления.

Организационная структура БФУ имени И. Канта определена в Уставе. В университете функционирует несколько коллегиальных органов управления, в том числе Конференция работников и обучающихся и Ученый совет, вовлеченные в управление деятельностью университета.

Вместе с тем в университете создаются органы, чьи функции не связаны с общим руководством и куда привлекаются лица, не являющиеся сотрудниками университета.

Одним из таких органов в БФУ имени И. Канта является наблюдательный совет. Его компетенция регламентирована в Уставе БФУ имени И. Канта в соответствии с ФЗ «Об автономных учреждениях». Она включает рассмотрение предложений о внесении изменений и дополнений в устав, важных имущественных вопросов, в том числе обсуждение проекта плана финансово-хозяйственной деятельности, принятие решения о возможности совершения крупных сделок и пр. Решения наблюдательного совета могут носить обязательный или рекомендательный характер [2].

Наличие наблюдательного совета в автономной организации является обязательным [3], тогда как попечительский совет создается в добровольном порядке.

Попечительский совет как орган управления предусмотрен и в других типах некоммерческих организаций.

По Гражданскому кодексу, попечительский совет обязателен в фонде, и его назначение — осуществление общего надзора за деятельностью фонда, выработка предложений по повышению эффективности его функционирования, контроль за поступающим в фонд капиталом [4].

В БФУ имени И. Канта попечительский совет пока не сформирован, хотя в Уставе университета он предусмотрен. Однако нормы Устава трудно реализуемы на практике из-за обширного круга сфер деятельности попечительского совета и недостаточной проработанности назначения данного органа.

Среди организаций высшего образования не выработалось единой практики по вопросам создания и функционирования попечительского совета. Для выявления более четкой картины относительно ведущих университетов страны нами предложена таблица 1, в которой собраны сведения с официальных сайтов федеральных университетов о наличии в них данных органов, и их назначении.

Таблица 1. **Наблюдательный и попечительский советы в федеральных университетах России**

Название федерального университета	Наблюдательный совет и его основное назначение	Попечительский совет и его основное назначение
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта	Функционирует Является коллегиальным органом управления университета, включает государственных и общественных деятелей, содействует развитию университета, обсуждает план финансово-хозяйственной деятельности	Не функционирует, упоминается в Уставе университета как орган общественного управления
Дальневосточный федеральный университет	Функционирует Является коллегиальным органом управления университета, включает государственных и общественных деятелей, содействует развитию университета	Функционирует в рамках Фонда целевого капитала университета, аккумулирует средства, направленные на развитие университета
Казанский (Приволжский) федеральный университет	Функционирует Коллегиальный орган управления университета, содействует развитию университета, включает государственных и общественных деятелей, а также представителей профсоюзов и организаций развития физкультуры и спорта	Функционирует Коллегиальный орган управления университета, включает государственных и общественных деятелей, в том числе представителей иностранных университетов, содействует развитию университета Число членов значительно превышает число членов наблюдательного совета
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского	Функционирует Является коллегиальным органом управления университета, включает государственных и общественных деятелей, содействует развитию университета	Не функционирует, упоминается в структуре органов управления
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова	Функционирует Постоянно действующий орган самоуправления, созданный в целях содействия развития университета, анализа эффективности его деятельности, обеспечения сотрудничества с организациями.	Функционирует Постоянно действующий совещательный орган. Создан с целью обеспечения стратегического развития университета и оказания помощи в создании фонда развития университета. В состав входят руководители корпораций, финансовых компаний, федеральных и региональных органов власти, ученые РАН.
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова	Функционирует Является органом управления университета, занимается вопросами развития университета	Функционирует в рамках Фонда целевого капитала университета, осуществляет общественное управление за деятельностью фонда

Название федерального университета	Наблюдательный совет и его основное назначение	Попечительский совет и его основное назначение
Северо-Кавказский федеральный университет	Функционирует Осуществляет общественно-государственное управление. Создан для содействия развитию университета, обеспечения общественного контроля, повышения инвестиционной привлекательности университета и диверсификации источников финансирования	Функционирует Постоянно действующий коллегиальный орган управления, созданный в целях содействия решению текущих и перспективных задач развития университета, выработки единой политики по подготовке кадров, формированию культурных, исторических и общенациональных ценностей
Сибирский федеральный университет	Функционирует Рассматривает предложения о внесении изменений в устав, о реорганизации, создании филиалов и представительств, дает рекомендации по планированию, а также оценивает эффективность финансово-хозяйственной деятельности	Функционирует Постоянно действующий совещательный орган, определяющий стратегию развития университета
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина	Функционирует Создан с целью согласования основных вопросов развития и жизнедеятельности университета	Функционирует Призван обеспечить взаимодействие образовательных структур с современным бизнес-сообществом России
Южный федеральный университет	Функционирует Орган общественно-государственного управления, призван обеспечить создание условий для реализации стратегических планов развития университета	Функционирует Является одним из органов самоуправления, его цель — содействовать формированию стратегии и программ развития университета как образовательного, научного и культурного центра международного уровня, а также продвигать законодательные инициативы, направленные на совершенствование законодательной базы в сфере высшего образования

Как можно заметить, обязательное наличие наблюдательного совета никак не препятствует большинству федеральных университетов в создании попечительского совета. При этом подходы к определению назначения данного органа таковы:

1) Попечительский совет как независимый орган общественного управления, занимающийся обсуждением вопросов развития университета и выработкой соответствующих рекомендаций;

2) Попечительский совет как постоянно действующий орган управления, созданный для надзора за деятельностью университета, содействия в решении текущих и перспективных задач развития, выработки единой политики университета в целях повышения его конкурентоспособности.

В рамках проекта 5—100 БФУ имени И. Канта предложено создать попечительский совет, главные функции которого заключались бы в аудите и согласовании инвестиционной политики [5]. При этом не совсем ясен статус этого органа, а также принципиальное различие его функций от функций наблюдательного совета. В таком свете создание попечительского совета выглядит не вполне обоснованным.

Для успешного внедрения попечительского совета в структуру БФУ имени И. Канта оптимальным было бы начать с определения статуса попечительского совета. Деятельность попечительского совета как органа управления может быть регламентирована специальным локальным актом — Положением о попечительском совете БФУ имени И. Канта, который исходил бы из законодательства и Устава. Положение может предусматривать следующие нормы:

1. Попечительский совет БФУ имени И. Канта — постоянно действующий совещательный орган БФУ имени И. Канта.

2. Целью деятельности попечительского совета является содействие университету в формировании стратегии и программы его развития.

3. Попечительский совет осуществляет следующие виды деятельности:

а) обсуждение стратегических вопросов развития университета;
б) обсуждение экономических перспектив университета;
в) обсуждение аудита и инвестиционной деятельности университета;
г) обсуждение предложений о привлечении частных инвестиций;
д) оценка текущего вектора развития университета и выработка предложений по усилению роли университета на российском и международном уровне.

4. Попечительский совет наряду с наблюдательным советом участвует в обсуждении проекта плана финансово-хозяйственной деятельности университета, выносит свою оценку проекту плана и направляет предложения об его усовершенствовании другим органам университета.

5. Членами попечительского совета являются представители негосударственных организаций, осуществляющих инвестиции в развитие университета, представители общественных организаций, сотрудничающих с университетом, специалисты в области экономики и права. Также в попечительский совет входит один представитель государственной власти, выступающий в интересах собственника университета. Путем голосования попечительским советом также могут быть избраны председатель и секретарь попечительского совета.

6. Число членов попечительского совета не может составлять менее 8 и более 12 членов, не включая государственного представителя, секретаря и председателя.

7. Вопросы организации заседаний попечительского совета решаются ректором университета либо назначенными им сотрудниками с возможным содействием секретаря или председателя попечительского совета.

Таким образом, в деятельность попечительского совета должны быть вовлечены общественные представители и предприниматели, а сама деятельность ориентирована на увеличение объема частных инвестиций. Для улучшения взаимодействия попечительского совета с другими органами университета предлагается проведение совместных заседаний с наблюдательным советом или направление ему предложений.

Что касается количественного состава совета, мировая практика свидетельствует, что он оптимален при наличии 13—15 членов, которые должны отличаться широтой взглядов, независимостью, способностью четко выражать свои мысли, иметь высшее образование и опыт работы, помогающий разрешению проблем и расширяющий возможности университета [6].

Практика зарубежных стран и российских университетов довольно неоднородна, например, в университетах США круг полномочий попечительского совета более широк, чем в России [6]. Поэтому БФУ имени И. Канта необходимо разработать индивидуальное соотношение органов управления, чтобы компетенция различных органов не дублировалась. С этой целью выше был предложен возможный вариант формирования и функционирования попечительского совета БФУ имени И. Канта.

Исходя из вышесказанного, создание попечительского совета в БФУ имени И. Канта представляется обоснованным только в том случае, если университетом будет обеспечено реальное взаимодействие данного органа с другими органами университета. При этом, только заинтересованность самих членов попечительского совета в развитии университета, целесообразном применении инвестиций, а также возможность влияния на совершенствование работы университета могли бы способствовать эффективному выполнению университетом цели своей деятельности — осуществления образовательной и научной деятельности на высоком уровне.

Литература:

1. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 (ред. от 03.07.2016) № 273-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Устав Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»: утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 29.10.2015 г. № 1527 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL (свободный): https://www.kantiana.ru/about/docs/ustav_bfu1.pdf
3. Об автономных учреждениях: федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ (ред. от 23.05.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Стратегия БФУ им. И. Канта в проекте «5—100» © 2016 Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта [Электронный ресурс]. Режим доступа URL (свободный): https://www.kantiana.ru/5—100/strategy/
6. Иванов А. Г., Авджян Г. Д., Нистоцкая М. С. Мировой опыт функционирования наблюдательных и попечительских советов университетов © 2016 Экономика. Социология. Менеджмент [Электронный ресурс]. Режим доступа URL (свободный): http://ecsocman.hse.ru/text/16712782/

Категория «справедливость» в отечественной философско-правовой традиции XIX–XX веков

Пазич Мария, магистрант
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Категория «справедливости» всегда представляла и будет представлять собой системо-образующую категорию всей русской философии. В XIX столетии в России создаются и успешно развиваются различные правовые и философские течения, предлагающие свои пути выхода из кризиса и пути формирования идеального общества и государства [6; с. 80]. Не последнюю роль в этих идейных исканиях играет понятие «справедливости», которое именно в XIX веке попадает в пространство российского социально-философского дискурса, постепенно наполняясь зачастую несовместимыми между собой интерпретациями. При этом принятие какого-либо из конфликтующих значений приводит мыслителя к принадлежности к определенному философскому течению [7; с. 138]. Хорошим примером здесь может служить споры касательно справедливости между славянофилами и западниками, споры между позитивистами и раскол между русскими социал-демократами и представителями революционного марксизма.

Принимая во внимание все выше сказанное, необходимо отметить, что в истории русской мысли XIX века понятию «справедливость» присваивались следующие основные смысловые определения, а именно [5; с. 34]:

1) справедливость-правильность, т. е. соответствие поступков и действий каждого индивида неписанным правилам поведения и подразумевающая тем самым правоту этих действий, что стоит отметить, в первой половине XIX столетия становится фундаментальным положением философской доктрины раннего славянофильства;
2) справедливость-истина — это прямое и точное отображение действительности. Необходимо отметить, что к началу XX в. данная тенденция все больше изживает себя и категория «справедливости» все реже связывается в общественном сознании с точным отражением действительности;
3) естественная справедливость — это понятие было введено русскими анархистами М. А. Бакуниным и П. А. Кропоткиным. Так русские анархисты провозглашали естественное право, под которым понимается совокупность неотъемлемых принципов и прав, вытекающих из природы самого человеческого существования, главным и обязательным, а положительный закон, выражающий волю государства, рассматривали лишь как репрессивную меру воздействия. Что касается истинного смысла естественной справедливости то она, по воззрениям анархистов, состоит в необходимости признания равноправия всех людей, которое выводится из самой природы. Эта справедливость является необходимой составляющей бытия человека вне зависимости его национальной, социальной или экономической принадлежности [5; с. 32]. Так Кропоткин в своей работе «Этика» утверждает, что представления о справедливости вырабатываются в процессе эволюции: «Основное свойство человеческого разума есть понятие о справедливости, то есть о равноправии» и являются такими же «основными свойствами человеческой или даже живой природы, как потребность питания» [1; с. 296].
4) юридическая справедливость — в этом значении справедливость совпадает с понятием писаного закона, которое пришло в Россию из Польши в 17 столетии [9; с. 27—30];
5) распределительная справедливость — она понималась как распределение материальных благ, т. е. воздаяние почестей по заслугам;
6) революционная справедливость — данное понятие свидетельствует о зарождении и распространении марксистских воззрений в России. Так согласно марксисткой идеологии, каждый класс имеет свое понятие должного в обществе, поэтому понимание справедливости разных классов носят несовместимый характер. Представители русского марксизма считали возможным достижения справедливости только с помощью классовой борьбы, которая стремится к справедливости через разрушительные революционные силы [8; с. 25—28].

Но, ключевым моментом развития данного понятия в русско-философской мысли является рубеж XIX—XX веков. Во-первых, именно в этот временной период понятие «справедливости» попадает в русло философии права, а значит, термину «справедливость» придается морально-правовой характер. Во-вторых, именно тогда зарождаются две базовые школы философии права, а именно Петербургская, под руководством создателя психологической теории права Л. И. Петражицкого, и «Идеалистическая» московская во главе с П. И. Новгородцевым. В каждой из этих школ происходила широкая научная дискуссия касательно проблемы справедливости. И, в-третьих, события, произошедшие в российской истории прошлого века, связанные с революцией 1917 года, сменой власти, привели к возникновению философии русского Зарубежья и дали последующую возможность осмысления проблемы справедливости уже в ее русле. Стоит отметить, что это развитие происходило по двум основным направлениям. Первым и наиболее фундаментальным из них являлось исследование понятия «справедливости» в русле философии

права. Здесь справедливость связывалась с представлениями о естественном и позитивном праве.

Представителями этой традиции являются такие мыслители как И. А. Ильин, Н. С. Трубецкой, Е. В. Спекторский, Б. П. Вышеславцев, М. Н. Покровский, Б. А. Кистяковский, С. И. Гессен, П. И. Новгородцев. Так последний из упомянутых нами мыслителей, знаменитый русский философ и правовед П. И. Новгородцев, по сути, являлся одним из главных представителей данного течения. В своих работах, а в особенности в труде «Об общественном идеале», П. И Новгородцев развивал концепцию справедливости, в которой сама справедливость понималась как некое абсолютное начало, объединяющее людей, и реализующееся путем постепенного внедрения социальных и политических реформ со стороны государства как высшего органа власти, системы административных и правительственных распоряжений [2; с. 521]. Философ считал недопустимой мысль о полном разделении права и нравственности, поскольку, по его мнению, что только религиозно-нравственное обоснование права и придает последнему силу и эффективность, побуждая человека к повиновению. Более того, благодаря этой связи человеческое общество сможет постепенно стать обществом справедливым, в котором в большинстве случаев будет торжествовать правда, а ложь и порок будут искореняться.

П. И. Новгородцев наряду с другими представителями философии права пытался осмыслить категорию «справедливости» не только на политическом и социальном уровне, но и на уровне экономическом. Справедливость выступала в его теории как своеобразный синтез экономического, социального и политического, как некая норма, выражающая принцип социального права и реализуемая в целом ряде основных социальных прав. Как отмечает отечественный мыслитель Н. С. Плотников: «Под «достойным существованием» им понималось не столько позитивное установление уровня жизни, сколько отрицание социальных условий, делающих невозможной реализацию достойной жизни» [4; с. 340]. Ведь, если люди находятся в состоянии полной бедности и безысходности, т. е. на экономическом дне общества, то никакие другие возможности, кроме возможности получить кусок хлеба, их уже вряд ли будут интересовать. Тогда не может быть и речи о реализации каких-либо прав и свобод [3; с. 340].

Согласно русскому мыслителю, главным заблуждением классического либерализма, берущему начало от Дж. Локка, является как раз игнорирование данного факта. Классический либерализм всегда был заинтересован лишь в защите от государственного вмешательства в жизнь индивида, но совсем забывал о необходимом экономическом уровне. П. И. Новгородцев утверждает, что: «Задача и сущность права состоит действительно в охране личной свободы, но для осуществления этой цели необходима и забота о материальных условиях свободы: без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недосягаемым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически» [3; с. 322]. Реализация только что указанных условий, по мнению П. И. Новгородцева, зависит от целого ряда мер социальной политики: организация профсоюзов, социальное страхование, пенсионное обеспечение. Кроме этого «право на достойное существование» предполагает также гарантии права на труд, образование и других социальных прав. Именно поэтому русский мыслитель был убежден, что данное право в своей сущности совпадает со всем объемом социальной политики и поэтому может быть реализовано лишь в долгосрочном эволюционном процессе преобразования права в соответствии с принципами социальной политики. Более того, дискуссии о «достойном существовании» выходят на уровень обсуждения главных аспектов философии права.

Переходя к рассмотрению понятия справедливости в рамках второго направления необходимо отметить следующий важный факт, а именно то, что теории социальной справедливости, возникшие в XIX столетии и, носящие обезличенный характер вызвали огромное неприятие и сопротивление со стороны представителей так называемого русского ренессанса. Такие великие мыслители как В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев и целый ряд великих русских писателей, в том числе Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский подвергли острой критики экспансию марксистских воззрений, пытаясь при этом создать свои альтернативные подходы к такому неоднозначному понятию как «справедливость». Все подходы столь великих мыслителей можно объединить в одно общее направление под название религиозно-нравственная философия, в рамках которой поднимались чрезвычайно важные аспекты бытия общества. Главной и фундаментальной характеристикой справедливости в религиозно-нравственном течении является требование ее личностной, творческой природы, дарованной каждому человеку Богом наряду с душой. Источником развития такой справедливости является не борьба классов или развитие общественных отношений, а подвижничество отдельных людей. В основание справедливости тем самым должно лежать требование внутреннего самосовершенствования личности каждого индивида, а не идея внешнего устроения социального бытия.

Стоит заметить, что в рамках философии права понятие справедливости все же имело более четкую основу для своего дальнейшего развития, по сравнению с только что указанным нами вторым направлением, а формула «право на достойное существование» стала одной из главных платформ для дискуссий, разворачивающихся между разными философскими и политическими движениями. Более того, нельзя не отметить того факта, что дискурсы, оформившиеся в формуле «право на достойное существование» (или «достойной жизни», согласно тексту Конституции РФ) существуют до сих пор.

Литература:

1. Кропоткин П. А. Этика. Избр. труды. М., 1991.
2. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.
3. Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Сочинения. М., 1995.
4. Плотников Н. С.»Право на достойное существование» к истории дискурса справедливости в русской мысли // Философско-литературный журнал «Логос». 2007. № 5 (62). С. 340.
5. Печерская Н. В. Справедливость: между правдой и истиной (История формирования концепта в русской культуре) // «Правда» дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М.: Ключ-С, 2011. С. 34.
6. Финогентова О. Е К вопросу о существовании интегральной политико-правовой доктрины на рубеже XIX—XX веков // Юридическая мысль. 2014. № 3 (83). С. 80.
7. Финогентова О. Е. Соотношение позитивистского и естественно-правовых начал в политико-правовой мысли России на рубеже XIX—XX вв. //Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 139—141.
8. Финогентова О. Е. Особенности социологической концепции прав П. И. Стучки // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 1 (39). С. 25—28.
9. Финогентова О. Е. Особенности марксистского правопонимания в социологической концепции права Е. Б. Пашуканиса //Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1 (43). С. 27—30.

Законодательные нововведения по системе закупок для бюджетных и автономных государственных учреждений

Пирожниченко Ирина, магистрант
Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Основной отличительной доминантой в характеристике статуса автономного учреждения является сама его автономия. Самостоятельность деятельности учреждения выражается в возможности распоряжаться заработанными средствами, доходами, и приобретенным на них имуществом, открывать счета в банках, получать кредиты. Автономные учреждения осуществляют не только функции государственного учреждения. Они осуществляют деятельность, связанную с выполнением общественно значимых задач. Финансовые ресурсы автономного учреждения представляются оперативным управлением имуществом в виде государственной (муниципальной) собственности.

Бюджетным учреждениям принадлежит меньший объем вещных прав в отношении имущества. Без согласия собственника бюджетное учреждение не вправе распоряжаться особо ценным движимым имуществом, закрепленным за ним собственником или приобретенным бюджетным учреждением за счет средств, выделенных ему собственником на приобретение такого имущества. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации аналогично ситуация складывается и с недвижимым имуществом.

Федеральным законом от 08.05.2010 г. № 83-ФЗ (ред. от 29.12.2015 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» установлено, что ни бюджетное, ни автономное учреждение не имеют права отказаться от выполнения государственного задания. В то же время учредитель не может произвольно уменьшить объем субсидии на его финансовое обеспечение. Уменьшение объема субсидии возможно только при соответствующем изменении государственного задания. [1]

Важнейшее направление реформы бюджетного сектора — переход к конкурентным принципам распределения бюджетных средств. При этом сохранение различий в правовом статусе автономных и бюджетных учреждений должно выступать одним из главных стимулов повышения эффективности предоставления государственных услуг.

Правовое различие типов государственных учреждений должно выражаться в балансе прав и ответственности учреждения. Более высокая степень свободы в финансово-хозяйственной деятельности должна сопровождаться большей ответственностью за принятые хозяйственные решения. [2]

Пока в Гражданском кодексе Российской Федерации и Федеральном законе № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» отсутствует четкая регламентация процедур закупок. В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» автономные учреждения осуществляют закупки в соответствии с собственными положениями о закупке. [3] Это позволяет государственным органам выводить закупки за счет бюджетных средств из-под сложных конкурентных процедур Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе

в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» путем предоставления субсидий автономным учреждениям. [4] Эта норма распространяется на субсидии (гранты), предоставляемые на конкурсной основе из соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, если условиями, определенными грантодателями, не установлено иное. Подобная возможность является своего рода мотивацией к автономии.

В настоящее время автономные учреждения должны руководствоваться Федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» только в одном случае: когда им выделены средства из бюджета на осуществление капитальных вложений в объекты государственной и муниципальной собственности. Во всех остальных случаях они применяют нормы Федерального закона № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Самостоятельно устанавливают порядок закупки любым способом, не только аукционом или конкурсом.

Минэкономразвития считает главной проблемой исполнения Федерального закона № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» низкую конкурентность закупок. В связи с тем, что в законе не прописаны требования к способам закупки, это приводит к отрицательным последствиям — слишком большому многообразию закупок, что затрудняет обеспечение прозрачности и справедливости процедур.

Еще одной проблемой Минэкономразвития называет расхождение информации о закупках и о заключенных договорах. На практике иногда происходит так, что не все закупки доходят до стадии внесения сведений о них в реестр договоров. Например, из-за недостоверности информации, содержащейся в ежемесячной отчетности о заключенных договорах. В отчетности могут иметь место ошибки, в связи с чем, общая сумма договоров существенно занижается.

В соответствии с пунктом 15 статьи 4 Федерального закона № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» заказчик имеет право не размещать в единой информационной системе сведения о закупках стоимостью менее 100 (500) тыс. руб. Данные сведения заказчики могут не вносить и в реестр договоров. Но в ежемесячной отчетности их отражать необходимо. Отсюда и возникает расхождение публикуемой информации. [5]

С 1 января 2017 года нормы Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» предполагается распространить и на автономные учреждения. Государственные предприятия обязаны осуществлять закупки в порядке, предусмотренном вышеназванным Федеральным законом. Исключение составят закупки за счет грантов, субсидий, предоставляемых на конкурсной основе, а также закупки для привлечения третьих лиц к исполнению большинства контрактов, по которым предприятие является исполнителем (при наличии положения о закупке, размещенного до начала года в единой информационной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Такие изменения предусмотрены Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных».

Итак, с начала следующего года автономным учреждениям при осуществлении закупок предстоит руководствоваться Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: проводить все свои закупки в рамках контрактной системы. Исключений предусмотрено только два: закупки за счет грантов и в целях исполнения обязательств по контракту в случае привлечения иных лиц для поставки товара, выполнения работы или оказания услуги.

Положения Федерального закона № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» можно будет применять только при закупках за счет грантов, субсидий, предоставляемых на конкурсной основе, средств, полученных от приносящей доход деятельности, а также при закупках для привлечения третьих лиц к исполнению контракта, по которому учреждение является исполнителем (при наличии положения о закупке, размещенного до начала года в ЕИС).

Следует учитывать, что изменение организационно-правовой формы заказчика не может повлиять на уже объявленные закупки. Они должны быть завершены в соответствии с нормами того закона, на основании которого размещены [6].

Разработанные требования могут поставить автономные учреждения в более жесткие условия. Более строгие, чем существующий механизм закупочной деятельности бюджетных учреждений.

В силу части 2 статьи 15 Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и пункта 4 части 2 статьи 1 Федерального закона № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» у бюджетных учреждений имеется основание для неприменения законодательства о контрактной системе — закупки за счет средств, полученных от приносящей доход деятельности.

Вышеописанные нововведения будут действовать в случае осуществления автономным учреждением закупок за счет бюджетных средств, что приравняет автономное учреждение к бюджетному. Автономные и бюджетные учреждения в таком случае будут действовать по однообразным правилам. Хочется надеяться, что соблюдение этого

условия позволит повысить уровень конкуренции при осуществлении закупок, снизив коррупцию [7].

Подводя итог сказанному, необходимо заметить, что законодательство о контрактной системе устанавливает снисхождения для закупочной деятельности бюджетных учреждений. Все закупки за счет субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания, а также за счет средств, полученных на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, бюджетное учреждение должно осуществлять исключительно в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Закупки за счет грантов, приносящей доход деятельности, а также закупки услуг соисполнителей по государственным (муниципальным) контрактам возможно проводить по Федеральному закону от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» но при соблюдении обязательного условия о наличии правового акта (положения) о закупках.

Предложенные поправки преследуют целью устранение существующих проблем при исполнении Федерального закона от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», радикально меняют прежний механизм для заказчиков. Новый закон вводит обязательные требования проведения закупочных процедур, информационную открытость закупок. Устанавливается перечень способов закупки, запрет на применение «иных способов». Станут применяться закрытые процедуры при конкурентных закупках. Все конкурентные закупки заказчик проводит в электронной форме. Появляются требования к заполнению ежемесячных отчетов. Добавляются основания для обжалования. Уточнение требований к размещению информации о результатах закупки позволит повысить достоверность публикуемых сведений.

Только с применением нового законодательства на практике учреждение сможет решить для себя, выгодно ли ему становиться автономным, готово ли оно к подобной самостоятельности.

Литература:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений: федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ (ред. от 29.12.2015 г.) // Электронный ресурс Консультант Плюс
2. Богачева О. В., Феоктистова О. А Совершенствование статуса государственных учреждений // Бюджетный учет. 2013. № 6. С. 12—18.
3. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч.1). Ст. 4571.
4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
5. Зайцева Г. Автономные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение // Автономные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2016. № 6. С. 66—75.
6. Письмо Минэкономразвития России от 10.02.2015 № Д28и-181 // Электронный ресурс ГАРАНТ
7. Горовцова Маргарита: Автономные учреждения могут начать работать по Закону № 44-ФЗ // Портал РФ Государственный финансовый контроль

Правовые аспекты контроля за исполнением концессионного соглашения

Русанова Юлия Константиновна, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Известно, что крупные инвестиционные проекты чаще всего возникают при том или ином участии государства, которое минимизирует риски частных инвесторов. В то же время, зачастую вследствие экономической, социальной и политической важности монопольных сегментов и отдельных объектов инфраструктуры невозможна их приватизация, а в государственном бюджете может не быть необходимых средств для их расширенного воспроизводства. В целях разрешения данных противоречий в мировой практике широко используется система государственно- частного партнерства (далее — ГЧП), которое представляет собой альтернативу приватизации жизненно важных, имеющих стратегическое значение объектов государственной собственности.

Принятие Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее — Закон о ГЧП) было главным ожиданием участников рынка инфраструктурных проектов в последние несколько лет [11, 12].

Однако в настоящее время государство по-прежнему видит концессионные соглашения в качестве одной из самых перспективных форм реализации проектов на условиях ГЧП и правовое регулирование деятельности в данной сфере находится на этапе совершенствования [13]. Таким образом, пока рано говорить о каком-либо существенном влиянии Закона о ГЧП на рынок регулируемых им отношений. Федеральный закон вступил в силу только 01 января 2016 года, и ГЧП-проекты только начинают структурироваться на его основе.

Концессия, регулируемая Федеральным законом от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [2] (далее — Закон о КС), является классическим примером развития законодательства: большинство поправок к нему принято по результатам анализа практики реализации ГЧП-проектов, а при их разработке ведется серьезная работа по учету мнения рынка [14].

Можно выделить особенности, свойственные названному соглашению. Во-первых, они, в отличие от контрактных, арендных и иных отношений, носят долгосрочный характер, что позволяет обеим сторонам осуществлять стратегическое планирование своей деятельности. Во-вторых, в концессиях частный сектор обладает наиболее полной свободой в принятии административно-хозяйственных и управленческих решений, что отличает их от совместных предприятий. В-третьих, у государства остается возможность воздействия на концессионера в случае нарушения им условий концессии, а также при возникновении необходимости защиты общественных интересов. В-четвертых, государство передает концессионеру только права владения и пользования объектом своей собственности, оставляя за собой право распоряжения ею.

Интересы частного бизнеса в концессионных проектах состоят в том, что концессионер получает в долговременное управление государственные активы, ему не принадлежащие, на льготных условиях платы за концессию. При осуществлении инвестирования концессионер имеет достаточные гарантии, предусмотренные 18 статьей Закона о КС, в частности, гарантия возврата средств, поскольку, выступая в качестве контрагента, государство несет определенную ответственность за обеспечение минимального уровня доходности. Еще одним преимуществом для инвестора в концессионном соглашении является возможность повысить производительность труда за счет нововведений, поскольку он обладает хозяйственной свободой, что в свою очередь может увеличить прибыльность проекта, и при этом срок концессии не сокращается.

Серьезное отношение к концессии вызвано тем, что данная форма ГЧП основана на специальном федеральном законе и существует уже на протяжении более десяти лет в новейшей истории России. Однако, в настоящее время правовое регулирование данных отношений все еще требует тщательной проработки, основанной на практике их применения.

На современном этапе все больше возрастает значение необходимости осуществления предварительного контроля за исполнением концессионных соглашений. По оценке международных специалистов, до 95 % ГЧП-проектов умирает на стадии разработки, переговоров и не доходит даже до подписания [9]. Представляется, для решения этой проблемы необходимо повысить уровень подготовки проектов.

Необходимо отметить, что сегодня существует разное количество оценок инвестиционной привлекательности проектов — у Минэкономразвития России [4, 5, 6, 7], субъектов РФ, но при этом системного подхода к оценке эффективности не сформировано. Между тем, создание единого подхода и апробирование его на каждом проекте необходимо для обоснованного перехода к выбору формата реализации такого проекта. Оценка эффективности должна стать реальным инструментом, который позволит субъектам РФ обосновывать контрольно-надзорным органам, почему решено реализовывать проект в той или иной правовой форме — концессия, региональное ГЧП и пр.

Для наглядного примера на практической сессии «Государство — квалифицированный заказчик: как грамотно подготовить проект ГЧП и оценить эффективность его реализации», которая прошла в рамках Российской недели ГЧП [9], был представлен первичный этап оценки эффективности реализации публичного инвестиционного проекта на примере автодорожного объекта. В качестве способов реализации были рассмотрены два варианта — концессионное соглашение с платой концедента и традиционная модель государственной закупки. В первую очередь были оценены затраты бюджета при обоих способах. По результатам представленных расчетов экономическая стоимость затрат при реализации проекта по модели государственной закупки превзошла затраты при ГЧП практически в 3,5 раза, при этом значительная часть рисков закрепляется именно за публичным партнером.

Согласно ст. 9 Закона о КС право концедента на осуществление контроля за исполнением концессионного соглашения является одним из центральных правомочий.

В соответствии с ч. 5 данной статьи результаты осуществления контроля за соблюдением концессионером условий концессионного соглашения оформляются актом о результатах контроля. При этом Закон о КС не содержит требований ни к составу, ни к содержанию указанного акта, а также полномочий федеральных органов либо органов государственной власти субъекта РФ, органов местного самоуправления устанавливать формы данных актов. Представляется, что установление в составе концессионного соглашения требований к акту проверки позволит исключить некоторые злоупотребления со стороны публичного партнера.

На практике нередки случаи, когда на этапе заключения концессионного соглашения, концедент стремится как можно скорее завершить конкурс в пользу одного из участников, игнорируя при этом нормы законодательства.

Так, администрация Саратова заключила концессионное соглашение в отношении МУПП «Саратовводоканал» с ООО (КВС), согласно которому компании будет передано в управление на 30 лет муниципальное имущество [10]. Документ был подписан, несмотря на позицию ФАС России, которая требовала отменить итоги конкурса, согласно которым КВС была признана победителем. ООО «Новогор-Прикамье», которое также претендовало на имущество МУПП, готовит обращение в Генпрокуратуру, полагая, что в мэрии Саратова нарушили закон.

Указанный случай является далеко не единственным примером нарушением порядка заключения концессионного соглашения со стороны органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.

Согласно ст. 9 Закона о КС концедент осуществляет контроль за исполнением условий концессионного соглашения, однако в законе отсутствуют нормы, согласно которым осуществлялся бы предварительный контроль за нарушением порядка заключения концессионного соглашения со стороны органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Среди основных нарушений реализации предварительного этапа заключения концессионного соглашений можно выделить: отклонение заявки на участие в конкурсе, признание заявки на участие в конкурсе не соответствующей требованиям конкурсной документации, отстранение участника конкурса от участия в конкурсе по основаниям, не предусмотренным законодательством Российской Федерации о концессионных соглашениях, признание заявки на участие в конкурсе надлежащей в случае, если участнику должно быть отказано в допуске к участию в конкурсе в соответствии с требованиями законодательства.

На практике имеет место ситуация, когда орган исполнительной власти обязан в соответствии с Законом о КС проводить конкурс на право заключения концессионного соглашения в установленном законодательством порядке и сроки, однако в случае нарушения этого порядка ответственность за это для должностных лиц не предусмотрена.

Подобная ситуация способствует коррупции, выражающейся в злоупотреблении служебным положением при реализации проектов, а государственное имущество и услуги, которые должно оказывать государство, в итоге переходят к юридическим лицам по конкурсам, которые проводятся формально.

Отсюда вполне закономерен вопрос о том, в чью компетенцию должен быть отнесен контроль деятельности самих органов исполнительной власти и местного самоуправления, которые выступают инициаторами заключения концессионных соглашений.

В целях решения указанных проблем, а также превенции их возникновения, некоторыми авторами предлагается [8, с. 56], во-первых, использовать аналогию с законодательством в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, в частности, наделить Федеральную антимонопольную службу соответствующей компетенцией по осуществлению контроля за заключением концессионных соглашений, и определить орган исполнительной власти, который будет осуществлять регулирование в сфере заключения соглашений на предмет соблюдения антимонопольного законодательства и порядка заключения таких соглашений, но при этом не будет выступать на стороне концедента.

Во-вторых, выдвигается предложение внести в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации [3] статьи, предусматривающие административную ответственность для должностных лиц и органов исполнительной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований Российской Федерации в случае нарушения порядка заключения концессионных соглашений.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в настоящее время неоправданно мало внимания отводится контролю за исполнением концессионного соглашения на предварительном этапе оценки эффективности проекта, при том, что именно начальный этап является основой его успешной реализации.

Представляется, что повышение уровня подготовки проектов при обеспечении законности позволит защитить права и интересы инвесторов и создаст благоприятную среду для привлечения малого и среднего бизнеса в реализацию подобных проектов.

Литература:

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 3.07.2016) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru.
2. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О концессионных соглашениях» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru.
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.07.2016) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru.

4. Постановление Правительства РФ от 03.12.2015 № 1309 «Об утверждении Правил проведения уполномоченным органом переговоров, связанных с рассмотрением предложения о реализации проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства на предмет оценки эффективности проекта и определения его сравнительного преимущества» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт].Режим доступа: http://www.consultant.ru.
5. Постановление Правительства РФ от 19.12.2015 № 1386 «Об утверждении формы предложения о реализации проекта государственно-частного партнерства или проекта муниципально-частного партнерства, а также требований к сведениям, содержащимся в предложении о реализации проекта государственно-частного партнерства или проекта муниципально-частного партнерства» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru.
6. Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1514 «О порядке проведения уполномоченным органом оценки эффективности проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства и определения их сравнительного преимущества» (вместе с «Правилами проведения уполномоченным органом оценки эффективности проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства и определения их сравнительного преимущества») [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт].Режим доступа: http://www.consultant.ru.
7. Приказ Минэкономразвития России от 30.11.2015 № 894 «Об утверждении Методики оценки эффективности проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства и определения их сравнительного преимущества» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2015 № 40375) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru.
8. Лукина А. Н. Административно-правовые аспекты осуществления контроля за реализацией государственно-частного партнерства // Юридический мир. 2016. № 2. С. 54—57.
9. Заказчику не хватает квалификации. Российская Газета. URL: http://rg.ru/ (дата обращения 21.10.2016).
10. На ФАС не взглянули: Администрация Саратова передала «Саратовводоканал» частной компании. Коммерсант. RU. URL: http://http://kommersant.ru/ (дата обращения 21.10.2016).
11. Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А., Серебрякова А. А., Серова О. А. Актуальные проблемы правового регулирования государственного — частного партнерства в РФ. Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 4. С. 147—152.
12. Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А., Русанова Ю. К. Новеллы российского законодательства о государственно-частном партнерстве. Журнал научных и прикладных исследований. 2016. № 4. С. 93—97.
13. Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А. Институт концессионных соглашений и актуальные проблемы его правового регулирования в Российской Федерации. Научная перспектива. 2015. № 10. С. 37—38.
14. Аксёнова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А. Новеллы концессионного законодательства Российской Федерации. Закон и право. 2015. № 12. С. 56—62.

Самозащита и ее способы в системе защиты гражданских прав

Соколов Евгений, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Защитная функция характерна для всего живого, начиная с мельчайших образований — клеток и их составляющих, и заканчивая сложными комплексными организмами — людьми. Являясь разумной формой жизни для нас все же характерно наличие инстинктов (к примеру, инстинкта самосохранения). Это вполне естественное явление, ведь при определенных обстоятельствах нам необходимо прибегать к защите себя и своих близких. Правовая сфера нашей жизни не является исключением, и никто не застрахован от случаев, в которых придется защищать свои законные права и интересы. В данном контексте классик отечественной цивилистики В. П. Грибанов утверждает, что потребность в защите права или свободы возникает всякий раз, когда эти права или свободы нарушены, либо когда при их реализации создаются препятствия, возникает спор и так далее [1, с. 154].

В соответствии со статьей 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью [2]. Провозглашая данную ценность, государство также взяло на себя обязанности ее признания, соблюдения и защиты. Согласно части 1 статьи 45 Конституции РФ: государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется [2]. Согласно части 2 данной статьи помимо государственной защиты каждому

предоставляется право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Отраслевым законодательством (гражданским, трудовым и так далее) развиваются и конкретизируются данные положения основного закона нашей страны.

Гражданскому праву как любой другой отрасли права присуща охранительная и защитная функции, которые достигаются путем установления правовых средств надлежащего исполнения гражданских прав и обязанностей, установления мер защиты и ответственности за гражданские правонарушения, а также использование подобных установлений в защитных целях.

Актуальность темы исследования обусловлена различными факторами: отсутствие консенсуса и плюрализм подходов в цивилистической науке к определению понятия «самозащиты», смешение «самозащиты» с другими понятиями в контексте защиты гражданских прав.

Гражданским законодательством вопрос защиты гражданских прав не оставлен без внимания. Так, данный аспект регламентируется статьями 11, 12 и 14 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). В статье 11 ГК РФ устанавливаются два порядка защиты гражданских прав: судебный и административный. Статьей 12 ГК РФ дается формально-открытый перечень способов защиты гражданских прав, среди которых имеется «самозащита». Формально-открытый характер этого перечня заключается в том, что данной статьей допускается использование иных способов защиты предусмотренных законом. Статьи 11 и 12 с момента принятия ГК РФ претерпели незначительные изменения. Статья 14 ГК РФ, в свою очередь, посвящена непосредственно самозащите. Данная статья с момента принятия ГК РФ (период более двадцати лет) находится в неизменном состоянии. Так, согласно статье 14 ГК РФ: допускается самозащита гражданских прав; способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения [3].

В теории гражданского права встречаются различные понятия, такие как «форма защиты», «порядок защиты», «способы защиты», «самозащита» и так далее. В отечественной цивилистической науке термин «самозащита» понимается в нескольких значениях: самозащита как форма; самозащита как порядок; самозащита как способ.

Форма защиты — это комплекс внутренне согласованных организационных мероприятий по защите субъективных прав и охраняемых законом интересов [4, с. 337]. Так, в гражданско-правовой науке выделяются две формы защиты субъективных гражданских прав: юрисдикционная и неюрисдикционная. Данную концепцию выдвинул А. П. Сергеев, который относит к юрисдикционной форме защиту в судебном или административном порядке, а к неюрисдикионной форме — самозащиту права [5, с. 268–270]. Дискуссионный момент состоит в том, что одни исследователи отождествляют самозащиту и неюрисдикционную форму, другие, наоборот, придерживаясь концепции В. П. Грибнова, согласно которой в самозащиту входят только действия фактического порядка [6, с. 117], выделяют самозащиту как способ, наряду с мерами оперативного воздействия и удержанием. Данный факт подмечает Мухин С. Г., он говорит, что неюрисдикционную форму, как правило, либо отождествляют с самозащитой, либо самозащиту выделяют как один из способов защиты прав в неюрисдикционной форме среди таких как меры оперативного воздействия на должника и удержание [7, с. 162]. Предполагается, что узкий подход В. П. Грибанова не является актуальным и в настоящий период содержание самозащиты пополнилось действиями юридического порядка, о чем свидетельствует обширная судебная практика, а удержание включается в меры оперативного воздействия. Данной позиции в свое время придерживался советский цивилист Ю. Г. Басин, который включал в понятие самозащиты как действия фактического характера, так и юридические акты, определяя ее как допускаемые законом односторонние действия заинтересованного лица, направленные на то чтобы обеспечить неприкосновенность права и ликвидацию последствий его нарушения [8, с. 36]. Таким образом, в рамках неюрисдикционной формы защиты остается только самозащита, что позволяет отождествлять данные понятия. Этой точки зрения придерживается Гришин П. А., который утверждает, что: размещение самозащиты в статье 12 ГК РФ не вполне логично, так как по своей природе самозащита представляет собой не способ, а особую форму самостоятельной защиты лицом своих прав и свобод без обращения в административные органы или суд [9]. Данная позиция прослеживается и в судебной практике. Так, Федеральный Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в постановлении от 02.09.2005 № А19–31891/04–9-Ф02–4244/05-С2 утверждает, что из буквального содержания положений статей 11, 14 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что защита гражданских прав и интересов может осуществляться в трех формах: судебной, административной и в форме самозащиты [10]. На основании вышеизложенного можно заключить, что самозащита является формой и констатировать необходимость исключения из статьи 12 ГК РФ «самозащиты» как способа защиты гражданских прав, а способы самозащиты определять как иные предусмотренные законом.

Неординарной является позиция исследователей, согласно которой «самозащиту» относят к порядкам защиты гражданских прав. Так, согласно статье 11 ГК РФ: защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд; защита гражданских прав в административном порядке осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законом [3]. В данном контексте интересным является мнение Б. М. Гонгало, который утверждает, что: экстраординарным с точки зрения правовой, но вполне справедливым, исходя из соображений справед-

ливости, является порядок защиты гражданских прав путем самозащиты [11, с. 99]. С автором можно согласиться, действительно статьей 11 ГК РФ не учитывается, что самозащита как способ защиты гражданских прав осуществляется без обращения в уполномоченные органы. Из этого следует, что законодателю нужно внести изменения в ГК РФ, которые будут заключаться в добавлении третьего порядка, который можно назвать «самостоятельным порядком защиты гражданских прав». Для науки гражданского права предлагается воздержаться от замены «самостоятельного порядка защиты гражданских прав» на «самозащиту» в целях терминологического порядка.

Определение самозащиты как способа предусмотрено действующим законодательством — статьей 12 ГК РФ. О. А. Красавчиков, затрагивая вопросы самозащиты, пишет: своеобразным способом защиты гражданских прав является самозащита [12, с. 106]. Высказывание автора не вызывает сомнений, поскольку в данном случае необходимо исходить из внешней заданности парадигмы (решения). Действующая редакция ГК РФ (статья 12), как и все предыдущие редакции, с момента принятия, относит самозащиту к способам защиты гражданских прав. Аналогичного мнения придерживается и В. А. Максимов, который в рамках исследования генезиса самозащиты, замечает, что позиция Красавчикова О. А в точности совпадает с позицией, принятой действующим законодательством. По смыслу закона самозащита не представляет собой особый порядок защиты прав, наряду с судебным и административным порядком — статья 11 ГК РФ, закон выводит самозащиту в перечень способов защиты гражданских прав [13]. Однако авторы не учитывают то, что в рамках неюрисдикционной формы защиты гражданских прав остается только самозащита, а это позволяет их отождествлять и говорить о более широком понимании «самозащиты». К тому же статья 14 ГК РФ говорит нам о том, что у самозащиты (как у способа защиты — статья 12 ГК РФ) имеются еще способы, а это позволяет говорить о том, что статьей 14 ГК РФ самозащита относится к форме защиты гражданских прав, имеющей свои способы.

Способы самозащиты классифицируются на две группы в зависимости от характера защитительных деяний. В первую группу входят деяния фактического порядка. Фактический характер означает, что лицо может применять физические, силовые усилия для защиты субъективного гражданского права. Как правило, объектом защиты будут являться абсолютные субъективные права (жизнь, здоровье, имущество и так далее). В состав данной группы входят:

А) оборонительные и спасательные действия — действия в состоянии крайней необходимости и необходимой обороны (в случае спасения как своей жизни и имущества, так и жизни и имущества третьего лица — статьи 1066, 1067 ГК РФ), а также действия в чужом интересе без поручения в случае опасности для жизни (пункт 2 статьи 983 ГК РФ);

Б) гражданская самопомощь, к которой следует отнести различные меры, направленные на предотвращение нарушения вещных прав — устранение препятствий в пользовании вещью самостоятельно, выдворение людей из недвижимого объекта собственником, удаление и задержание чужих животных на территории собственника и иного титульного правообладателя, устранение зловредных и иных незаконно размещенных предметов (устранение незаконной рекламы) [14].

В рамках гражданской самопомощи в зависимости от защищаемого правомочия выделяют:

— владельческую самопомощь (виндикационную самопомощь) под которой понимается возможность собственника или иного владельца применить против нарушителя владения силу, необходимую для предотвращения и пресечения правонарушения, а также восстановления утраченного владения [15, с. 72]. Например, когда собственник или иной титульный владелец может самостоятельными действиями отобрать свою вещь, на которую утратил владение, пресечь нарушение и восстановить владение;
— негаторную самопомощь, к которой следует относить действия по самостоятельному устранению различных препятствий в пользовании правом [16]. В частности, устранение препятствий к проезду или стоянке автотранспортных средств, самостоятельное устранение чужих движимых и недвижимых вещей из владения правообладателя, при условии, что право лица действительно, а не мнимо — есть судебное решение об устранении препятствий в пользовании правом, но оно не исполняется. Ярким примером негаторной самопомощи в судебной практике является демонтаж объектов, находящихся на территории чужого земельного участка [17, 18].

Вторую группу составляют деяния юридического порядка, то есть деяния в рамках договорных правоотношений. В рамках данной группы объектом будут являться относительные субъективные права (к примеру, встречное материальное благо по договору). Исследуя меры оперативного воздействия, В. П. Грибанов определяет их как юридические средства правоохранительного характера, которые применяются к нарушителю гражданских прав и обязанностей непосредственно самим управомоченным лицом как стороной в гражданском правоотношении, без обращения за защитой к управомоченным органам [19]. Исследователями выделяются различные основания для классификации мер оперативного воздействия. Интересной является позиция М. С. Карпова, который предлагает классификацию мер в зависимости от цели. Он утверждает, что в меры оперативного воздействия следует включать как оперативно-обеспечительные меры, так и те которые направлены на изменение или прекращения правоотношения [20, с. 61–63]. Примерами оперативно-обеспечительных мер являются: приостановление исполнения обязательства (п. 2 статьи 328 ГК РФ) — приостановление платежа [21], од-

ностороннее приостановление исполнения договорных обязательств по энергоснабжению [22, 23], оказанию услуг связи (пункт 3 статьи 44 федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О связи») [24], приостановление работ по договору подряда (пункт 1 статьи 719 ГК РФ), отказ от оплаты некачественного выполненных работ по договору подряда (пункт 3 статьи 723 ГК РФ) [25], удержание (статья 359 ГК РФ) [27, 28, 29, 30].

К правоизменяющим относят меры направленные на изменение существующих отношений сторон. К примеру, перевод неисправного должника на аккредитивную форму расчета (форма исполнения) или на предоплату (срок исполнения). В свою очередь правопрекращающие — меры направленные на прекращение отношений между сторонами. Примерами таких мер исследователи считают: отказ предоставить встречное исполнение (пункт 2 статьи 328 ГКРФ, пункт 3 статьи 468 ГК РФ, пункт 2 статьи 483 ГК РФ, пункт 2 статьи 487ГК РФ, пункт 3 статьи 489 ГК РФ, пункт 2 статьи 542 ГК РФ), отказ от исполнения договора при наличии реальной угрозы неисполнения договора и возникновения убытков (пункт 1 статьи 821 ГК РФ), отказ от исполнения обязательства (пункт 2 статьи 328 ГК РФ); досрочное расторжение договора в одностороннем порядке [31].

Классификацию М. С. Карпова можно дополнить мерами компенсационного характера, к которым относятся: внесудебная продажа залога (статья 349 ГК РФ), внесудебная продажа удерживаемой вещи (статья 360 ГК РФ), продажа предмета договора подряда (пункт 6 статьи 720 и статья 738 ГК РФ).

Таким образом, самозащита является формой защиты гражданских прав, которая заключается в комплексе внутренне согласованных организационных мероприятий (способах) по защите субъективных прав и охраняемых законом интересов без обращения к уполномоченным государственным органам (административным или судебным). Законодателю необходимо исключить самозащиту из перечня универсальных способов защиты гражданских прав, перечисленных в статье 12 ГК РФ. В свою очередь, способ самозащиты — правомерное деяние, направленное на обеспечение неприкосновенности субъективного гражданского права от наличного нарушения либо его реальной угрозы и осуществляемое путем самостоятельных действий бездействия обладателя прав, а также действий третьих лиц по защите его жизни и имущества в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости [32, с. 45].

Литература:

1. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Российское право, 1992. 207 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Гражданское право: учебник: В 3 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. Отв. ред. А. П. Сергеев и Ю. К. Толстой. М.: ГК Велби, 2004. 776 с.
5. Гражданское право: Учебник. Ч. 1. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. М.: Теис, 1996. 552 с.
6. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. М.: Статут, 2001.411 с.
7. Мухин С. Г. Самозащита в системе форм и способов защиты гражданских прав [Электронный ресурс] // Материалы XII Международной практической конференции: фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. Доступ из электронной библиотеки «Elibrary».
8. Басин Ю. Г. Основы гражданского законодательства о защите субъективных гражданских прав // Проблемы применения Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства СССР: сб. материалов. Саратов, 1971.
9. Гришин П. А. Самозащита — форма или способ защиты гражданских прав [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2013, № 11—2. Доступ из электронной библиотеки «Elibrary».
10. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 02.09.2005 № А19—31891/04—9-Ф02—4244/05-С2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
11. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. М.: Статус, 2016. 511 с.
12. Советское гражданское право. Т. 1 / под ред. О. А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1968. 520 с.
13. Максимов В. А. Генезис «самозащиты» как гражданско-правовой категории в российском праве [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, № 1 (69), 2016. Доступ из электронной библиотеки «Elibrary».
14. Южанин Н. В. Самозащита гражданских прав: вопросы теории [Электронный ресурс] // Юрист. 2015. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
15. Дженкс Э. Свод английского права. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1974. 520 с.

16. Южанин Н. В. Негаторная самопомощь: исторические предпосылки и современность [Электронный ресурс] // Юристъ-правоведъ. 2016. № 1 (74). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
17. Апелляционное определение СК по гражданским делам Курганского областного суда от 25 марта 2014 года по делу № 33—881/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
18. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 24.05.2012 № 33—7090/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
19. Грибанов В. П. Пределы применения мер оперативного характера при поставках продукции [Электронный ресурс] // Советская юстиция. 1968. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
20. Карпов М. С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия. М.: Статут, 2004. 141 с.
21. Постановление ФАС Московского округа от 05.04.2012 по делу № А40—77700/11—76—498 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
22. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 26.05.2010 по делу № А79—8038/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
23. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 29.04.2010 по делу № А52—24745/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
24. Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 27.12.2010 № А71—13146/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
25. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 07.02.2012 по делу № А63—1113/2008 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
26. Постановление ФАС Московского округа от 23.03.2011 по делу № А40—58578/10—91—470 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
27. Постановление ФАС центрального округа от 20.04.2012 по делу № А09—4960/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
28. Решение Арбитражного суда Ростовской области № А53—24192/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
29. Постановление ФАС Поволжского округа от 6 апреля 2005 г. № 49—10031/04—80/24 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
30. Постановление ФАС Центрального округа от 10 октября 2006 г. № А09—11799/04—9 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
31. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 31 декабря 2013 г. № А40—93324/13 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
32. Микшис Д. В. Самозащита гражданских прав. СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2013. 310 с.

Специфика института контракта с участием государства: правовые аспекты

Тельнова Екатерина Эдуардовна, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

В настоящее время государственно-частное партнерство (далее — ГЧП) или чаще встречаемое в литературе понятие «публично-частное партнерство» (далее — ПЧП), опосредующее собой взаимодействие государства и частного бизнеса является, пожалуй, одной из самых обсуждаемых тем, как в научной литературе, так и в практической деятельности.

ПЧП, как явление, появилось в Великобритании в начале 90-х годов прошлого века и связано с реализацией новой концепции управления государственной собственностью посредством привлечения средств частного инвестора. Впоследствии идея ПЧП распространилась в США, Европе, Австралии, Канаде и др. странах.

Международный опыт реализации ПЧП позволяет сделать вывод о том, что в разных странах взаимоотношения между государством и бизнесом принимало различные формы. Суммируя их, традиционно выделяют две основные модели такого взаимодействия — британскую и французскую.

Британская модель характеризуется как частноправовая или либеральная. Специфика ее заключается в том, что государство предоставляет право решать: когда, где и как строить объекты сотрудничества бизнесу, оставляя при этом за собой право выдавать частным партнерам разрешения на реализацию проекта ПЧП, а также осуществлять контроль за его последующей эксплуатацией.

Следует отметить, что в Великобритании отсутствует специальное законодательство о ПЧП, существуют нормативные акты, регулирующие лишь отдельные вопросы, например: Регламент о публичных контрактах 2006 г. и Регламент о контрактах на оказание коммунальных услуг 2006 г.

Тем не менее, распространены разнообразные договорные и институциональные модели ПЧП, среди которых выделяют: обычные контракты PFI; концессии; модель стратегического партнерства; продажу контрольного пакета акций частному партнеру; контракторизацию; модель совместной компании.

Из данных моделей наиболее используемыми являются первые две:

1) обычные контракты PFI (частная финансовая инициатива) — сделки, согласно которым частный партнер проектирует, строит, финансирует и эксплуатирует некое сооружение, основываясь на спецификации выработки, установленной публичным партнером. Публичный партнер не имеет права собственности на данный объект, при этом выплачивает частному партнеру согласованный объем денежных средств в обмен на получение права пользования объектом в течение срока действия контракта.

После истечения срока действия соглашения право собственности на объект в зависимости от условий данного соглашения либо остается за частным партнером, либо возвращается к публичному партнеру.

2) Концессии (concessions) предусматривают возврат инвестиций большей частью не за счет публичного партнера, который выплачивает частному партнеру так называемые платежи за доступность, а за счет конечного потребителя, оплачивающего публичные услуги.

Кроме того, в Великобритании существуют модифицированные, объединяющие ряд упомянутых выше структур, модели ПЧП. Примером может служить модель National Health Service Local Improvement Finance Trust, являющаяся программой финансирования развития национальной системы здравоохранения на местном уровне.

Французскую модель ПЧП, в противовес британской, можно охарактеризовать как публично-правовую, основанную на административно-правовом акте. В соответствии с ней, государство полностью контролирует все этапы реализации инфраструктурного проекта, включая проектирование, строительство и эксплуатацию объекта ПЧП. При этом во Франции все возможные договорные формы оформления ПЧП подразделяются на две большие группы — договоры делегирования публичных услуг и партнерские договоры.

Для разграничения договоров делегирования публичных услуг и партнерских договоров используются два основных критерия: 1) оказание публичной услуги, которую в общем виде можно определить как деятельность, осуществляемую в общем интересе населения и регулируемую публичным правом; 2) зависимость материального вознаграждения частного партнера от рентабельности проекта и результативности оказания публичной услуги [4]. На основании критериев договор относится к договорам делегирования публичных услуг, если он отвечает обоим указанным критериям, если же договор не отвечает хотя бы одному из них, то он относится к группе партнерских договоров.

Наиболее известной формой делегирования публичных услуг является концессия, которая в соответствии с французским правом, предполагает делегирование частному партнеру: деятельности по оказанию публичной услуги и полный переход к частному партнеру коммерческих рисков, а в некоторых отраслях допускается также финансирование проекта с использованием доходов от эксплуатации существующей инфраструктуры (например, использование доходов от использования старых участков дороги для финансирования строительства и эксплуатации новых участков дороги). Наряду с концессией делегирование публичных услуг может также осуществляться в рамках аренды с публичным инвестированием и заинтересованного управления имуществом.

К партнерским договорам относится собственно договор партнерства, а также договоры долгосрочной аренды.

Договор партнерства — это административный договор, в силу которого публичный партнер поручает частной организации реализацию комплексного проекта, предполагающего полное или частичное финансирование и осуществление строительства, перепланировки, эксплуатации и управление объектом, необходимым для оказания публичной услуги. Размер вознаграждения определяется с учетом целей эксплуатации объекта и выплачивается публичным партнером в течение всего срока действия договора, при этом не исключается возможность взимания платы с конечных пользователей соответствующего объекта.

Договор партнерства отличается от договора концессии тем, что, во-первых, не происходит передачи функции по оказанию публичной услуги, во-вторых, вместо полного переложения коммерческих рисков на частного партнера основные риски перераспределяются между частным и публичным партнерами и, в-третьих, часть финансирования может быть гарантирована платежами со стороны публичного партнера [4].

С появлением Федерального закона от 13.07.2015 года № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ГЧП) представляется необходимым в рамках изучения данного явления определить сущность модели российского ГЧП. Здесь важно отметить, что, несмотря на вступление данного закона в силу, регулирование отношений, опосредуемых концессионными соглашениями, регулируется Федеральным законом от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее — Закон о КС), невзирая на то, что концессионные соглашения представляют собой одну из форм ГЧП.

В соответствии со статьей 3 Закона о ГЧП, государственно-частное партнерство, муниципально-частное

партнерство определяется как юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с данным Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества [1].

Главным отличием и одним из существенных достоинств Закона о ГЧП следует считать то, что соглашение о ГЧП влечет за собой возникновение частной собственности на объект сотрудничества, чего не предполагает концессионное соглашение.

Еще одним плюсом является установление обременения и ограничения на оборот имущества в рамках ГЧП. То есть, при государственной регистрации права собственности на объект соглашения регистрируется также обременение в виде целевого назначения и выполнения эксплуатационных и инвестиционных обязательств по соглашению. Представляется, что данная норма была введена с целью минимизировать возможные риски государства, обезопаситься от недобросовестных контрагентов [5]. Однако, в Законе не регламентирована цена приобретения объекта публичным партнером и правила его передачи. Кроме того, Закон о ГЧП закрепил возможность залога объекта ГЧП в целях финансирования проекта.

Еще одним положительным нововведением Закона о ГЧП является введение механизма оценки экономической эффективности и сравнительного преимущества проектов ГЧП, то есть проверки того, будет ли использование бюджетных средств на реализацию проекта ГЧП иметь преимущество перед использованием бюджетных средств для реализации государственного или муниципального контракта [3].

Также, Закон о ГЧП устанавливает, что на стороне частного партнера может выступать только российское юридическое лицо. Тем не менее, не содержит запрета иностранным субъектам быть участниками или акционерами частного партнера. Однако, если исходить из того, что в основе идеологии ГЧП — конкуренция среди участников, способных наиболее надежно, эффективно и дешево осуществить инфраструктурный проект, следует признать необходимость привлекать в проекты не только российских, но и иностранных инвесторов, особенно по сложным объектам, где ГЧП как раз наиболее оправданно, и куда именно последние могут привнести необходимые опыт и технологии.

Следует также сказать о том, что Закон о ГЧП установил порядок контроля публичного партнера за исполнением частным партнером соглашения; предусмотрел создание уполномоченных органов в сфере ГЧП.

Таким образом, анализ основных нововведений российского законодательства о государственно-частном партнерстве позволяет сделать вывод о том, что сотрудничество государства и частного бизнеса в Российской Федерации идет по своему индивидуальному пути, сочетая в себе элементы как французской, так и британской моделей взаимодействия партнеров разного уровня. Сходство российской модели и британской модели ГЧП проявляется в возникновении у частного партнера права собственности на объект соглашения, однако, в российских реалиях, только при условии обременения объекта соглашения в виде целевого назначения. От французской модели российская модель ГЧП переняла установление порядка контроля публичного партнера за исполнением соглашения частным партнером.

Литература:

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 3.07.2016) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru.
2. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О концессионных соглашениях» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru.
3. Приказ Минэкономразвития России от 30.11.2015 № 894 «Об утверждении Методики оценки эффективности проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства и определения их сравнительного преимущества» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2015 № 40375) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. Режим доступа: http://www.consultant.ru.
4. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / С. А. Белов, Е. В. Гриценко, Д. А. Жмулина и др.; под ред. В. Ф. Попондопуло, Н. А. Шевелевой. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 259 с.
5. Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А., Серебрякова А. А., Серова О. А. Актуальные проблемы правового регулирования государственно-частного партнерства в РФ // Успехи современной науки и образования. 2016. № 4. Том 2. С. 147—152.

Реализация положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в сфере общественной безопасности

Тушмаков Артем, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Согласно Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 года № 683 (далее — Стратегия), национальная безопасность Российской Федерации — это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Сама национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством РФ, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Защита основных прав и свобод человека и гражданина, в соответствии с пунктом 42 настоящей Стратегии, является одной из стратегических целей государственной и общественной безопасности. Основные угрозы государственной и общественной безопасности перечислены в пункте 43 Стратегии, в том числе ими являются различные преступления, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности. Исходя из вышеперечисленного, в данной научной работе была поставлена задача выявить и конкретизировать значительные угрозы общественной безопасности, путём проведения мониторинга правоприменения, а именно анализа судебной практики судов общей юрисдикции Калининградской области за период 31.12.2015 (дата вступления в силу настоящей Стратегии) — 28.09.2016, по категориям дел, относящимся к преступлениям против общественной безопасности (главы 24—28 раздела 8 УК РФ). Результаты данного анализа судебной практики представлены в таблице 1.

Таблица 1. **Результаты анализа судебной практики в сфере общественной безопасности за период 31.12.2015–28.09.2016***

Категория дел	Количество решений	Первая инстанция		Апелляция		
		Результат		Апелляционные постановления		
		Обвинительный приговор	Оправдательный приговор	Отмена решения суда в апелляционном порядке	Изменение решения суда в апелляционном порядке	Решение суда первой инстанции без изменения, представление без удовлетворения
Статья 207. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма	1	1	-	-	-	-
Статья 216. Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ	1	-	-	-	-	1
Статья 221. Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ	1	-	1	-	-	-
Статья 222. Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов	23	17	5	-	-	1

* Анализ судебной практики на основании открытых судебных решений, представленных в справочно-правовой системе по судебным решениям «РосПравосудие». URL: https://rospravosudie.com

Категория дел	Количество решений	Первая инстанция		Апелляция		
		Результат		Апелляционные постановления		
		Обвинительный приговор	Оправдательный приговор	Отмена решения суда в апелляционном порядке	Изменение решения суда в апелляционном порядке	Решение суда первой инстанции без изменения, представление без удовлетворения
Статья 222.1. Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройст	8	4	4	-	-	-
Статья 223. Незаконное изготовление оружия	1	1	-	-	-	-
Статья 226. Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств	2	1				1
Статья 228. Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества	154	109	1	-	6	38
Статья 228.1. Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества	30	4	-	-	7	19
Статья 229. Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ	4	1				3
Статья 231. Незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры	1	1	-	-	-	-

Категория дел	Количество решений	Первая инстанция		Апелляция		
		Результат		Апелляционные постановления		
		Обвинительный приговор	Оправдательный приговор	Отмена решения суда в апелляционном порядке	Изменение решения суда в апелляционном порядке	Решение суда первой инстанции без изменения, представление без удовлетворения
Статья 232. Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств	2	1	-	-	-	1
Статья 240. Вовлечение в занятие проституцией	1	-	-	-	-	1
Статья 241. Организация занятия проституцией	1	-	-	-	-	1
Статья 256. Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов	1	1	-	-	-	-
ИТОГО	231	141	11	-	13	66

Как видно по результатам мониторинга правоприменения в сфере общественной безопасности, приведенным в таблице 1, за период с 31.12.2015 по 28.09.2016, большая часть судебных решений судов общей юрисдикции была вынесена по уголовным делам по ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ. Из вышесказанного можно сделать вывод, что в регионе, за рассматриваемый период, подавляющее большинство совершенных преступлений в сфере общественной безопасности составляли преступления наркотической направленности — 82.68% от общего числа преступлений против общественной безопасности. На данный период, именно преступления наркотической направленности создают значительную угрозу защищённости личности и общества, а равно угрожают должному обеспечению конституционных прав и свобод граждан РФ.

Изучив описательно-мотивировочные части обвинительных приговор по ст. 228, и обобщив схожие обстоятельства данных уголовных дел, стоит обратить внимание на одно из наркотических веществ, имеющееся в составе наркотических смесей, фигурирующих в большинстве анализируемых судебных решений — героин (диацетилморфин).

Героин — мощное полусинтетическое опиатное средство [1, с. 5]. Для производства данного наркотического средства требуется опийный мак. В свою очередь производством героина занимаются страны Азии. По заявлению главы ФСКН Виктора Иванова (прим.: с 5 апреля 2016 года служба упразднена) в 2015 году лидирующие позиции в мире по производству героина занимает Афганистан [5]. Ежегодно из Афганистана в Россию контрабандно ввозятся десятки тонн героина, значительная часть которого доставляется в Россию и далее в страны ЕС по так называемому «северному», или «шелковому», пути, проходящему, в частности, через российско-казахстанскую границу [3, с. 43].

Таким образом, Россия является одним из транзитных пунктов афганского наркотрафика. В 80% выявленных фактов наркопреступлений героин в РФ поставлялся из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана [4, с. 192].

Исходя из этого, приходим к выводу, что героин, обнаруженный в изъятых наркотических смесях у осужденных по ст. 228 в Калининградской области, не был произведен на территории области, а был доставлен в результате контрабанды.

Стоит обратить внимание на то, что ввиду геополитического и географического положений Калининградской области, для того чтобы доставить опиоидные наркотики на территорию региона из Афганистана и стран Центральной Азии, помимо казахстанско-российской границы (в зависимости от маршрута наркотрафика), субъектам контрабанды также необходимо доставить наркотические вещества через польско-российскую или литовско-российскую границы на территорию Калининградской области.

Ввиду выше сказанного, можно предположить, что в деятельности уполномоченных органов в сфере противодействия контрабанде, в том числе наркотических средств, имеются недочеты. Предполагается, что указанные органы исполнительной власти не в полном объеме осуществляют поставленные цели и задачи в обеспечении защищенности личности и общества от наркотической угрозы, закрепленные в Стратегии, а, следовательно, это влечет за собой угрозу жизни и здоровью граждан, а также угрозу материальным и духовным ценностям общества.

В основе незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ находится единый комплекс

причин и условий, способствующих преступности в обозначенной сфере, к которым относятся социально-экономические, культурологические, семейно-педагогические, производственные, досуговые, правовые и правоприменительные, каждая из которых в той или иной степени влияет на распространение наркотизма [2, с. 135].

Стоит обратить внимание на правовые причины наркотизма. С большей долей вероятности, можно предположить, что в Калининградскую область наркотические средства, которые перенаправляются через государственную границу контрабандным путем, могут доставляться по двум причинам: 1) недостаточная техническая и кадровая оснащенность уполномоченных органов РФ в сфере противодействия контрабанде наркотических средств, а также неосуществление должной бдительности для предотвращения причинения вреда общественным отношениям; 2) отсутствие противодействия противозаконным деяниям ввиду корыстных побуждений определенных должностных лиц, как российских правоохранительных органов, так и аналогичных органов стран СНГ и ЕС.

Для пресечения наркопреступлений на территории Калининградской области на основании вышеперечисленных причин незаконного оборота наркотических средств необходимо провести комплекс мер по обеспечению противодействия данным преступлениям, тем самым обеспечив должный уровень защищённости личности и общества: 1) повышение материально-технического обеспечение и оснащенности уполномоченных в рассматриваемой сфере органов исполнительной власти, а также повышение уровня компетентности должностных лиц настоящих органов; 2) повышение уровня правосознания в уполномоченных органах исполнительной власти путём противодействие правовому нигилизму, в частности правовому нигилизму должностных лиц, отрицающих социальную роль права для реализации своих преступных интересов или преступных интересов третьих лиц; 3) противодействие коррупции в вышеуказанных органах на всех должностных уровнях; 4) развитие международного сотрудничества в сфере защиты государственных границ и противодействия контрабанде наркотических средств, в том числе повышение уровня взаимодействия таможенных, пограничных и иных правоохранительных органов Калининградской области с аналогичными органами Литовской Республики и Республики Польша.

Таким образом, приходим к заключению, что реализация положений Стратегии национальной безопасности на территории Калининградской области в сфере общественной безопасности, в частности, в сфере противодействия деятельности преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, не отвечает в полной мере закрепленным в Стратегии целям и задачам. Данное попустительство преступлениям наркотической направленности порождает угрозу защищённости личности и общества от преступных деяний, а, следовательно, препятствует должному обеспечению конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, проживающих в Калининградской области, а также противоречит стратегическим целям государственной и общественной безопасности, закреплённым в Стратегии национальной безопасности от 31.12.2015 года.

Литература:

1. Баландин А., Баландина Л., Джанибеков В. Самые опасные наркотики: справочное пособие. М.: Авторское издание, 2008. 105 с.
2. Галузинский А. А. Причины и условия преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2012. № 1. С. 133—135.
3. Кромова А. Я.. Контрабанда наркотиков как наиболее социально опасная разновидность нелегальной трансграничной активности между странами центральной Азии и Россией // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 6. С. 43—45.
4. Сафронова Е. И. Значение гуманитарного сотрудничества стран ШОС и интересы России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. № 19. С. 183—201.
5. ФСКН: Афганистан — мировой лидер по производству героина и гашиша // РИА Новости. URL: https://ria.ru/incidents/20150312/1052166458.html (дата обращения 25.09.2016).

Проблемы правового регулирования образовательного кредитования в Российской Федерации

Фадеева Елена Сергеевна, аспирант;
Мусагитова Лилия, аспирант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Образование является общественным благом, к получению которого стремится большинство людей. Однако образование не всегда является доступным каждому. Речь идет, прежде всего, о высшем образовании, получить которое каждый гражданин может на платной основе, что в настоящее время является распространенным явлением. Проблему доступности высшего образования призвана решить система образовательного кредитования. В юридической науке признается, что использование образовательного кредита является наиболее эффективным способом выполнения условия об оплате обучения в договоре об оказании платных образовательных услуг [1].

Федеральным законом «Об образовании в РФ» официально закреплена возможность кредитования в сфере образования [11]. Образовательные кредиты являются целевыми и предоставляются банками и иными кредитными организациями гражданам, поступившим в организации, осуществляющие образовательную деятельность, для обучения по образовательным программам. Предоставление образовательного кредита считается мерой социальной поддержки и стимулирования обучающихся.

Федеральным законом «Об образовании в РФ» предусмотрено два вида образовательных кредитов в зависимости от цели кредита: основной (направлен непосредственно на оплату обучения в образовательной организации) и сопутствующий (направлен на оплату проживания, питания, приобретения учебной и научной литературы и других бытовых нужд в период обучения). Для российского законодательства идея сопутствующего образовательного кредита как самостоятельного вида кредита является новеллой.

Впервые идея образовательного кредита в России была отражена в Законе РФ «Об образовании» [7]. В связи с появлением и развитием платного образования в начале 2000-х гг. были предложены первые программы образовательного кредитования [2, с. 52].

Предоставление образовательного кредита связано с определенными рисками для кредитора, что обусловлено специфичными условиями подобных договоров, в частности длительным сроком выплаты кредита, а также риском его невозврата [3, с.74]. Устранение подобных рисков возможно при участии государства.

Таким образом, в зависимости от участия государства в процессе кредитования можно выделить два вида образовательных кредитов: обычный образовательный кредит и образовательный кредит с государственной поддержкой. Если обычный образовательный кредит регулируется в основном нормами ГК РФ, то правовое регулирование образовательного кредита с государственной поддержкой является специальным.

В 2006 году Министерством образования и науки РФ была разработана Концепция государственной поддержки образовательного кредитования, а в период с 2007 по 2013 годы в целях разработки и апробации механизмов государственной поддержки образовательного кредитования Правительством РФ было утверждено Положение о порядке проведения эксперимента по государственной поддержке предоставления образовательных кредитов студентам образовательных учреждений высшего профессионального образования, имеющих государственную аккредитацию [6].

В соответствии с указанным Положением под договором образовательного кредита понимался заключенный между банком и заемщиком кредитный договор, по которому единственным способом обеспечения исполнения обязательства является поручительство. В качестве поручителя могло выступать только соответствующее определенным критериям юридическое лицо. Государственная поддержка выражалась в форме субсидии, предоставляемой поручителю для возмещения части расходов за счет средств федерального бюджета.

По окончании эксперимента Правительством РФ были утверждены Правила предоставления государственной поддержки образовательного кредитования [8]. В качестве мер государственной поддержки Правилами предусмотрено предоставление субсидий уже не поручителям, а банкам. При этом субсидии предоставляются для возмещения части затрат на уплату процентов по образовательным кредитам и части затрат по невозвращенным образовательным кредитам.

Порядок предоставления субсидий банкам для возмещения затрат по образовательным кредитам установлен Правилами предоставления из федерального бюджета субсидий юридическим лицам на государственную поддержку развития образования и науки, утвержденными Министерством образования и науки РФ, которые, в свою очередь, регулируют порядок предоставления субсидий юридическим лицам на государственную поддержку развития образования и науки и являются довольно общими. Субсидии предоставляются на основании договора, заключенного между Министерством и банком — получателем субсидий [9].

Для того чтобы претендовать на получение субсидии, банк должен соответствовать целому ряду установленных критериев. Ряд требований также предъявляется к образовательной организации.

Более того, для предоставления государственной поддержки обязательным условием является наличие трехстороннего соглашения об информационном сотрудничестве между Министерством образования и науки РФ, банком и организацией, осуществляющей образовательную деятельность. Именно с тем, что заключение подобных соглашений не является распространенной практикой, связано отсутствие широкого использования образовательных кредитов с государственной поддержкой.

В совокупности процесс получения государственной поддержки образовательного кредита представляет собой сложный процесс, в котором необходимо соблюдение баланса интересов в системе взаимоотношений «заемщик — организация, осуществляющая образовательную деятельность — банк — государство». На основании вышеизложенного, доступность образовательного кредита с государственной поддержкой в настоящий момент вызывает сомнение.

В сложившейся ситуации все более распространенными становятся образовательные кредиты без государственной поддержки. Такие кредитные договоры заключаются между заемщиком и банком, и регулируются положениями ГК РФ, что подтверждается соответствующей судебной практикой. Более того, к отношениям, возникающим из обязательств по договору образовательного кредита, могут применяться нормы Закона РФ «О защите прав потребителей» [10].

Однако условия предоставления образовательных кредитов без государственной поддержки в большинстве случаев являются неприемлемыми для большинства обучающихся [4, с. 119]. В связи с этим для решения проблемы доступности высшего образования необходимо развитие и распространение именно образовательных кредитов с государственной поддержкой.

Эффективность ныне действующей системы образовательного кредитования и, как следствие, реализация права на образование зависят от решения ряда вопросов. Правовое регулирование в сфере образования носит комплексный частно-публичный характер, что, непременно, должно отражаться и на правовом регулировании в сфере образовательного кредитования.

По нашему мнению, правовое регулирование в сфере образовательного кредитования должно основываться на следующих принципах:

— комплексности, то есть гармонично сочетать в себе публичные начала, заложенные в Федеральном законе «Об образовании в РФ», и частно-правовой характер норм ГК РФ;
— общедоступности, то есть обеспечивать реальную возможность получения образовательного кредита;
— неоднократности, то есть предоставлять возможность получения образовательного кредита, в том числе с государственной поддержкой, при получении нескольких уровней образования.

В настоящий момент неурегулированными являются многие вопросы, возникающие при реализации правоотношений в рассматриваемой сфере. В частности, нерешенным является вопрос судьбы образовательного кредита при изменении отношений по оказанию платных образовательных услуг, при приостановлении действия соответствующего договора об образовании (в случаях предоставления академического отпуска, отпуска по беременности и родам, отпуска по уходу за ребенком).

В литературе предлагается решить подобные вопросы путем принятия Федерального закона «Об образовательных кредитах» [5, с. 150]. Подобная идея представляется разумной, так как именно принятие специального нормативно правового акта, а именно федерального закона, позволит разрешить многие вопросы, возникающие при реализации рассматриваемых правоотношений. Регулирование может быть направлено на упрощение и конкретизацию порядка предоставления субсидий в рамках государственной поддержки образовательного кредитования. Кроме того, возможно включение условий и критериев, закрепляющих отличия образовательного кредита от потребительского, что позволит сделать образовательный кредит как с государственной поддержкой, так и без нее более доступным.

Таким образом, развитие системы образовательного кредитования должно происходить путем совершенствования нормативно-правового регулирования в этой сфере, что, в свою очередь, будет содействовать реализации конституционного права граждан на образование.

Литература:

1. Ершов В. С. Правовое регулирование договора об оказании платных образовательных услуг в сфере высшего профессионального образования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.М., 2010.27 с.
2. Литвинова Т. П. Развитие системы образовательного кредита в Российской Федерации // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 2. С. 52.
3. Левашов Е. Н. Риски образовательного кредитования // Инновационная наука. 2015. № 10—2. С. 74.
4. Седова М. Л. Роль образовательного кредита в обеспечении доступности высшего профессионального образования // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 119.
5. Спиридонова Н. Ю. Образовательный кредит как средство обеспечения доступности высшего профессионального образования // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 50.
6. Постановление Правительства РФ от 23.08.2007. № 534 «О проведении эксперимента по государственной поддержке предоставления образовательных кредитов студентам образовательных учреждений высшего профес-

сионального образования, имеющих государственную аккредитацию» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 35. Ст. 4317. (утратило силу)
7. Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 (ред. от 12.11.2012) «Об образовании» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 150. (утратил силу)
8. Постановление Правительства РФ от 18.11.2013 г. № 1026 «Об утверждении Правил предоставления государственной поддержки образовательного кредитования»
9. Приказ Министерства образования и науки РФ от 07.04.2014 № 277 (ред. от 11.09.2015 г.) «Об утверждении правил предоставления из федерального бюджета субсидий юридическим лицам на государственную поддержку развития образования и науки»
10. Решение Кировского районного суда г. Перми от 14.05.2015 г. Дело № 2–811/2015. URL: https://rospravosudie.com/court-kirovskij-rajonnyj-sud-g-permi-permskij-kraj-s/act-487033391/ (дата обращения 29.11.2015)
11. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

Актуальные проблемы судебной защиты права на альтернативную гражданскую службу в России

Филиппов Алексей Анатольевич, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

В настоящее время остается нерешенным комплекс проблем, связанных с заменой военной службы альтернативной гражданской службой, возникающих с момента отказа гражданам на уровне призывных комиссий в такой замене. Лишь только в судебном порядке гражданин может добиться отмены незаконных решений призывных комиссий об отказе в замене военной службы [1]. Проблемы судебной защиты исследуемого права представляются недостаточно исследованными в отечественной юриспруденции.

Статья 46 Конституции РФ гарантирует каждому человеку право на судебную защиту. Теоретически судебная защита выступает в качестве наиболее эффективного, а часто, и единственного средства защиты нарушенных прав и свобод. В статье 8 Всеобщей декларации прав человека установлены аналогичные гарантии [2].

Но возможно ли эффективное судебное восстановление нарушенного права на альтернативную службу в современных реалиях?

Важнейшим условием реализации права на судебную защиту являются гарантия доступа к правосудию, который обеспечивается ненадлежащим образом ввиду существования незаконной практики «призыва одним днем» [3] — т. е. похищении призывника и незаконном удержании его в военном комиссариате с целью отправки в войска. Очевидно, что в таких условиях гражданин лишен права обжаловать решение об отказе в альтернативной службе. Призывом «одним днем» злоупотребляют сотрудники военных комиссариатов Москвы, Санкт-Петербурга [4] и ряда других субъектов РФ.

Судебная защита прав осуществляется в районных судах общей юрисдикции по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ. Анализ судебной практики за 2012–2016 г. выявил проблемы судебной защиты права на альтернативную службу, из которых наиболее серьезные: 1) игнорирование судами запрета оценки легитимности убеждений или способов их выражения; 2) отказ в удовлетворении иска в связи с «недоказанностью убеждений», противоречащих несению военной службы; 3) формальные отказы, основанные на пропуске гражданином срока подачи заявления на альтернативную службу; 4) отсутствие у суда полномочий по замене военной службы альтернативной; 5) лишение с 2015 г. граждан реализации права на представление своих интересов в суде членами общественных организаций, зачастую не имеющими юридического образования, но являющихся профессионалами в сфере альтернативной службы.

За период с 2012 по 2016 г. федеральными судами общей юрисдикции в РФ рассмотрено 202 дела по обжалованию гражданами отказа в праве на альтернативную службу, из которых лишь 40 (20 %) разрешились в пользу граждан. Суды второй инстанции зачастую признавали законным отказ в замене военной службы. Более чем половина случаев отказа обусловлена непредставлением заявителями «доказательств своих убеждений» (58,6 %), второе место оснований для отказа занимает пропуск срока подачи заявлений на альтернативную службу (33,3 %).

Суд при разрешении дела, связанного с нарушением прав граждан на альтернативную службу, в первую очередь обязан обратиться к Федеральному закону «Об аль-

тернативной гражданской службе». «Недоказанность» убеждений как мотив для отказа в альтернативной службе является нарушением законодательства. Вместе с тем, это нарушение закрепилось и в судебной практике. В большинстве дел отказ по причине «недоказанности убеждений» коррелирует с пропуском сроков подачи заявления.

Выявлено 93 случая, когда основанием для отказа в удовлетворении иска являлась ссылка правоприменителя на непредставление гражданами доказательств антивоенных убеждений. В большинстве дел «недоказанность убеждений» трансформируется в «законное» основание отказа в замене военной службы: «характеризующие его документы и другие данные не соответствуют доводам гражданина о том, что несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию». Но здесь недопустимо расширительное толкование, и отсутствие документов, доказывающих убеждения гражданина, не может расцениваться судом как несоответствие его доводам.

Вопреки вышесказанному, судебная коллегия по административным делам Архангельского областного суда по делу № 33а-1698/2016, признавая правомерность отказа в альтернативной службе, указала: «характеризующие Л. документы не подтверждают его доводы о том, что несение военной службы противоречит его убеждениям».

В другом деле гражданин Я. к заявлению в суд приложил ксерокопию справки религиозной организации Свидетелей Иеговы, свидетельствующей, что он в течение четырех лет является ее возвещателем, однако суд не посчитал ее допустимым доказательством убеждений. Решение об отказе было признано правомерным, что подтвердила 02.02.2012 судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан, мотивировавшая отказ так: «гражданин Я. не довел до сведения призывной комиссии убедительных доводов о наличии у него убеждений или вероисповедания, которые противоречат несению военной службы, и не представил соответствующих доказательств».

По аналогичным причинам граждане лишались судом права пройти альтернативную службу в Москве, Санкт-Петербурге, Пермском крае и ряде других субъектов РФ.

В другом деле решением Меленковского районного суда Владимирской области от 25.01.2012 г. по делу № 2—14 за гражданином было признано право на альтернативную службу. Суд указал, что «члены призывных комиссий, обладая определенной информацией о принадлежности К. к религиозной группе, не приняли действенных мер по истребованию необходимых ей документов. Более того, суд подтвердил, что именно на призывные комиссии возложена обязанность «доказать отсутствие у гражданина оснований для замены военной службы по призыву альтернативной гражданской службой, что должно быть отражено при вынесении решения об отказе в такой замене. При этом вероисповедание или убеждения гражданина могут быть подтверждены его письменным заявлением».

То есть, возложение бремени доказывания наличия убеждений на граждан недопустимо, поскольку лишает последних права на альтернативную службу.

В последнее время набирает популярность тенденция судов производить оценку легитимности, истинности антивоенных убеждений и способов их выражения и отказывать гражданам в праве иметь светские убеждения или вероисповедание. Такая практика прямо нарушает конституционное право на свободу убеждений, совести, мысли и противоречит практике Европейского суда по правам человека [5].

Например, Сыктывдинский районный суд Республики Коми по делу № 2—1076/2013, оценивая истинность и легитимность убеждений гражданина П., приходит к выводам: «Доводы П. свидетельствуют не о наличии у заявителя специфических убеждений, но о нежелании последнего испытывать временные трудности, связанные с прохождением военной службы». Но подобный вывод нелогичен, поскольку гражданин обращается в призывную комиссию с заявлением о замене военной службы альтернативной, а не с просьбой о полном освобождении от воинской обязанности.

Оценкой светских и религиозных убеждений занимались Сортавальский городской суд Республики Карелия по делу № 2—646/2013, Новгородский областной суд — по делу № 2—962/13—33—574, Кировский городской суд Ленинградской области по делу № 2—235/2014.

Еще более абсурдными в аспекте толкования законодательства можно признать определение Судебной коллегии по административным делам Санкт-Петербургского городского суда от 14.10.2015 г. по делу № 2—6582/2015, решение Промышленного районного суда г. Самары от 17.07.2015 г. по делу № 2—5411/15. Здесь суды отказали в праве, так как, по их мнению, в заявлении на альтернативную службу отсутствовали указания на «материальные и формальные причины» невозможности службы в армии.

Возникает вопрос: каким образом раскрыть материальные и формальные причины невозможности прохождения военной службы? Аристотель в процессе разработки рациональной метафизики, являющейся фундаментом современной науки, дифференцировал причины, принадлежащие каждому событию, на 4 типа: материальные, формальные, движущие и целевые [6]. Почему бы тогда не потребовать от гражданина указывать в заявлении целевые и движущие причины?

Далее суд полемизирует: «идеи гуманизма и свободолюбия логически не противопоставлены нравственным и политическим принципам патриотизма». Вероятно, у суда своя интерпретация патриотизма, однако не следует забывать, что согласно ч. 3 статьи 59 Конституции РФ альтернативная служба является формой защиты Отечества. Кроме того, ряд авторов солидарны во мнении, что невозможно одновременно быть патриотом и гуманистом. Герцен считал «патриотизм свирепой добродетелью, из-за которой пролито крови в десятки раз больше, чем от всех пороков».

Лев Толстой в своих статьях «Христианство и патриотизм», «Патриотизм или мир?», «Патриотизм и правительство» последовательно развивал идею безнравственности и глупости всякого патриотизма.

Такие судебные акты создают барьеры признанному в статье 13 Конституции РФ идеологическому многообразию.

В соответствии со статьей 18 Конституции РФ право на альтернативную службу является непосредственно действующим, оно определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием. Однако некоторые суды при разрешении дел в рассматриваемой сфере приходят к диаметрально противоположным выводам, что подтверждается хаосом в судебных правоприменительных актах.

Так, в решениях Первомайского районного суда Нижегородской области от 20.05.2015 г. по делу № 2–348, Североморского районного суда Мурманской области от 01.09.2015 г. по делу № 2–1584/2015, в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Мордовия от 03.02.2015 г. по делу № 33–168/2015 суды лишали граждан права на альтернативную службу, руководствуясь не законом, а «Божьей точкой зрения»: «проверяя доводы заявителя, суд исходит из того, что ... правоохранительные органы, в том числе и военные, вполне законны с Божьей точки зрения, поэтому нельзя считать грехом службу в армии и принятие присяги, даже если это связано с ношением оружия, при этом прямого запрета на это Библия не содержит».

Остается загадкой, каким образом суды определяли «Божью точку зрения»?

Проблема отказа в альтернативной службе вследствие несоблюдения сроков подачи заявлений особо актуальна. В статье 11 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» закреплен процедурный аспект: срок подачи заявления за полгода до начала призыва, в ходе которого гражданин призывается. Конституционный Суд РФ в своем определении от 17.10.2006 N 447-Ообязал правоприменителя исследовать причины пропуска подачи заявлений гражданами и в случае их уважительности признавать за последними право на восстановление сроков [7].

Пропуски срока подачи заявления преимущественно обусловлены двумя факторами — «окончательное формирование убеждений по истечении сроков» и «незнание сроков подачи заявлений». Как правило, эти основания пропуска срока суд не признает уважительными.

В практике 2012–2016 г. выявлено 54 случая отказа судами в удовлетворении исков лишь по основанию «пропуск срока подачи заявлений на альтернативную службу».

По целому ряду дел суды не признают уважительными доводы заявителей об окончательном формировании их взглядов после истечения срока подачи заявления, присваивая «убеждению» надуманные признаки: «устоявшийся взгляд»; «длительность формирования». Это одна из распространенных судебных ошибок.

Например, Решением Медведевского районного суда Республики Марий Эл от 31.05.2016 г. по делу № 2а-1026/2016 был признан законным отказ в замене военной службы альтернативной в отношении гражданина Н., поскольку по мнению суда: «понятие убеждения предполагает длительность его существования, а потому приведенный Н. довод о формировании у него убеждений в феврале 2016 г. не может расцениваться в качестве уважительной причины пропуска срока подачи заявления».Но закон не может устанавливать продолжительность периода формирования убеждений.

В Решении Верещагинского районного суда Пермского края от 23.11.2015 г. № 2а-1142, Определении судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 02.02.2015 г. по делу № 33–1011/2015 А-63 основанием отказа в признании уважительности причин пропуска срока подачи заявлений является ссылка судебного правоприменителя на то, что «убеждения должны быть сформированы к указанному в законе моменту». Таким образом, суды отрицают закрепленное в статье 28 Конституции РФ право граждан свободно иметь, менять свои убеждения и вероисповедание.

Также ярким проявлением правового нигилизма является позиция Центрального районного суда г. Читы по делу № 2–4515–14 о том, что призывные комиссии вправе вообще не рассматривать заявления на альтернативную службу по существу, поданные по истечении сроков. Между тем, п. 1 статьи 12 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» устанавливает императивную обязанность рассматривать заявления на альтернативную службу, даже поданные с нарушением срока.

В качестве еще одного критерия для признания отказа в альтернативной службе легитимным правоприменитель использует ссылку на отсутствие ходатайства заявителя о восстановлении срока подачи заявления на альтернативную службу. По ряду дел даже не опровергается существо заявления — противоречие убеждений гражданина службе в армии.

Нарушение единства правоприменения установлено и при решении судами вопроса о возможности подачи гражданами повторных заявлений на альтернативную службу в случаях, когда в предыдущем призыве им было отказано в замене военной службы. Например, Ленинский районный суд г. Кирова пришел к выводу, что в аналогичном заявлении Ж. не указал новых обстоятельств и антивоенных убеждений, поэтому призывной комиссией правомерно отказано в повторном рассмотрении заявления. В другом схожем по характеру споре Сакмарский районный суд Оренбургской области в решении от 01.11.2013 г. по делу № 2 (1) — 968/2013 принял диаметрально противоположную позицию, по которой заявитель не лишен права повторно обращаться с заявлением о замене военной службы альтернативной гражданской службой в новом призыве.

Дзержинский районный суд г. Нижний Тагил Свердловской области в решении от 09.06.2015 г. по делу № 2–1352/2015 и вовсе расценил повторную подачу заявления на альтернативную службу как злоупотребление гражданина правом. Данный вывод основан на неверном толковании закона, поскольку о злоупотреблении правом может идти речь лишь в случае повторного ходатайства на альтернативную службу при установлении факта уклонения заявителя от ранее предоставленной альтернативной службы.

В случае, если в нарушение закона решение призывной комиссии обусловлено «недоказанностью убеждений» или иными надуманными основаниями, или же вовсе не содержит мотивировки, оспаривание должно иметь положительный результат. Однако и здесь возможен произвол, поскольку в судейской среде нет единства мнений относительно термина «мотивированное решение призывной комиссии».

Так, по мнению судебной коллегии по административным делам Челябинского областного суда по делу № 11–4074/2013, в обязанности призывной комиссии не входит составление полного мотивированного решения об отказе в альтернативной службе.

Соглашаясь с правовой позицией Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга, выраженной в решении по делу № 2–2256/2012, отметим, что мотивированное решение должно базироваться на полном и объективном исследовании доводов и личности призывника, а не содержать одну лишь ссылку на норму закона об основаниях для отказа в альтернативной службе.

Рассмотренные нарушения материального права в судебной практике явно не соответствуют законодательству, международному праву и противоречат практике Европейского Суда по правам человека. Такие нарушения не являются редкостью. Все они свидетельствуют об опасной тенденции, наметившейся в последнее время: ограничение прав граждан иметь антивоенные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Вынесение ошибочных с точки зрения материального права судебных решений свидетельствует также о подрыве единого правового пространства, ведет к нарушению принципа равенства всех перед законом и судом. Во многом сложившейся практике способствуют несовершенство законодательства и противоречивые позиции Конституционного Суда РФ.

Литература:

1. Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» от 25.07.2002 № 113-ФЗ // URL: http:// http://base.garant.ru/184751/ (дата обращения: 6.11.2016).
2. Всеобщая декларация прав человека // http://www.un.org/ru. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 6.11.2016).
3. Лидера молодежного отделения «Парнаса» похитили и насильно отправили в армию // Новая газета. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/04/28/68413–171-my-tebya-nauchim-rodinu-lyubit-187 (дата обращения: 6.11.2016).
4. Призыв на военную службу «одним днем» незаконен // RealArmy. URL: http://www.realarmy.org/prizyv-na-voennuyu-sluzhbu-odnim-dnem-nezakonen/ (дата обращения: 6.11.2016).
5. Московское отделение армии спасения против России, Жалоба № 72881/01 // Библиотека по Правам Человека. URL: http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rmsacase.html (дата обращения: 6.11.2016).
6. Пролог 37. Четыре причины Аристотеля // Когнитивист. URL: http://www.cognitivist.ru/er/kernel/prologi_37_aristotle_causes.xml (дата обращения: 6.11.2016).
7. Определение Конституционного Суда РФ от 17.10.2006 № 447-О «По жалобам граждан Жидкова Михаила Александровича и Пильникова Олега Сергеевича на нарушение их конституционных прав статьей 11 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» // Гарант. URL: http:// http://base.garant.ru/12151511/ (дата обращения: 6.11.2016).

Социально-предпринимательские корпорации Республики Казахстан как правовой механизм защиты интересов гражданского общества. Итоги первого десятилетия

Ходжаев Дарий, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

«Социально-предпринимательские корпорации (СПК) — это устойчивые бизнес-структуры, осуществляющие свою деятельность с целью получения прибыли от производства и продажи товаров и услуг. Основным отличием СПК от коммерческих корпораций является то, что полученная прибыль реинвестируется для реализации

социальных, экономических или культурных целей населения того региона, в интересах которого СПК создавались» [2]. Именно такое определение было дано Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, когда он впервые озвучил идею создания СПК в своем Послании народу в марте 2006 года. «В результате СПК превратятся в крупных работодателей и «локомотивы» развития страны, не обременяя при этом государство увеличением числа государственных служащих», — заключил Н. Назарбаев.

Идея создания СПК появилась в результате поиска новых инструментов развития несырьевых секторов, более адаптированных к сложившимся в Казахстане условиям с акцентом на регионы. Ряд проблем, касающихся социально-экономического развития областей Казахстана, в том числе, недостаточное проникновение реформ на региональный уровень, нехватка управленческого потенциала предприятий и органов местного государственного управления, отсутствие у субъектов частного предпринимательства широкого доступа к инвестициям государственных институтов развития, и, в первую очередь, отсутствие правового механизма, потребовал от государства принятия незамедлительных мер.

Как показывает мировой опыт, именно от конкурентоспособности регионов зависит благосостояние страны.

Действительно, в мировой практике существуют различные схемы взаимодействия частного и государственного секторов. В США это региональные корпорации экономического развития (EDS — Региональная корпорация экономического развития, CRDC — Сертифицированная корпорация регионального развития, LVEDC — Корпорация по экономическому развитию), созданные по инициативе группы бизнес-лидеров, с незначительной долей участия государства. Цель указанных организаций — мобилизация ресурсов частного сектора для содействия экономическому развитию регионов и улучшения благосостояния населения.

В Дании кооперативы называют социальными предприятиями (social enterprises). Успешные кооперативы создают целые «брэнды», под которыми продают продукцию малого и среднего бизнеса. Кооперативы создаются не только в сельском хозяйстве и пищевой промышленности, но и в других отраслях, включая услуги.

«Целесообразность участия в социальных бизнес-проектах, несомненно, обеспечивается и государством», — указывает О. А. Серова, и продолжает: «Помимо предоставления финансовой поддержки, льгот, требуется закрепление особенностей правового статуса субъектов социального предпринимательства на законодательном уровне, в части решения вопроса о запрете (либо ограничении) распределения прибыли между участниками корпорации, установления специальной (целевой) правоспособности, публичного характера деятельности и т. д.» [3].

Такое закрепление правового статуса в законодательстве отражается в британской и итальянской моделях социального предприятия. В итальянской модели акцент делается на трудоустройство социально уязвимых работников предприятий.

27 апреля 2006 года в Польше принимается закон «О социальных кооперативах», регламентирующий порядок создания, деятельности и ликвидации социального предприятия, как раз построенного по итальянской правовой модели.

Британская модель, также положенная в основу социальных предприятий Канады и Южной Кореи, делает упор на повышение эффективности экономических показателей социальных предприятий, созданных с целью ведения коммерческой деятельности в интересах определенных сообществ. Особенность британского социального предприятия (Community interest company, сокращенно CIC) состоит в том, что оно не относится ни к коммерческим, ни к некоммерческим организациям. Получение прибыли для инвесторов не должно быть основной целью его деятельности. Характерной чертой CIC является возможность блокирования активов (запрет продажи доли предприятия с целью получения прибыли), и распределение не более 1/3 прибыли (остальная прибыль должна реинвестироваться в решение социальных проблем) [4].

Можно отметить, что в это же время разрабатываются, а затем принимаются законы о социальной экономике и социальном предпринимательстве в Испании (2011), Словении (2012), Португалии (2013) и других странах.

Мы видим, что под социальным предпринимательством в развитых странах понимается предпринимательская деятельность, направленная, прежде всего, на решение социальных проблем, а не на извлечение прибыли.

Для переходного этапа от административно-командной к рыночной экономике, на котором сейчас находится большинство стран постсоветского пространства, в том числе и Казахстан, более характерно классическое понимание предпринимательства, где все нововведения нацелены на увеличение прибыли, что не в полной мере сочетается с теорией социальной экономики.

В отличие от стран с развитой инфраструктурой и давно сложившейся социально-экономической системой, в Казахстане вопросы территориального развития требуют эффективной координации. Разработчики концепции СПК столкнулись с необходимостью поиска не альтернативы, но разновидности западной модели, что привело к созданию своего рода уникальной общественной корпоративной структуры. Существенными отличиями от моделей указанных выше стран стала форма участия государства в корпорациях, организационно-правовая структура и функции.

Согласно Концепции, социально-предпринимательская корпорация — это юридическое лицо в форме акционерного общества, созданное по решению Правительства Республики Казахстан, осуществляющее предпринимательскую деятельность, не менее пятидесяти процентов чистой прибыли от которой подлежит реинвестированию для реализации социальных проектов в интересах населения тех регионов, в которых она создана.

Целью социально-предпринимательской корпорации является содействие в устойчивом социально-экономическом развитии регионов. Основными задачами СПК являются:

— содействие развитию предпринимательской деятельности в регионах и повышению инвестиционной привлекательности отечественных товаропроизводителей;
— развитие конкурентоспособных производств, в том числе на основе реабилитации и реструктуризации нерентабельных организаций;
— разработка и реализация социальных проектов;
— взаимодействие с органами власти по передаче части активов государственной собственности, земли в собственность СПК.

Приоритет при отборе социальных проектов должен отдаваться проектам в сфере социальной защиты населения, медицины, образования, защиты материнства и детства, экологии, спорта, культуры, развития коммунальной инфраструктуры регионов.

Определено создание СПК в семи макрорегионах: в Северном, Каспийском, Уральском, Иртышском, Сарыаркинском, Южном и Жетысуйском.

Дальнейшим шагом стало создание теперь уже Национальной компании СПК «Сары-Арка» [5]. Эта корпорация была создана в качестве «пилотного» проекта для того, чтобы апробировать идеи, заложенные в Концепции, выработать механизмы взаимодействия с уполномоченными органами и сотрудничества с частным бизнесом.

Сотрудничество с частным сектором в сфере реализации инвестиционных проектов показало, что бизнесу не интересны просто финансы, наибольший интерес для него представляют земельные ресурсы, в особенности при наличии элементов инфраструктуры. Но на практике вопросы передачи земельных ресурсов СПК столкнулись с проблемами в предоставлении земельных активов самой социально корпорации. СПК «Сары-Арка» были инициированы поправки в Земельный кодекс Республики Казахстан, разрешающие передачу земельных участков в собственность СПК, имеющих статус национальной компании, в оплату их уставного капитала.

Весь наработанный к тому моменту опыт, а также решение возникающих перед «пилотным» проектом проблем нашли отражение в законопроекте «О региональных социально-предпринимательских корпорациях». Но до настоящего времени разработанный предварительный вариант законопроекта, который длительное время находился на рассмотрении и обсуждении в заинтересованных ведомствах, так и не принят.

Тем не менее, как и предполагалось концепцией, в течение 2006—2007 годов созданы семь социально-предпринимательских корпораций в семи макрорегионах, полностью охватывающих территорию Казахстана. А в 2013 году их число достигло уже шестнадцати.

Одной из тенденций при оценке развития системы юридических лиц Кулагин М. М. назвал развитие и практическую реализацию концепции публичных юридических лиц, наделенных государственно-властными полномочиями [6]. И, формально оценивая СПК, можно констатировать, что институт в республике состоялся.

Но также можно констатировать и другой факт: не реализована главная идея социально-предпринимательских корпораций — государственно-частное партнерство.

В 2009 году президент Независимой ассоциации предпринимателей Казахстана Талгат Акуов высказался по этому поводу так: «СПК сегодня плохой управляющий. Я не верю чиновникам. Как можно создавать совместный бизнес, если партнер не разбирается в ведении бизнеса. Там, где сегодня дела связаны с государством, мы относимся с недоверием. На протяжении последних пяти лет видно, где государство пыталось развить какие-то программы, все они терпели фиаско. Были затрачены большие деньги, а результата никакого». По мнению эксперта, чтобы улучшить бизнес-среду, предложения должны исходить от бизнеса, а не от государства. «Любая инициатива сверху просто приведет к тому, что кто-то потратит деньги, и за это опять никакой ответственности не понесет, по сути, должна быть инициатива снизу. Что касается СПК, инициативы снизу не было, это было предложение сверху, что благодаря этой программе будет все раскручиваться. Такой путь в наших условиях совсем не практичен», — резюмировал господин Акуов [7].

В 2007—2010 годах наблюдалась частая смена государственных управляющих СПК. В 2007 году этим занималось министерство индустрии и торговли, в 2008 году социально-предпринимательские корпорации стал курировать «Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына». А уже в 2009 году СПК снова перешли в ведение министерства индустрии и торговли. Надо ли говорить, что это не лучшим образом отразилось на эффективности региональных институтов развития?

На заседании Правительства РК 16.10.2012 года министр экономического развития и торговли РК Ерболат Досаев признал неэффективность СПК, и объяснил это периодической реорганизацией компаний, сменой акционеров, а также причинами, «преодоление которых зависит от самих компаний».

Смешение коммерческих и некоммерческих задач, неоптимальный и широкий отраслевой диапазон проектов, текущая убыточность большинства СПК, недостаточно активное взаимодействие СПК с другими институтами развития. Список можно продолжать.

Что же мы видим? Поменялась форма, но не содержание. Часть нерентабельных активов из-под управления одного государственного ведомства перекочевала под управление другого. Созданный механизм оказался эффективным в большей степени на бумаге.

По данным министерства регионального развития РК к середине 2013 года 13 из 16 социально-предпринима-

тельских корпораций по формированию стабилизационных фондов являлись убыточными.

В соответствии с Концепцией в 2014 году Правительством Республики Казахстан утверждены стратегии развития всех шестнадцати СПК. В стратегиях определены миссия, видение, стратегические направления, цели, задачи, мероприятия, механизмы их реализации и показатели результатов деятельности СПК. Органом управления, принимающим все решения относительно хозяйственной деятельности СПК, является Совет директоров под председательствованием Акимов областей (Аким — глава администрации области), городов Астаны и Алматы. Акиматы являются единственными акционерами СПК.

В октябре 2015 года Демократической Партией Казахстана (ДПК) «Ак жол» был направлен запрос в Правительство РК касательно эффективности работы СПК. «В настоящее время СПК превратились в хозяйственные ведомства при акиматах, распоряжающиеся средствами стабилизационного фонда. Более того, сегодня они представляют проблему для бизнеса, создают дополнительные административные барьеры, и являются сдерживающим фактором для его развития. Например, при выдаче разрешения на добычу общераспространенных полезных ископаемых СПК получают 50-процентную долю участия в уставном капитале, не вкладывая ни тиына, в то время как раньше предприниматель мог получить такое разрешение без участия СПК. Рассмотрите вопрос о целесообразности дальнейшей деятельности СПК, либо их приватизации с передачей в конкурентную среду», — говорилось в запросе. Из ответа правительства следует, что стратегии развития всех 16 СПК на 2014—2023 годы были утверждены только в августе 2014 года. Оценка реализации поставленных перед ними задач и отчеты СПК запланированы со второй четверти 2016 года. «В этой связи считаем правильным вопрос о продолжении работы СПК или их передаче в конкурентную среду ставить после оценки результатов деятельности в соответствии с новой стратегией», — отмечено в письме за подписью Премьер-министра РК Карима Масимова [8].

«Государство налагает руку на собственность, которая должна выполнять социальную функцию. Собственность социализируется и перестает быть абсолютным правом и трансформируется для собственника в социальный долг», — писал Л. Дюги [9]. Так вот, в «социальный долг» для государства собственность, в контексте СПК, до сих пор не трансформировалась.

Причины? Скорее это системный вопрос правовой и социально-экономической модели Казахстана, нежели список пунктов, которые необходимо устранить в предписанные руководством сроки. Разработчики изначально не имели четкого видения, каким будет институт СПК. Вопросы реабилитации нерентабельных государственных активов в регионах в какой-то момент сменились концепцией делегирования роли социально-ответственного бизнес-игрока от государства. Идея привлечь к государственно-частному партнерству мелкий и средний бизнес натолкнулась на неповоротливую бюрократическую машину с административно-командным уклоном.

С точки зрения законодательства, необходимо еще раз упомянуть отсутствие правового акта, четко регламентирующего и регулирующего деятельность СПК. Закон о региональных социально-предпринимательских корпорациях не принят. Социализация экономики и права происходит очень медленно, в соответствии с ним развивается и гражданское законодательство.

Таким образом, на данном этапе социально-предпринимательские корпорации не стали той панацеей, тем «локомотивом», который смог бы придать значимый импульс социально-экономическому развитию регионов республики. Разом решить сразу несколько задач: реанимировать неэффективные госкомпании, обеспечить заказами малый и средний бизнес, и за счет этого снабдить финансовыми ресурсами развитие новых проектов и реализацию социальных программ на данном этапе не удалось.

Тем не менее, положительный эффект есть. Во-первых, это опыт, который трудно переоценить. Во-вторых, идеи, закрепленные в концепции СПК, явились предтече Предпринимательскому Кодексу Республики Казахстан, вступившему в силу с 1 января 2016 года. В нем социальному предпринимательству и государственно-частному партнерству посвящены целые главы. И хотя большинство входящих туда статей носят скорее декларативный характер, нежели содержат действенные правовые нормы для социализации экономических и правовых отношений, все же это ощутимое свидетельство единства руководства страны и гражданского общества в желании двигаться вместе в направлении социального правового государства, где на первом месте стоят интересы личности.

Литература:

1. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 мая 2006 года № 483.
2. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана: «Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира. Казахстан на пороге нового рывка вперёд в своём развитии». Март. 2006. Пункт 2.7.
3. Серова О.А. Социальное предпринимательство как правовой феномен и его влияние на изменение концепции юридического лица в России / Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности. Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической

конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, д. ю. н., профессора Коршунова Н. М. Отв. ред. Ю. С. Харитонова. М.,2016. С. 355.
4. Барков А. В. О необходимости учета тенденции социализации частного права при совершенствовании российского гражданского права // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 4. С.106.
5. Указ Президента Республики Казахстан от 13 января 2007 года № 274 «О мерах по созданию и обеспечению деятельности социально-предпринимательских корпораций»
6. Кулагин М. И. Избранные труды. М.: Статут, 1997. С. 44.
7. Деловой портал Kapital.kz https://kapital.kz/archive/14329/svetlyj-oblik-spk.html (дата обращения 06.11.2016)
8. Деловой портал Kapital.kzhttps://kapital.kz/economic/45702/ak-zhol-predlagaet-likvidirovat-spk-ili-peredat-v-konkurentnuyu-sredu.html (дата обращения 07.11.2016).
9. Леон Дюги https: // ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения 04.11.2016).

Молодой ученый

Международный научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 23.1 (127.1) / 2016

Редакционная коллегия:

Главный редактор:
Ахметов И. Г.
Члены редакционной коллегии:
Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е.В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:
Айрян З. Г. (*Армения*)
Арошидзе П. Л. (*Грузия*)
Атаев З. В. (*Россия*)
Ахмеденов К. М. (*Казахстан*)
Бидова Б. Б. (*Россия*)
Борисов В. В. (*Украина*)
Велковска Г. Ц. (*Болгария*)
Гайич Т. (*Сербия*)
Данатаров А. (*Туркменистан*)
Данилов А. М. (*Россия*)
Демидов А. А. (*Россия*)
Досманбетова З. Р. (*Казахстан*)
Ешиев А. М. (*Кыргызстан*)
Жолдошев С. Т. (*Кыргызстан*)
Игисинов Н. С. (*Казахстан*)
Кадыров К. Б. (*Узбекистан*)
Кайгородов И. Б. (*Бразилия*)
Каленский А. В. (*Россия*)
Козырева О. А. (*Россия*)
Колпак Е. П. (*Россия*)
Курпаяниди К. И. (*Узбекистан*)
Куташов В. А. (*Россия*)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (*Украина*)
Нагервадзе М. А. (*Грузия*)
Прокопьев Н. Я. (*Россия*)
Прокофьева М. А. (*Казахстан*)
Рахматуллин Р. Ю. (*Россия*)
Ребезов М. Б. (*Россия*)
Сорока Ю. Г. (*Украина*)
Узаков Г. Н. (*Узбекистан*)
Хоналиев Н. Х. (*Таджикистан*)
Хоссейни А. (*Иран*)
Шарипов А. К. (*Казахстан*)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.
Ответственный редактор: Шульга О. А.
Художник: Шишков Е. А.
Верстка: Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:
почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;
фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:
ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 23.11.2016. Основной тираж номера: 500 экз., фактический тираж спецвыпуска: 20 экз.
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25